

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Факультет филологии и журналистики

***Советское как дискурсивный феномен:
способы концептуализации прошлого***

Монография

УДК 159.9:4
ББК Ш100.23
С56

Печатается по решению учебно-методической комиссии
факультета филологии и журналистики ИГУ

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р Р214-08-004**

Авторы:

О. Л. Михалёва, А. А. Рачёва, М. Б. Ташлыкова,
Е. В. Стародворская, Е. В. Сумарокова

Рецензенты:

канд. филол. наук, доц. *Л. Г. Рябова*
канд. филол. наук, доц. *С. Н. Гафарова*

С56 Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации
прошлого : монография / О. Л. Михалёва [и др.] ; [под общ. ред.
О. Л. Михалёвой]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 249 с.

ISBN 978-5-9624-0963-4

Коллективная монография посвящена анализу и описанию дискурсивных практик, предполагающих осмысление советского. Анализ, результаты которого обобщаются в данной книге, основывается на массиве глубоких автобиографических интервью, записанных в течение 2009–2012 гг. (всего 96 интервью, около 100 часов звучащей речи) в рамках проектов «Устная история Иркутска» и «Ностальгия по советскому как средство и результат манипуляции общественным сознанием», реализованных силами сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета.

Внимание авторов монографии сосредоточено на рассмотрении следующих вопросов: какие фрагменты советского прошлого «призрачно присутствуют» в сознании большинства информантов; как эти фрагменты интерпретируются с позиций сегодняшней жизни; как сопрягаются факты личной и общественной истории в индивидуальном сознании; какие стратегии осмысления прошлого наиболее типичны.

Принятый в книге исследовательский подход предполагает необходимость и возможность лингвистической верификации любого постулируемого тезиса. Поэтому анализ фактического материала в значительной степени ориентирован на то, чтобы выявить языковые и дискурсивные маркеры, объективирующие ментальное и эмоциональное состояние говорящего в процессе порождения ностальгического дискурса.

УДК 159.9:4
ББК Ш100.23

ISBN 978-5-9624-0963-4

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. РОЛЬ ДИСКУРСА В КОНСТРУИРОВАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОЗНАНИИ СУБЪЕКТА	13
1.1. Мифологические представления как основание дискурсивной картины мира	13
1.2. Языковые и дискурсивные маркеры конструирования образа прошлого	25
1.3. Языковые знаки советского прошлого в современной речи	49
1.4. Структурирование образа действительности в пространстве дискурса	58
1.4.1. Влияние советского дискурса на способ экспликации воспоминаний о советском прошлом	58
1.4.2. Влияние дискурса современного социума на репрезентацию представлений о советском	68
Глава 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНАХ СОВЕТСКОГО КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОШЛОГО	76
2.1. На руинах империи: великая страна как предмет персональной рефлексии	77
2.2. Концептуализация представлений о феноменах советского	112

2.2.1. Концептуализация представлений о феноменах советского субъектами советского дискурса	112
2.2.2. Концептуализация представлений о феноменах советского субъектами дискурса современного социума	172
Глава 3. ДВОЙСТВЕННОСТЬ КАК РЕЛЕВАНТНЫЙ ПРИЗНАК ДИСКУРСИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО	201
3.1. Формы проявления двойственности в рамках советского дискурса	201
3.2. Коллизия представлений о советском в дискурсе современного социума	220
Заключение	241
Список интервьюируемых	243
Список литературы	245

В сущности, я не люблю жить.
Я люблю вспоминать.
Но я не могу вспоминать не по лжи,
но всё норовлю я песню сложить,
то есть, в сущности, лгать.
Лгать, сочинять,
песню слагать,
ответственность тоже слагать.
Уд – за старательность.
Неуд – за жизнь.
По пению – с минусом пять.

Т. Кибиров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга является результатом участия авторов в двух проектах, тесно соприкасающихся по материалу и проблематике, – «Устная история Иркутска» и «Ностальгия по советскому как средство и результат манипуляции общественным сознанием».

«Устная история – гуманитарная технология, дисциплинарно оформившаяся, получившая известность и область применения во второй половине XX в. Это история общества и конкретного человека, исследуемая сквозь призму биографического рассказа, сознательно зафиксированного заинтересованным и профессиональным слушателем с помощью технических средств» [Общедоступный сетевой ... , <http://oralhistory.ru>]. В 2010 г. сотрудниками Отдела устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова основан Фонд развития гуманитарных исследований «Устная история». Задача фонда, как формулируют ее сами создатели, состоит в формировании единого «пространства памяти», в создании общедоступного сетевого архива национальной памяти. Решая эту задачу, сотрудники Фонда записывают беседы с видными представителями науки, искусства, известными политологами, политиками, историками социально-политической мысли.

Люди, которые выступали в роли информантов в нашем проекте, принадлежат двум социальным группам. В первую входят врачи, учителя, преподаватели вузов, военные (как правило, пенсионеры), которые родились в различных частях Советского Союза в период между 1918 и 1956 гг. и переехали в силу разных обстоятельств в Иркутск, где живут не менее 40 лет. Вторую группу составляют молодые люди, родившиеся после 1986 г. и сейчас проживающие в Иркутске. Представители этой возрастной группы не имеют личного опыта освоения советского, но при этом они могут транслировать некоторые коллективные или индивидуальные представления, связанные с периодом существования Советского Союза. Важным является и то, что все интервьюируемые являются жителями Иркутска.

Вопросы информантам предлагались в свободной форме, позволявшей отвечать так, как они считали нужным. Темы советского прошлого специально не артикулировались, поэтому со-

ветская эпоха сама по себе не была центральной темой (и в ряде случаев появлялась лишь эпизодически). И все же то прошлое, о котором вспоминают респонденты, – это «по определению» советское прошлое, и потому полученные материалы естественным образом стали предметом анализа, предусмотренного задачами второго проекта.

Анализ, результаты которого обобщаются в данной книге, основывается на массиве глубинных автобиографических интервью, записанных в течение 2009–2012 гг. (всего 96 интервью, около 100 часов звучащей речи) студентами факультета филологии и журналистики и сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета.

Этот проект является частью исследования **«Ностальгия по советскому в социокультурном пространстве современной России»**, предпринятого научными коллективами межрегиональных институтов общественных наук Воронежа, Екатеринбурга, Иркутска, Новгорода, Саратова, Томска, а также учеными вузовских и академических центров России под научным руководством Бориса Гаспарова (Harriman Institute, Columbia University).

Знакомство с литературой по проблеме показывает, что термин *ностальгия по советскому* используется чрезвычайно широко.

С одной стороны, он охватывает все случаи репрезентации советских реалий в современных дискурсивных практиках и оказывается синонимичным выражениям *мода на советское, имитация советских образцов, увлечение советской символикой* и т. п., ср. : «Всеобщее, демонстративное и экзальтированное увлечение 1970-ми годами стилизовано под ностальгию» [Кустарев, 2007, <http://magazines.russ.ru/nz>].

Утверждается также, что «ностальгия становится одним из способов коллективной реакции на социальную травму, наряду с попытками нормализации, «негативизации» прошлого или утопической идеей возвращения. Практики ностальгирования становятся механизмами формирования коллективной идентичности современного сообщества в социальном транзите *советское / постсоветское*» [Шабурова, Смолина, <http://mion-journal.tomsk.ru>].

Заявив в качестве предмета изучения **ностальгию**, многие исследователи на самом деле занимаются изучением различных форм репрезентации советских реалий в современной действительности. Так, например, В. Н. Яшин предлагает выявлять элементы ностальгии «на основании вербально выраженной поло-

жительной оценки по отношению к тематическому полю «советский» и характеризует любые упоминания советских реалий в публичных выступлениях политических лидеров современной России как проявления ностальгии по советскому [Яшин, <http://mion-journal.tomsk.ru>].

Понятно, что в подобных употреблении термина семантический компонент, в котором воплощено эмоциональное состояние субъекта ностальгии (традиционно характеризующееся в дефинициях как ‘тоска’, ‘состояние душевного томления’, ‘тревога’) оказывается полностью нейтрализованным. Феномен ностальгии, таким образом, подвергается переосмыслению, ср. : «... современные дискурсивные практики выявляют: а) расширение объекта ностальгических переживаний, вовлечение в сферу ностальгического конструирования как явлений сугубо ментальных, так и имеющих несомненные перцептуальные основы, б) обозначение значительно большего спектра оттенков эмоционального отношения к объекту рефлексии, связанных с ностальгическим чувством, нежели обозначенное в лексикографических источниках» [Резанова, 2011, с. 9–10].

С другой стороны, термин *ностальгия* используется разными авторами более традиционно, хотя многие исследователи подчеркивают, что необходимо разграничивать два типа ностальгирования (пожалуй, в наиболее развернутом виде такая типология была предложена Светланой Бойм [Boym, 2001]): противопоставить ностальгию рефлексивную, ироничную (т. е., как довольно язвительно замечают в своей статье Майя Надкарни и Ольга Шевченко [Nadkarni, Shevchenko, 2004], «хорошую») – ностальгии импульсивной, недистанцированной и, в конечном счете, реставрационной (т. е. «плохой») [Каспэ, 2008].

Ср. : «... Ностальгия сочетается либо с определенными эмоциями (любовь, ненависть, оптимизм, пессимизм и т. д.), либо с определенной модальностью в оценке действительности (позитивной, ироничной, саркастической, ёрнической и т. д.), либо со стремлением манипулировать массами, электоратом (власть, СМИ), либо с коммерческими соображениями (реклама)» [Роменко, Санджи-Горяева, <http://mion-journal.tomsk.ru>].

Один из центральных вопросов, который (в связи со сказанным) был в центре внимания, – это вопрос о том, существует ли на самом деле то отношение к советскому прошлому,

которое можно обозначить как *ностальгию* в самом традиционном понимании этого слова.

Действительно ли она «встречается довольно редко (главным образом, у идейных сторонников советской власти, нынешних пенсионеров, всю жизнь трудившихся на благо страны и видевших в этом смысл своего существования)» [Романенко, Санджи-Горяева, <http://mion-journal.tomsk.ru/>]?

С помощью каких процедур можно доказать мысль этих же авторов, что «ностальгия в разных группах различается как по степени эмоции (от сильной до слабой), так и по соотношению чувства и рассудка: сильная страсть (чистое чувство), интеллектуальное переживание и трезвый сознательный расчет (в таком случае это имитация ностальгии)» [Романенко, Санджи-Горяева, <http://mion-journal.tomsk.ru/>]?

Можно ли утверждать, что апелляция к стереотипам, формировавшим советское когнитивное пространство, осуществляется в современных дискурсивных практиках с целью манипуляции общественным сознанием?

Среди прочих проблем, которые могут быть поставлены и осмыслены на имеющемся материале, отдельный интерес представляют особенности мемуарного дискурса, ретроспективно переосмысляющего советское прошлое в новом историческом контексте.

Уже в ходе предварительного анализа материала стало ясно, что подавляющее большинство информантов разделяет имплицитные и эксплицитные конструкции **«воображаемого Советского Союза»**. Это понятие, как кажется, весьма продуктивное для обсуждения обозначенных выше проблем, использует в своей статье Энди Байфорд. «Говоря о *«воображаемом Советском Союзе»*, – пишет Э. Байфорд, – я не имею в виду его противопоставление некоему «реальному СССР». Я не собираюсь также руководствоваться предположением о том, что представители «последнего советского поколения» каким-то образом находятся в плену иллюзий о собственном прошлом и истории своей страны или что они искажают правду о советской эпохе. Под **«воображаемым Советским Союзом»** я понимаю сугубо дискурсивный феномен – своего рода «призрачное присутствие», генерируемое через дискурс и в нем запечатленное; это эффект конкретных дискурсивных практик, вокруг которых и выстраивается этот «воображаемый Советский Союз» [Байфорд, 2009, <http://magazines.russ.ru/nz>].

Характеризуя подходы к анализу этого дискурса, Э. Байфорд указывает на два возможных направления:

(1) исследование «работы памяти» информантов – того, как они «реинтерпретируют или переосмысляют прежнее положение вещей, каким образом разбираются со спорными аспектами личной, семейной и государственной истории или какой разновидности ностальгии они подвержены»;

(2) выяснение того, как информанты «встраивают это прошлое в текущее производство смыслов и идентичностей».

Имея в виду оба названных аспекта анализа и понимая невозможность их исчерпывающей разработки в рамках одной книги, авторы монографии сосредоточены на обсуждении следующих позиций:

➤ какие фрагменты советского прошлого «призрачно присутствуют» в сознании большинства информантов;

➤ как эти фрагменты интерпретируются с позиций сегодняшней жизни;

➤ как сопрягаются факты личной и общественной истории в индивидуальном сознании;

➤ какие стратегии осмысления прошлого наиболее типичны.

Принятый в книге исследовательский подход предполагает необходимость и возможность лингвистической верификации любого постулируемого тезиса. Поэтому анализ фактического материала в значительной степени ориентирован на то, чтобы выявить языковые и дискурсивные маркеры, объективирующие ментальное и эмоциональное состояние говорящего в процессе порождения мемуарного дискурса, другими словами, – обнаружить те следы воображаемого путешествия в прошлое, которые отпечатались в речевой деятельности.

При работе над общим проблемным полем проекта исследовательская группа обращается к анализу и описанию дискурсивных практик, бытующих в современном городе.

Дискурс понимается в данном исследовании как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего [ван Дейк, 1989]. Дискурс не ограничивается рамками конкретного высказывания, т. е. рамками текста: говорящий и слушающий, их личностные и со-

циальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию.

Важна для нашего исследования и концепция, восходящая к работам французских структуралистов, прежде всего к М. Фуко [Фуко, 1996]. Идея М. Фуко состояла в том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит, и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в таком её понимании и следует называть, по мнению М. Фуко, дискурсом. Таким образом, дискурс – это одновременно и процесс, и результат (в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо). При таком понимании дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в речевых практиках.

Исходя из этого, констатируем обусловленность выбора языковых средств либо мироощущением говорящего (субъекта), либо существующим в социуме способом осмысления некоего социального феномена (объекта). Следовательно, можно говорить о существовании двух видов дискурса: **дискурса субъекта** (например, дискурс А. Иванова, дискурс В. Познера и т. д.) и **дискурса объекта** (например, политический дискурс, дискурс современного социума).

Дискурс субъекта – это способ продуцирования речи, эксплицирующий систему содержательных и формальных характеристик, свойственных только данному говорящему, а потому делающих уникальным генерируемый им текст. Под дискурсом объекта понимаются некие правила речевого взаимодействия, локализованного в определённых социокультурных условиях. Дискурс объекта – это то, как организуется речь, поэтому можно предполагать, что дискурс заставляет делать сообщения определённым образом.

Дискурс исследуется как смысловое пространство, отражающее представление людей об окружающем их мире. Учитывается такая специфика указанного объекта исследования, как способность формировать новую символическую реальность, в результате чего дискурс обеспечивает возможность влиять на социальные и культурные сферы жизни современного человека.

В рамках исследования мы опираемся на тезис о том, что дискурс влияет на воспроизводство идеологии в социуме (под

идеологией в данном случае понимается система представлений и система ценностей): «Discourse is the most crucial of social practices, and the only one that is able to directly express and hence convey ideologies. A theory of ideology without a theory of discourse is therefore fundamentally incomplete. And conversely, to understand the role of discourse in society, we also need to know their fundamental role in the reproduction of social representations in general, and of ideologies in particular» [van Dijk, 2000, p. 88].

Сказанное обуславливает выбор методологической установки, принятой в данной работе.

«С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью. ...Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения... Вопреки распространенному, но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль... Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некотором смысле составляют одно и то же» (цит. по: [Кибрик, 2008, с. 51]).

Поэтому, двигаясь от анализа языковых форм и конструкций, мы можем прийти к реконструкции существенных характеристик когнитивной структуры. «В действительности же мы наблюдаем бесконечное разнообразие наблюдаемых языковых структур. Однако это разнообразие не хаотично. Напротив, **за ним скрывается достаточно жесткая семиотическая логика, ограничивающая варьирование наблюдаемой языковой формы и устанавливающая истинные связи между языковыми формами и когнитивными структурами. Обнаружение и описание этой логики является целью лингвистической реконструкции» [Кибрик, 2008, с. 53].**

Основной текст монографии подготовлен О. Л. Михалёвой и А. А. Рачёвой. Автором раздела 1 главы 1 «Мифологические представления как основание дискурсивной картины мира» является Е. В. Сумарокова; предисловие и раздел 2 главы 1 «Языковые и дискурсивные маркеры конструирования образа прошлого» написаны М. Б. Ташлыковой; автор раздела 3 главы 1 «Языковые знаки советского прошлого в современной речи» – Е. В. Стародворская.

Глава 1

РОЛЬ ДИСКУРСА В КОНСТРУИРОВАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОЗНАНИИ СУБЪЕКТА

1.1. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В основу проводимого исследования положена гипотеза об обусловленности коммуникации элементами мифологического сознания участников дискурса. Миф понимается как вневременная, устойчивая коммуникативная система, которая навязывает субъекту представления, принятые в социуме, с целью моделирования окружающей действительности. Миф имеет принудительный, безоговорочный характер вследствие своей непроверяемости и пронизывает систему ценностей, формы и способы мировидения, отношение человека к миру, механизмы социальной регуляции поведения.

Мифологизация прошлого является не порождением идеологии, а насущной необходимостью современного человека. В условиях плюралистического видения прошлого память выдвигается в ряд особых ценностей. Вглядываясь в ушедшие времена, человек пытается понять свои собственные: «Метафора «зеркала» в применении к прошлому верна только в том смысле, что на самом деле «век нынешний» вовсе не ищет в «зеркале» некий аутентичный образ минувшего, а именно смотрится в него, пристально вглядывается в собственный лик, «примеряя», например, новый образ единого национального прошлого, соответствующий запросам времени» [Репина, 2008, с. 9]. Однако функции легитимизации, идентификации и моделирования недоступны сухому факту. Для того чтобы исторический нарратив способствовал ориентации человека внутри быстро меняющегося мира, он должен обладать свойствами мифа.

Обратимся к рассмотрению мифологических черт современного исторического нарратива. Очевидно, что современный миф о прошлом не эквивалентен архаическому сакральному знанию. «Совпадая по глубинной структуре, современные мифы отличаются от архаических как по своему генезису, так и различной прагматикой» [Шатин, 2002, с. 102].

Прежде всего, архаический миф (при всей амбивалентности основных структурных элементов картины мира) претендовал на абсолютность и полноту. «Мифология XX века органическим образом перерастает в идеологию, в то время как исторический нарратив – средство обслуживания идеологии, превращающее фабулу (story) различных событий в завершённый мифологический сюжет (plot)» [Шатин, 2002, с. 102]. Современный миф формируется в поле конкурентных идеологических отношений и является намеренным конструктором. При изменении условий ценностная парадигма современного мифа может быть сменена на свою противоположность.

Архаический миф сакрален, и его отдельные структурные элементы представляют собой тайное знание. Современный идеологический конструктор рассчитан на массовую аудиторию, а потому лишён сакральности.

Миф и идеология представляют собой, на первый взгляд, абсолютно противоположные формы мышления. Миф глубоко архаичен и символичен, идеологически заряженные тексты остро-современны и псевдофактографичны. Однако при ближайшем рассмотрении отношения между этими двумя явлениями оказываются не просто родственными, но и в каком-то смысле причинно-следственными. Рассмотрим отдельные аспекты этих отношений.

1. Функциональный аспект. Миф функционирует как средство поддержания природного и социального порядка, а также как средство осуществления социального контроля. Это древнейшая форма символического языка, на котором первобытный человек моделировал, классифицировал и интерпретировал социум.

Одной из определяющих функций дискурса социума (идеологического дискурса) является воздействующая. Идеологический нарратив призван активно вмешиваться в происходящее, участвовать в формировании коллективной когнитивно-аксиологической модели действительности. Все нижеследующие черты пересечения мифа и идеологического дискурса, по сути, вытекают из данного аспекта.

2. Интенционно-когнитивный аспект. Миф и идеология обращены к коллективному сознанию, которое до сих пор сохраняет совершенно определенные характеристики: иррациональную каузальность, холизм, стремление к целостности, синтагматичность. Мифы, по К. Леви-Строссу, дают не сообщение о событии, а схему организации сообщения, что справедливо и для основной направленности идеологического дискурса. Кроме того, корни идеологической интенции также глубоко мифологичны, так как реализация воздействующей функции текста осуществляется через убеждение автором читателя в своей правоте. Позиция правоты естественным образом коррелирует с концептами «правда» и «истина». Понятие истины само по себе мифологично, потому что предполагает некоторую если не абсолютность, то конечность знания.

3. Аксиологический аспект. Мифологическая картина мира представляет собой развертывание древнейшего аксиологического критерия свой/чужой (добро/зло). Идеология призвана формировать и регулировать аксиологическую ориентацию массового сознания. Для мифологического (и массового) сознания не существует бескачественного пространства, времени. Пространство и время таковы, какова их роль, их функция в жизнедеятельности соответствующего сообщества.

4. Психоземotionalный аспект. Одна из главных характеристик мифа – глобальность и непосредственность реакции на мир, с вытекающей отсюда эмоциональностью. Будучи сакральным, миф оказывается неким мироструктурирующим ориентиром и интенсивно переживается в эмоциональной сфере субъекта. Идеологический дискурс создает иллюзию полного совпадения точки зрения автора нарратива, желающего обрести единомышленников, и позиции этого человека в жизни. С этим связана страстность, повышенная эмоциональность нарративов, имеющих цель идеологического воздействия. Убеждение в рамках данного дискурса оперативно и стремится к целостности, и потому основывается не на логических выкладках, а принимает форму эмоционального отражения.

Постмодернистское видение исторической науки как хаоса в той или иной степени дискредитированных текстов, снимающее противопоставление научного и индивидуального (творческого, обыденного) по принципу достоверности/ недостоверности породило живой интерес исследователей к так называемой «устной истории».

«Устная история», т. е. рассказы о жизни, автобиографии, полученные с помощью различных методик интервьюирования (свободное, тематическое, нарративное), стали серьёзным предметом исследования у фольклористов, историков, социологов, лингвистов. «Устная история» представляет собой отражение двух типов человеческого сознания – коллективного и индивидуального. Рассказы о личной жизни, индивидуальной судьбе являются уникальным документом, свидетельствующим о времени, о типичном социальном окружении, о доминирующих нормах, стереотипах общественной жизни, но в «укрупненном» варианте, пропущенном сквозь призму личностного восприятия.

«Устная история» – это документ индивидуальной памяти, участвующей в сложном процессе коллективной самоидентификации. «Память обладает способностью структурировать серии разрозненных событий в различном образом упорядоченные нарративы. Одно и то же событие при этом может приобретать разное значение в зависимости от того, в какую сюжетную структуру оно оказалось включено. В этом процессе структурирования можно выделить определённую логическую последовательность. В зависимости от ситуации сегодняшнего дня выбирается временная перспектива. Группа может смотреть в более или менее удалённое прошлое. Событие может попасть в то или иное повествование или же, напротив, быть из него исключённым. Так событие получает значимость» [Васильев, 2008, с. 39–40]. Таким образом, «устная история» отражает доминирующие социально-идеологические мифы и вспоминаемого прошлого, и настоящего, с точки зрения которого ведётся воспоминание.

Однако невозможно утверждать, что «устная история» – это только идеологический конструкт. В подобных нарративах отражается обыденное сознание современного человека, которое прежде всего ориентировано на практику выживания и передачи опыта.

В современной науке сложилось достаточно неоднозначное определение обыденного сознания. С одной стороны, долгое время обыденное сознание противопоставлялось научному как *неистинное* и *иррациональное*. Обыденное сознание сводилось то к наивной картине мира, то к массовому сознанию, то к области, регулирующей только практическое действие. Глубокий анализ структуры обыденного сознания привел к тому, что была признана его многоуровневость и многокомпонентность, где находят своё отражение «все области реальности: природа, обще-

ство, человеческая жизнь во всех ее разнообразных объективных и субъективных проявлениях» и куда включается «совокупность нравственных, правовых, политических, эстетических, философских представлений и ценностных ориентаций человека» [Пукшанский, 1987, с. 26]. Обыденное сознание не существует в качестве единой, внутри себя организованной системы, придающей специфические качества всем своим элементам; это конгломерат идейно различных эмоциональных образований, отражающих конкретное бытие индивидов и групп. Однако черты мифологической логики позволяют обыденному сознанию не распадаться на отдельные сегменты, а сохранять видимость целостности.

Мифологизация «устной истории» связана не только с давлением идеологических нарративов, но и с имманентными качествами самого обыденного сознания, в частности – с его мифологизмом.

Прежде всего, мифологизм обыденного сознания объясняется практической необходимостью ориентировать человека в постоянно меняющейся жизненной ситуации. «Если такие ситуации в высокой степени стереотипичны, то детальный анализ не потребуется – достаточна столь же стереотипная реакция; если ситуация неожиданна, быстро меняется, то детальный анализ невозможен в силу дефицита времени» [Касевич, 2004, с. 93]. Именно ориентация сознания и коллективного бессознательного на стандарт (фрейм, гештальт, которые в большинстве своем базируются на архетипах), на упрощенную мифологическую картину мира позволяет человеку в абсолютно новом контексте ощущать стабильность и уверенность.

Мифологическая картина мира тяготеет к целостности, тогда как научная – к полноте.

Полнота – это качество, заставляющее человека учитывать все противоречивые, часто – взаимоисключающие компоненты. Картина мира, стремящаяся к полноте, слишком перегружена информацией, разорвана, не сводима к неким универсалиям и потому не может служить практическим руководством для сиюминутного принятия жизненных решений.

Мифологическая картина мира структурирована с помощью бинарных оппозиций (космос ⇔ хаос, свое ⇔ чужое, верх ⇔ низ, мужчина ⇔ женщина и т. п.), что существенно упрощает ориентацию и самоидентификацию человека. Мифологическая картина мира легко жертвует полнотой во имя целостности. Те компоненты, которые угрожают стройности мифологического

конструкта, попросту игнорируются, кроме того, игнорируется та реальность, которая не вписывается в эту систему.

И мифологическое, и обыденное сознание современного человека синкретичны, вследствие чего стремятся к синтезу, а не к анализу. Познавательный пафос подчинен здесь гармонизирующей и упорядочивающей направленности, ориентированной на целостный подход, в котором принцип концепирования существенно отличается от формально-логического. И тот, и другой тип мышления не допускает наличия неразрешимых вопросов, поскольку только так можно обеспечить достаточную степень адаптивности и компенсаторности картины мира. Это же является причиной стремления мифологического и обыденного сознания к архетипам. Важно отметить, что архетипы, по К. Г. Юнгу, не содержат взгляды, а формируют их: это форма без содержания, дающая возможность некоторого типа представления и действия.

Научная картина мира не может служить достаточной опорой для ежедневной практической деятельности ещё и потому, что не отвечает на все вопросы, которые может задать человек. Миф же в идеале пытается соответствовать всем потребностям. «Отсутствие ответов нормально говорит об отсутствии вопросов» [Касевич, 2004, с. 79]. Подобный практический универсализм мифа объясняется его специфической логикой, опирающейся на иррациональный закон сопричастности и взаимотождественности всех элементов мифологического конструкта. Проблема различия и тождества в мифе решается за счет внешнего сходства объектов или их материальных перевоплощений. «Эти глобальные взаимосвязи и взаимозависимости являются альтернативой причинно-следственным отношениям в естественнонаучном типе сознания» [Пивоев, 1991, с. 79].

Прагматизм обыденного сознания нуждается и в легитимирующих качествах мифа. Разрешительная и узаконивающая функции мифа связаны с его прецедентным характером, с ориентацией на образцы, что проявляется в его особых взаимоотношениях с прошлым. «Социально сконструированные исторические мифы, представления о прошлом, воспринимаемые как достоверные «воспоминания» (как «история») и составляющие значимую часть данной картины мира, играют важную роль в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей» [Репина, 2008, с. 10].

Таким образом, очевидно, что «воспоминания» (рецепция прошлого) являются насущной необходимостью для обыденного сознания. Структурное оформление «устной истории» задаётся мифологическими закономерностями, а дискурсивные особенности нарратива воспоминаний во многом зависят от внешних условий. С одной стороны, на «устную историю» оказывается воздействие доминирующего идеологического мифа современности (как положительное, так и отрицательное), а с другой стороны – социальной памяти, которая способствует коллективной идентификации. «Коллективные воспоминания, – пишет В. Канштайнер, – возникают из общих коммуникаций, касающихся значения прошлого, укоренённого в жизненных мирах индивидов, принимающих участие в совместной жизни соответствующих коллективов» (цит. по: [Васильев, 2008, с. 29]).

Мифологизм обыденного сознания способствует известному искажению значения событий и истории в их устной интерпретации: «<...> во-первых, традиционализм, который исключает важнейшее понятие развития во времени (то, что делалось в прошлом, считается авторитетным руководством к действиям в настоящем); во-вторых, ностальгия, которая, не отрицая факта исторических перемен, толкует их только в негативном плане – как утрату “золотого века” и привычного образа жизни (“мир, который мы потеряли”); и напротив, в-третьих, прогрессизм – “оптимистическое верование”, подразумевающее “не только позитивный характер перемен в прошлом, но и продолжение процесса совершенствования в будущем”» [Репина, 2008, с. 14–15]. То есть дискурсивные акценты «устной истории» могут как обретать ностальгический характер, так и соответствовать мифологеме преодолённого хаоса.

Как соотносятся устная история и ностальгический дискурс? Светлана Бойм в статье «Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова» описывает два типа ностальгических повествований: первый – мифологизирующий, связанный «с символическим / метафорическим и внеисторичной “перестройкой действительности”»; второй тип – иронический и отстраненный, опирающийся «на повествования, которые выявляют противоречивое отношение к прошлому» [Бойм, 1999, <http://magazines.russ.ru/nlo>]. Ностальгия по советскому как дискурс, характерный для современного массового сознания, безусловно, относится к первому типу. «Первый тип

ностальгического повествования ставит акцент на “ностос” и пытается восстановить или построить вновь мифический коллективный дом. <...> Тотальное ностальгическое повествование убедительно и соблазнительно, оно утверждает, что речь идет вовсе не о ностальгии, а о правде жизни. <...> Ностальгическое повествование тотального типа превращает прошлое в вечно живое пространство настоящего, заменяет прошлое его современной метафорой, а затем забывает метафорическую природу замены» [Бойм, 1999, <http://magazines.russ.ru/nlo>]. И если двадцатое столетие заканчивалось активным разрушением идеологических и мифологических конструкций Советского Союза, то вот уже второе десятилетие нового века проходит под знаком ремифологизации.

Ностальгия по советскому – это закономерный процесс освоения очередного отрезка истории коллективной памятью, которая, как пишет М. Элиаде, «антиисторична»: «<...> народная память с трудом удерживает «индивидуальные» события и «подлинные» лица. В своем функционировании она опирается на отличные от истории структуры: использует категории вместо событий, архетипы вместо исторических персонажей. Историческое лицо ассимилируется со своей мифической моделью (герой и т. п.), а событие интегрируется в категорию мифических действий (борьба с чудовищем, братом, ставшим врагом, и т. д.)» [Элиаде, <http://jungland.net>]. Правда, для окончательной мифологизации события должно пройти, по мнению М. Элиаде, хотя бы два века. Однако ускоренные темпы трансформации событий и лиц новейшей истории в архетипические образы и сюжеты объясняются сформировавшейся дискурсивной ностальгической моделью.

Любой дискурс отличает функционирование в нем устойчивых коммуникативных фрагментов. Эти языковые фрагменты могут относиться как к языковой реальности (так как систематически воспроизводятся в повседневной речи), так и к архетипическому интертексту. Внутри дискурса с интертекстами происходят различные трансформации, т. е. всякий раз осуществляется новое означивание уже известных структур. Мифологический интертекст «вытаскивает» семантику прошлого, которая продвигается во времени, подтверждая свою стабильность, но одновременно архетип ассимилируется с настоящим и видоизменяется в соответствии с ним.

Очевидно, что современный миф о советском лишь актуализирует уже сложившиеся модели, поскольку мифологические истоки

коммунистической идеологии и вытекающей из нее картины мира были предельно обнажены еще в период существования СССР.

Революция, разрушив «старый мир», становится не просто точкой отсчета нового государства с «непрерывной» историей, а «перемещает» строящийся мир, в котором «кто был никем, тот станет всем», в принципиально иную систему координат. Конфликт двух политических систем подается как решающая схватка между хтоническими силами и Космосом. Вся советская история – это растянутый эсхатологический миф, перманентно маскирующийся под космогонический, с обязательным для любой эсхатологии ожиданием будущего «золотого века». Демиург/культурный герой советского мифа – пролетариат – не столько строит этот «новый мир», сколько выступает в роли строительной жертвы. Основой образа вождя пролетариата является или все тот же архетип искупительной жертвы (кто, «смертью смерть поправ», оказывается «живее всех живых»), или архетип Бога-Отца, «отца народов», пожертвовавшего собственным сыном ради «светлого будущего». Владимир Маяковский, будучи гениальным знатоком стереотипов массового сознания, одним из основателей советской социальной рекламы, в своем творчестве отразил и религиозный характер русской революции, и архетипический смысл сюжета жертвенного служения общему делу, и ритуальное значение «великих» советских строек, и магическую силу советской символики. Основным литературный метод постреволюционной эпохи – социалистический реализм – является, по сути, методом советского мифомоделирования.

Таким образом, современный ностальгический дискурс обусловлен внутренней логикой уже сложившегося мифа. Советская история, как время Первотворения, по закону мифологической инверсии априори подвергается идеализации или даже сакрализации. Это время Первопредков и Первопредметов, время создания образцов и парадигм поведения. Советское – люди, их чувства, их дела, песни, продукты, машины и т. д. – воспринимается как источник подлинного и надежного.

Актуализации ностальгического дискурса способствует сохранение до настоящего времени некоторых качественных характеристик советского календаря. Календарь как упорядоченная система летоисчисления является одним из важнейших элементов мифологической картины мира: «Преобразования календаря, как и его неизменность, имеют сакральное значение: примером

первого может служить реформа Пумы Помпилия в Риме, примером второго — клятва фараона при вступлении на престол не вставлять добавочных дней и не делать в календаре никаких поправок. Хранящий образ жизни предков, календарь представляется небесным образцом земного порядка» [Брагинская, 1991, с. 612]. Рассказы о создании упорядоченного календаря включаются в космогонические мифы и мифы о культурных героях, поэтому совершенно очевидно, что появление в российском численнике после 1917 г. новых советских праздников, а точнее – появление нового календаря, является не только актом опровержения прежнего ритма жизни, но и утверждением нового космического порядка. Календарь, точнее – соблюдение праздничной обрядовости, является средством поддержания мифа.

Несмотря на свое идеологическое содержание, советские праздники обладали вполне традиционной мифологической символикой. День 7 Ноября, Новый год и День Победы архетипически восходили к ритуалам космического обновления, Первомай и 8 Марта – к календарным праздникам обновления жизни. Кроме того, празднование Международного женского дня и 23 февраля воскрешало в коллективной памяти мифологемы женственности, материнства и богатырской силы.

Большинство праздников советского календаря (за исключением 7 Ноября) не утратили свою актуальность и в наши дни. В монографии В. Б. Касевича (одного из исследователей связи мифологической картины мира и современного обыденного сознания) есть следующие слова: «Праздники – вообще обычно точки пересечения мифологического и исторического времени. И объясняется это тем, что мифологическое время находится в прошлом, которое сосуществует с настоящим, к нему, мифологическому времени, можно приобщиться путем некоторого ритуального действия – либо, напротив, бездействия» [Касевич, 2004, с. 147]. Сохранение советских праздников дает возможность сформировать устойчивые интертекстуальные фрагменты, позволяющие ностальгическому дискурсу вновь и вновь прибегать к их воспроизведению и переозначиванию.

Активно формируют интертекстуальное поле для ностальгического дискурса СМИ. Средства массовой коммуникации «собирают» людей в «глобальной деревне», где «каждый человек является не только потребителем, но и соучастником телевизионного мифотворчества, которое формирует все основные типы

и стили, цели и возможности общественно-культурной жизни» (цит по: [Притчин, Терemenko, 2002, с. 150]). С помощью масс-медиа не просто актуализируются образы советского мифа, но и активно формируются составляющие нового мифа о советском, которые затем используются в коммерческих целях.

Достаточно обратить внимание на то, что «самое народное» и коммерческое из всех видов искусств – телевидение – нещадно эксплуатирует миф о советском во всех его проявлениях. Ностальгический дискурс активно поддерживается массовым кинематографом («Брежнев», «Галина», «Охота на Берию», «Сталин. Live», «Светлана Аллилуева», «Стиляги», «Оттепель»), музыкальными шоу («Достояние РЕСпублики», «Лучшие годы нашей жизни»), выпускаются продолжения, «духовные сиквелы» и римейки советских кинохитов («Карнавальная ночь-2, или Пятьдесят лет спустя», «Ирония судьбы-2. Продолжение», «Ликвидация», «Исаев», «Небо. Самолет. Девушка»). Каждое такое произведение обладает своим «человеческим лицом» и архетипическим стержнем.

Однако необходимо заметить, что миф о «советском» формируется не на одних идеализированных представлениях. В средствах массовой информации достаточно программ, обзоров, кинофильмов, как художественных, так и документальных, которые имеют характер расследований и разоблачений. Распределение архетипических функций персонажей в подобных сообщениях оказывается прямо противоположным вышеназванным. Потребителями же разного рода информации являются не только «рожденные в СССР», т. е. люди старше тридцатипяти-, сорокалетнего возраста, имеющие реальные воспоминания о «другой жизни», но и студенты, и школьники. В «Аргументах и фактах» online от 2 декабря 2009 г. опубликована статья Сергея Роганова «Нужен ли современной России Сталин?», где дается обзор ответов пользователей интернета на поставленный в заголовке статьи вопрос. В итоге автор приходит к следующему выводу: «В целом, если даже приблизительно оценить комментарии, то, хоть в опросах, хоть в блогах, практически половина современного населения России требует Сталина. Только без перегибов, – добавляют совсем уж осторожные. Причем совсем и не скажешь, что поклонники сталинского вождя – это люди, которые жили и работали во времена не столь далекие. Молодежи и среднего возраста – более чем предостаточно. Этот феномен – ностальгия по

сталинизму у студентов, молодых специалистов – давно привлекает внимание многих исследователей. То есть люди, которые о Сталине и его эпохе знают только из рассказов стариков или по информации (в основном – крайне негативной) в средствах массовой информации, делают свои парадоксальные выводы» [Роганов, 2009, <http://www.aif.ru>]. Прежде всего реципиенты видят в Сталине именно того человека, «который сумеет остановить и деградацию, и вымирание, и развал экономики, и коррупцию, а самое главное – даст, наконец, миллионам смысл и веру в светлое будущее» [Роганов, 2009, <http://www.aif.ru>]. Подобные реакции «от противного» связаны с особенной парадоксальной логикой мифа.

Одна из важнейших функций дискурса – объединять участников коммуникативного акта на основе «узнавания» знакомых знаков. Миф предлагает универсальную интертекстуальную основу, которая может быть заполнена новым содержанием. С. Аверинцев в статье «“Аналитическая психология” К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии» писал: «Психическая энергия, которую сосредоточивает в себе архетип, не меньше любой физической энергии нейтральна относительно всех определений добра и зла: архетип сам по себе не морален и не имморален, не прекрасен и не безобразен, не осмыслен и не враждебен смыслу, но в нем заложены открытые возможности для предельных проявлений добра и зла. <...> Мало того, архетип амбивалентен даже с точки зрения биологических критериев: он выработан психофизическим организмом человека как «орган», гарантирующий равновесие психики, и до поры до времени действительно спасает индивида в угрожаемых состояниях» [Аверинцев, 1970, с. 125]. Таким образом, амбивалентность архетипа способствует его активной актуализации в современных дискурсивных практиках, влияющих на содержание «устной истории».

Массовое сознание, требующее культурного героя, обязательно его получит, в каком бы образе ни воплотился архетип. Он может предстать и в виде интеллигента, противостоящего хтоническому злу власти, и в виде Сталина, победившего в Великой Отечественной войне. Второй номер «Неприкосновенного запаса» за 2009 год полностью посвящен «советской памяти» и «памяти о советском». В статье А. Кустарева «Скажи мне, что ты помнишь» осмысливаются результаты двух телевизионных шоу Великобритании и России, где зрители должны были назвать «самых великих соотечественников»: «В английском рейтинге первые

три места заняли Уинстон Черчилль, принцесса Диана и инженер-строитель XIX в. Изамбар Брюнель. В российском опросе победили Александр Невский, Столыпин и Сталин» [Советская память ... , 2009, <http://magazines.russ.ru/nz>]. Автор статьи пишет: «Собственно, Сталин, Александр Невский и Столыпин в коллективной российской памяти – это один и тот же персонаж под тремя именами» [Советская память ... , 2009, <http://magazines.russ.ru/nz>].

Таким образом, ностальгический дискурс активно эксплуатирует мифологический интертекст. Миф о «советском» появляется как ответ на, главным образом, практические потребности человека – как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру.

1.2. ЯЗЫКОВЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОШЛОГО

Уже в статье 1985 г. Т. А. ван Дейк, подводя некоторые итоги развития психологических наук и исследований в области искусственного интеллекта за предшествующее десятилетие, писал, что «важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» [ван Дейк, 1989, с. 161].

В более поздней работе ученый развивает эту мысль следующим образом: «We examined how such underlying, socially shared representations as well as personal models may influence the structures of discourse. Most clearly this happens at the level of content or meaning of discourse, that is, in what people say: the topics they select or avoid, the standard topoi of their argumentation, the local coherence of their text or talk, what information is left implicit or expressed explicitly, what meanings are foregrounded and backgrounded, which details are specified or left unspecified, and so on for a large number of other semantic properties of discourse» [van Dijk, 2000, p. 87].

С другой стороны, наличие связи «когнитивных моделей социальных ситуаций с производством текстов» позволяет исследователю осуществлять реконструкцию первых на основании анализа последних. «The overall ideological, group-based principle we found operative here is that information that is favorable for or about the own group or unfavorable for the outgroup will tend to be

topical, important and explicit... The same general principle explains how also the other, **formal, levels of discourse may be involved in expressing or rather in 'signaling'** ideologies, namely through processes of emphasizing or de-emphasizing ideological meanings. Intonation and stress of words and sentences may thus make meanings more or less salient, as may do visual structures such as page lay-out, size and type of letters, color, photographs or film. Syntactic structures by definition are about the order and hierarchy of words, clauses and sentences and hence – where they allow optional variation – they are able to emphasize or de-emphasize meanings, such as the agency and responsibility for specific actions. Similar remarks hold for global schematic structures, such as the overall formats of conversations, stories, news reports or scholarly articles, whose conventional categories may be deployed in such a way (order or hierarchy) that they emphasize or de-emphasize the ideological meanings they organize» [van Dijk, 2000, p. 88]¹.

Само представление о том, что, двигаясь от анализа языковых форм и конструкций, мы можем прийти «к реконструкции существенных характеристик когнитивной структуры» [Кибрик, 2008, с. 53], в наши дни стало как будто общим местом (особенно на фоне многочисленных работ, выполненных в русле изучения языковой картины мира). Понятно поэтому, что исследование **эксплицитных способов реализации советского** в современных дискурсивных практиках является одним из важных методов решения задач, поставленных в ходе реализации проекта, и дает возможность охарактеризовать наиболее актуальные сегодня элементы конструкции «*воображаемый Советский Союз*».

Однако применительно к проблемному полю, разрабатываемому в настоящем издании, представляется особенно актуальным выявление и анализ таких поверхностных структур (используем здесь этот термин метафорически), которые не связаны напрямую с отображением поля *советскости*, но которые маркируют определенные элементы когнитивной структуры, обладающие особой значимостью для говорящего. Исследовательская гипотеза заключается в том, что наличие таких маркеров в составе фрагментов, содержательно не связанных (или связанных косвенным образом) с представлениями о *советском*, свидетельствует тем

¹ См. также чрезвычайно интересную и новаторскую для своего времени статью [Chafe, 1977].

не менее о «выделенности» (*salience*, по van Dijk) определенных сторон рассматриваемого конструкта в сознании говорящего.

В данном разделе предпринимается попытка внести некоторый вклад в решение этой задачи.

В текстах интервью широко представлены языковые сигналы, отражающие стратегию, которую можно условно обозначить с помощью термина *стратегия эмоционального кодирования*.

Мы имеем в виду многочисленные случаи использования лексических, морфологических и синтаксических средств выражения субъективной оценки, с помощью которых говорящий маркирует предметы и явления, составляющие центральную часть его личной сферы, которая понимается здесь как относительно самостоятельный фрагмент наивной модели мира, в который «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально и интеллектуально»: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян, 1995, т. II, с. 645–646].

Рассмотрим далее несколько особенно выразительных примеров. (В целях обеспечения корректности анализа и достоверности выводов избран достаточно объемный фрагмент интервью Т. М. Соловьевой, взятый с минимальными купюрами).

Начиная рассказ о себе, Т. М. Соловьева испытывает вербализационные затруднения разной «степени тяжести», что отражается в своеобразном фальстарте, паузах хезитации, использовании частицы *вот* в роли маркера концептуального поиска:

(1) ***Значит**, я... Куваева Татьяна Михайловна, родилась после войны в 1948 году, 1-го августа. Родители у меня... э... Куваев Михаил Васильевич и Куваева Нина Спиридоновна. Кроме меня, у нас в семье еще было три сестры, двойняшки – Аля и Галя, брат Юра и сестра Валя, которая родилась после меня. **Вот**, было пять детей... **вот**, в принципе, отец мой Михаил с первого дня войны ушел на фронт.*

Показательно использование метатекстового *значит* в абсолютном начале текста, которое, как справедливо отмечает Ю. В. Дараган, представляет собой один из критических момен-

тов: «собеседники еще не успели настроиться друг на друга. Говорящий не спланировал до конца текст. <...> Как следствие – повышается риск коммуникативного провала» [Дараган, 2003, <http://www.dialog-21.ru>]. *Значит* в приведенном фрагменте сигнализирует о готовности говорящего выполнять взятые на себя коммуникативные обязательства (они подразумеваются ситуацией интервью) и – одновременно – о дискомфорте, который испытывает информант в ситуации повышенного риска коммуникативного сбоя.

Этот дискомфорт сохраняется в течение нескольких первых минут разговора, во время которых осуществляется своеобразная «настройка речевого регистра», о чем свидетельствует чрезвычайная разнородность используемых языковых и дискурсивных средств, ср. объединение в следующем контексте слов с субъективно-оценочными суффиксами (*страшенный, соломку, огородишко, папка*), просторечных конструкций (*пайку зарабатывала – так кого на троих ребятишек; всяко-разно помогал*), разнообразных повторов (*собирали соломку и все собирали; он работал... и он работал; помогал, в общем, помогал, всяко-разно помогал*), дискурсивных *ну* и *вот* – и официально-делового штампа *оказать большое влияние*²:

(2) *Но голод был страшный. Мать там что – пайку зарабатывала – так кого на троих ребятишек, а он маленький был. Вот. Аля говорит, ходили, собирали соломку и все собирали, чтобы вот это... печь протопить, огородишко там был какой-то... ну все равно был, мало-помалу, но в основном. Моя сестра Аля говорит, что мы остались живы только благодаря деду Спиридону и только благодаря тому, что он работал. И он работал [смеется], ну, лошадь у него была и телега – он что-то возил. Я не знаю? что это такое, но что-то возил там такое. И вот он только помогал, где там какой-то жмых, то ребятишек, в общем, помогал, всяко-разно помогал, последнее отдавал... ну вот... В общем, война оказала большое влияние на моих сестер, потому что вот Аля она до сих пор разг... это вспоминать спокойно не может... потому что это... ну все равно, считай, это 5 до десяти – это 4 года, это уже 9 лет ей было, считай, когда это... а папка-то пришел.*

² В процитированном выше фрагменте таким инородным телом является обобщение в принципе: *Вот, было пять детей... вот, в принципе, отец мой Михаил с первого дня войны ушел на фронт.*

В дальнейшем изложении штампы появляются только дважды: первый раз – в рассказе о строительстве Иркутской ГЭС, второй – в упоминании о возможностях получения образования:

(3) *Ну, ты чё, такая грандиозная стройка была. <...> Таковую ГЭС построили, снабдили нас таким электричеством. Всех нас. Очень. Грандиозно.*

Тогда все двери были открыты. Всё было открыто перед тобой. Всё. Хочешь иди в техникум, хочешь иди в институт, было бы желание тебе учиться... всё было.

Далее текст становится более однородным (при том что он сохраняет все признаки разговорной речи), однако в нем легко вычлняются фрагменты, отличающиеся разной степенью авторского присутствия /субъективности.

Сравним относительно объективное повествование о разных видах транспорта в (4) и эмоционально окрашенный рассказ о праздниках в (5).

(4) *Ну, а транспорт... у нас был один автобус. Может быть, ходил. Еще не выпускали, не было столько. Не было трамваев, не было. Еще ничего не было после войны. Кого тут еще прошло-то. Ничего не было: ни трамваев, ни автобусов. Тем более такси – вообще не было тогда. А вот шел только такие вот... газ как-то вот он называется, я даже не знаю – такие вот ходили. Такие вот грузовые машины, грузовые. Вот возили все. И лошади ходили. Повозки, лошади все возили.*

Данный контекст можно охарактеризовать как довольно бедный в синтаксическом отношении. Его составляют в основном бытийные предложения и предложения, семантически подобные бытийным. Высказывания *Лошади ходили; Повозки, лошади все возили*, как кажется, сближаются с бытийными, поскольку предикат здесь использован не для указания на способ перемещения (*ходить* vs *возить*), сколько для констатации факта существования: [в описываемое время] ‘были лошади’, ‘были повозки’, а не *трамваи, автобусы* и тем более *такси*.

Уместно напомнить, что «классические бытийные предложения состоят из трех основных компонентов: один из них фиксирует область бытия или пребывания, другой указывает на бытующий в этой области объект или класс объектов, третий – на факт бытия, пребывания или наличия» [Арутюнова, 1976, с. 212].

Другими словами, экзистенциальные предложения сообщают «о классе (или классах) предметов, локализованных в той или иной зоне бытия [Арутюнова, 1976, с. 213], или, наоборот, об отсутствии, несуществовании, «небытии» некоторого класса (или классов) предметов, ср.: *Не было трамваев, не было. Еще ничего не было после войны. Ничего не было: ни трамваев, ни автобусов.* Функция интродуктивных бытийных предложений (а именно с такими мы имеем дело в рассматриваемом случае) «состоит в введении лиц, предметов, явлений, событий и пр. в предметную область приложения языка в заданных условиях коммуникации. Иначе говоря, интродуктивные высказывания имеют своей целью расширение числа тех предметов, о которых может быть сделано сообщение, понятное адресату речи» [Арутюнова, 1976, с. 223].

Можно, таким образом, утверждать, что «синтаксический выбор», осуществленный говорящим, демонстрирует когнитивные основания его коммуникативной стратегии: говорящий совершенно справедливо полагает, что некоторые реалии прошлого неизвестны слушателю, и вводит информацию об этих реалиях «в предметную область приложения языка в заданных условиях коммуникации». Область бытия при этом мыслится как микромир человека, его предметное и ситуативное окружение (форма у нас указывает на совокупность, включающую говорящего) и одновременно как фрагмент мира, в котором существуют определенные предметы, объекты, явления. Иллокутивная цель рассмотренных высказываний сводится к «сообщению, понятному адресату речи».

Принципиально иным образом организован второй контекст (фрагменты 5–8).

Он начинается рассказом о праздновании Пасхи, и сигналы эмоциональной вовлеченности говорящего обнаруживаются сразу.

Это, во-первых, разнообразные повторы:

(5) *Всегда ждали праздники. Пасху, Пасху... тогда же была запрещена вот эта вот вся вера... но все равно народ праздники эти – Пасха, Троица – всегда справляли. Всегда. И самый всегда был чистый праздник. Потому что к Пасхе, к Пасхе, всегда люди белили дома. Вот у нас в предместье, везде белили дома, все в домах белили. Помню, мать у меня: всегда наичистейшие шторы, постели – все всегда было чисто к Пасхе. <...> Ну... и вот всегда помню: домой как заходишь – такой аромат, такой аромат куличей, мы же*

стряпали все как по старинке – не то, что как сейчас стряпают, а настолько... такой аромат такой стоял... ммм... яйца крашеные, красили только в этот... бордовый только цвет.

Характеризуя конструкции с повторами, исследователи отмечают, что, будучи избыточными с точки зрения выражения основной предметно-логической информации, они накапливают «сверхинформацию»³, способствуют передаче эмоционально-экспрессивных значений: «И в явлении самого повторения и в отсутствии традиционной связи между словами заложены элементы экспрессии» [Акимова, 1990, с. 127]. «Риторическое значение повтора огромно. Человек устроен так, что повторенному несколько раз действию он верит больше, чем действию, про которое сказано, что оно сильное... Повторенное слово или повторенная конструкция не просто «раскачивает» эмоцию, но приводит к некоторому замедлению речи, позволяя сосредоточиться на опорном и важном слове» [Николаев, 2011, <http://www.listos.biz>].

В то же время во многих работах, посвященных повтору, отмечается его усилительно-выделительная функция, причем некоторыми авторами она считается основной. В ряде случаев характеристика функциональной стороны повтора вплотную подходит к уяснению его роли в актуальном членении предложения. Так, например, В. П. Летучева видит основную функцию лексического повтора в том, что он «выделяет, подчеркивает важное для высказывания слово, акцентирует на нем внимание» (цит. по [Аладьина, Минайдарова, 2009, <http://rudocs.exdat.com>]).

Такая акцентуация очевидным образом обнаруживает присутствие говорящего в тексте. В еще более явном виде оно проявляется в следующем фрагменте текста, организованном анафорой:

*(6) **И** мать всегда напечет куличей, начиная от большого, кончая маленьким. **И** сама же все умела. **И** взбивать белки, и шапки эти делать, и подписывать еще что-то. **И** всегда это был праздник. **И** всегда, помню, широко этот стол стоял, и всегда вот заставлен всеми яствами такими. **И** всегда мать пироги пекла. **И** холодец... ну не было ни колбас дорогих, ничего этого не было.*

Следующая часть текста насыщена существительными с суффиксами субъективной оценки (при этом сохраняется повтор

³ Термин из [Аладьина, Минайдарова, 2009].

и активно используется местоимение *такой* в интенсифицирующем значении⁴):

(7) *Но, тем не менее, делали все **ручками** своими, и было все это свое. Ну, была, может, колбаса там по 2.20, как сейчас сервелат по 700 рублей, который есть невозможно. А тогда колбаска была по 2.20. Так ее брал, и **такой аромат** шел. И **такой деликатес** для нас был тогда... <...> Да, **такой** праздник был всегда. Столько приходило гостей. И я помню **всегда**. **Всегда** мать готовила нам **подарочки**. Покупала обновки. Помню, **всегда ботиночки** покупала, какие-то **пальтишки**...и почему-то **всегда такие шляпки**...какие-то **шляпки** модные. **Такие шляпки** наденет на нас с Валеи. Вот это **всегда** было...вообще. Вот эти праздники я запомнила.*

«Диминутивы появляются тогда, когда речь идет о предметах, включенных в конкретные практические или коммуникативные ситуации, имеющие непосредственное отношение к говорящему, в равной степени это касается и тех ситуаций, о которых рассказывает говорящий, и той, в которой он вместе с адресатом речи в данный момент находится... Говорящий помещает адресата в свою личную сферу, создавая специфическую зону общего поля зрения и общей оценки» [Адоньева, 2004, с. 269].

В финальном фрагменте рассказа о праздниках накопленный в предшествующей части текста эмоционально-экспрессивный потенциал реализуется в полной мере и даже усиливается (см. использование междометий *ой*, *ах*, местоименного интенсификатора *самый*, парцеллированных конструкций, многократного повторения наречия *всегда*, позволяющего охарактеризовать время существования того личного пространства, о котором идет речь, а также специфическое употребление прилагательного *настоящий*, в котором совмещается дескриптивная и оценочная семантика).

(8) *Ну, естественно, конечно, что мы еще очень любили Новый год. Новый год для нас был... **ах**... Это был **самый праздник!** Во-первых, **всегда** были морозы, во-вторых, снег **всегда** лежал белоснежный... **ой**, ну выйдешь прямо **красотища** – все в снегу. Вообще. **Мороз такой**. И вот **всегда на-***

⁴ *Такой* 2 ‘при прилагательных и существительных, обозначающих свойство, состояние, оценку и т. п., употребляется для выражения сильной степени называемого свойства, состояния или усиления оценки’ [МАС].

стоящую отец срубал елку. **Всегда** привозил домой. **Настоящую** елку. Вот... Конечно, игрушки всегда были в дефиците большом. Но, тем не менее, у нас как-то и игрушки были. Еще и руками делали. Так прямо **сердце замирало**, когда мы эту елку наряжали. И мама **всегда** нам украдкой, мы даже не видели никогда, когда она нам что покупала. Как она делала эти подарки. А тем более что **яблочки**, а тем более **мандаринки** – это был очень большой дефицит. Но, тем не менее, **всегда** в Новый Год во всех магазинах... **всегда** появлялись мандарины. **Всегда**. И вот мать нам **всегда** делает подарки. Много подарков. Потому что мы уже, считай, были **подросточками**, а уже старшие-то замуж вышли. У них уже были ребяташки. И вот мать **всегда** надевает **подарочков** и в **кулечки** и запрячет.

Сопоставление разных частей интервью Т. М. Соловьевой позволяет, таким образом, утверждать, что они характеризуются разной «плотностью прагматического пространства» [Норман, 2009]. Высокий уровень концентрации языковых и дискурсивных средств прагматического выражения свидетельствует об особом ментальном и эмоциональном состоянии субъекта речи, «размечающего» с их помощью свою личную сферу.

Особое место среди таких средств, широко используемых самыми разными говорящими, занимает **тавтологическая конструкция X так X**:

- *Раньше если было лето, так лето* (Соловьева).
- *А климат был действительно это как-то чувствовалось что зима так зимой лето так лето вот* (Латышева).
- *Ну, как-то зима была зима а уж лето было лето* (Латышева).
- *Устанавливалось лето – это было лето* (Белова).
- *Зима тоже. Раньше если морозы, так это морозы. Они как дадут!* (Белова).
- *Там эту колбасу выработывали, дак она была колбаса, но не такая, как сейчас, не такая* (Соловьева).
- *Уж морковка так морковка. Слаще сахара была. Огурец так огурец – уж съешь, так душистый такой* (Соловьева).
- *Сибиряки всегда были хорошие... это... приветливые всё. И с соседями везло всегда, и в общем-то и на работе я никогда ни с кем не скандалю, и с соседями везде живу мир-*

но. У нас как-то ну дружный народ в общем-то. *Сибиряки есть сибиряки* (Портяникова).

- Раньше *строили*, так на века *строили*, да (Бахтина).
- Нуу... *випивать так мы не випивали* (Латышева).

Среди таких конструкций, как видно из приведенных примеров, лидируют биноминативные, близкие по структуре хорошо описанным псевдотавтологическим конструкциям *X есть X*. «Первая позиция в такой конструкции актуализирует собственно лексическое значение слова, а последняя – его коннотации» [Апресян, 1995, т. II, с. 167].

Применительно к той разновидности тавтологической конструкции, которая используется в рассматриваемых текстах, кажется более точной следующая характеристика: «While the first nominal in such tautologies denotes an individual or members of a category, second nominal is predicative. As Charles Fillmore points out, the second nominal does not denote an individual or category members, rather it picks out properties associated with that individual or the members of the category. <...> **Deep tautologies** (Bulhof & Gimbel 2001, 2004) respond to an assumed or stated belief that differences between category members make some of those members marginal or less valid examples of the category. The deep tautology denies the importance of these differences; in effect treating a fuzzy category as if it were not fuzzy. By denying the importance of differences between category members, these tautologies communicate that, for the present purposes, all that matters is membership in the category, not being central. Deep tautologies are also equivalent to Wierzbicka's (1987) absolute generalization and indifference tautologies, both of which are used to communicate that all members of a category are essentially the same... **Ideal tautologies** have not been discussed previously. Ideal tautologies are used to convey the idea that all members of the category denoted by the nominal are (or were) ideals of that category (Lakoff 1987)... Such tautologies are often used to describe some imagined and idealized past. As a result, they frequently appear as part of constructions that evoke nostalgia. This means that the copula is usually in the past tense» [Rhodes, 2009, <http://linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes>].

Вслед за автором будем считать конструкции типа *огурец так огурец тавтологиями идеализации*; данное решение хорошо согласуется со значением усилительной частицы *так*, кото-

рая в подобных конструкциях ‘употребляется при назывании какого-л. лица, предмета и т. п., **подчеркивая наличие у него подлинных, настоящих свойств, присущих данному роду лиц, предметов** (обычно при повторении определяемого слова)’ [МАС]⁵.

Соответственно, тавтологии, так же, как прочие средства субъективации, маркируют мир подлинных ценностей, выделенных и «присвоенных» говорящим.

Основываясь на вышеизложенном, подчеркнем значимость выявления тех фрагментов текста, которые характеризуются «повышенной плотностью прагматического пространства» для реконструкции системы ценностей субъекта речи.

Еще одна ведущая стратегия освоения прошлого, как показывает анализ представительного корпуса языкового материала, – это **стратегия генерализации**. Она реализуется с помощью самых разных языковых средств, среди которых бесспорными лидерами являются местоимения всеобщности *весь, вся, все, всё*. Они, как справедливо указывает Н. Д. Арутюнова, «очень характерны для русского языка и своеобразны по своей семантике, многочисленным коннотациям, по своим синтаксическим функциям, коммуникативной значимости» [Арутюнова, 2002, с. 365]⁶.

Всё-местоимения в рассматриваемых интервью реализуют свои основные значения – ‘совокупность объектов’ и ‘полнота охвата объектов’.

«Местоимения **ед. ч. в атрибутивной позиции** маркируют **целостность** объекта – конкретного или абстрактного... Форма **мн. ч. – все** – в атрибутивной и субстантивной позициях выражает значение **расчлененного множества или класса, состоящего из более или менее однородных объектов**, обозначаемых эксплицитно или имплицитно общим именем, дескрипцией, которая может иметь конкретную и универсальную референцию» [Арутюнова, 2002, с. 368].

• *Речка тогда была широкая, чистая, ой, всё цвело, всё цвело – черемуха, ой такие ночи тёплые-тёплые – лето так лето было. Иногда днём жара такая, а ночью дождик*

⁵ *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. (далее – МАС).

⁶ Ср. также: «Интенсифицирующие возможности *всё*-слов основываются на присущей им функции **генерализации**. Обыденное мышление и повседневная коммуникация эмоциональны и склонны к преувеличениям и немотивированным обобщениям» [Арутюнова, 2002, с. 386].

сбрызнет. Встанешь, так **всё** свежо. **Всё** чисто было. Ни мусора, ни бутылки, **всё** цвело и пахло; так встанешь, вдохнёшь – ах... небо синее-синее. Душа. Прямо душа замирает, замирает. Такая красота. **Всё** вот рядом с городом было. **Всё** (Соловьева).

• А мы пели в любом месте, в любом, как говорится, где бы какое мероприятие, предприятие... Мы **всё** пели, пели и пели. А народ за мной тянулся: я играю сама, и сама пою, и подаю и тональность и **всё** это всем присутствующим – они схватывают, и **всем** весело, и **всем** хорошо (Верхозина).

• Нас выучили **все** бальные танцы и преподавали бальные танцы. Тогда же запрещались **все** эти линдочки да это **всё** ... фокстроты. Ну вот с вальса начинаешь и **все** эти (Верхозина).

Для выражения идеи целостности, всеобщности, всеохватности используются самые разные средства грамматической упаковки. Среди них местоименные слова (**каждый, любой, всегда**), квантификаторы, интенсификаторы:

• **Каждый** вечер, и так было приятно, ходили, и знакомства были, и разговоры, и встречи там... Очень хорошо, сейчас такого нету (Глызина).

• Снег белый, **всегда** белый, чистый, этого снега не боялись⁷ (Верхозина).

• Раньше студент мог позволить, он действительно на **любой** праздник поехать, а сейчас только на каникулы в состоянии (Бубнова).

• **Намного** этих эффективней, **намного** лучше... **лучше** влияния оказывало на молодежь... когда были Дома культуры (Эстрина).

Естественным семантическим и прагматическим партнером **всё**-слов оказываются **ничего**-слова. Это связано с особенностями устройства местоименной парадигмы, которая, по словам Н. Д. Арутюновой, «не следует принципу «всё или ничего»... И **весь**, и **все** противопоставлены не нулю, а части: **не все** значит ‘некоторые’ (неопределенное количество), а не ‘никто’ или ‘ни-

⁷ См. также выразительные примеры в (5), (6).

что', не *весь* редуцирует объект к неопределенной части, а не к нулю» [Арутюнова, 2002, с. 370].

«В норме «нулевое множество» обозначается отрицательным местоимением ... Общее отрицание анализируемого типа совмещает отрицание признака (предиката) с отрицанием бытия его носителя (субъекта), отрицание количества – с отрицанием качества: нулевому субъекту приписывается нулевой предикат: *Никто не ответил на вопрос*. Удвоение отрицания как бы совмещает утверждение об отсутствии носителей данного признака с утверждением об отсутствии признака у отсутствующих носителей. Отрицание в отрицательных местоимениях прочитывается как отрицание бытия предмета, характеризуемого предикатным признаком; ср. возможную перифразу: *Среди них не было никого, кто бы ответил на вопрос*» [Арутюнова, 2002, с. 374].

▪ *Лед был такой толщины, что за все время никогда не помню, что кто-то где-то попал в какую-то трагическую судьбу, чтобы где-то провалился или утонул или какое-то там произошло неприятное происшествие на льду, такого я не помню. Каток был огромнейший, но вот представьте, вся Ангара была превращена в каток ровный, красивый. Ангара как-то застывала очень ровно, никаких на ней не было вот ни комочков льда, ни неровностей, единственное была вот это наслаждение вот это, когда дожидаться не могли, когда идем уже на каток кататься и всю зиму катались на этой Ангаре, ходили, катались всю зиму, все катались, весь город катался. Когда же построили ГЭС, вот видите, Ангара никогда не застывает на зиму, уже такого удовольствия нет, а раньше весь город на льду (Белова).*

▪ *У нас у мамы-то вообще ничего не было, мама ходила вообще страшненько часто одета. И она вот, помню, когда поехала в Москву, и там толком не в чем было ходить (Костромитинова).*

Важно подчеркнуть, что стратегия генерализации широко используется не только в тех случаях, когда говорящий рассказывает о событиях и явлениях своей частной жизни (как в приведенных выше примерах).

Противопоставление *всё* или *ничего*, реализованное на поверхностном уровне текста разнообразными языковыми средств-

вами, обнаруживает ценностные представления субъекта речи об историческом прошлом и актуальном настоящем, дает возможность осмыслить расставляемые говорящим коммуникативные акценты, определить место тех или иных фактов объективной действительности на шкале значимости – и соответственно – на концептуальной карте.

Всё-ничего показатели маркируют, в частности, те представления, которые формирует советское как дискурсивный феномен. Ниже приведем ряд примеров, группируя их применительно к выделенным в ходе предварительного анализа стереотипам и не сопровождая их специальными комментариями (репрезентативные фрагменты текста выделены полужирным шрифтом).

1. Наличие социальных гарантий и связанное с этим ощущение стабильности / уверенности в завтрашнем дне

1.1. Обеспеченность работой

• *А тогда никто не думал, и никто не боялся, что ты завтра останешься без работы и без куска хлеба. **Не было такого.** Вот потому, наверное, и народ был совсем другой* (Соловьева).

• *А старое руководство, оно **всё** же сохраняло и планировало, для того чтобы создавать и рабочие места и **всё**. Вон на заводе Куйбышева работало двенадцать тысяч человек, на [заводе] карданных валов пять-шесть тысяч. **Все** эти работали, заняли, выпускали продукцию, получали деньги, зарплаты и **всё** остальное ... а-э... аккуратно и **все**... э-э находили место, а сейчас же там **никого нет**, кроме как торговые точки **всё*** (Вишняков).

1.2. Обеспеченность жильем.

• *Это жильё выдавали рабочим и служащим, **всем** бесплатно ордер выдавали – занимай квартиру и **всё*** (Вишняков).

1.3. Доступность бесплатного образования.

• *Тогда **все** двери были открыты. **Всё** было открыто перед тобой. **Всё**. Хочешь, иди в техникум, хочешь, иди в институт, было бы желание тебе учиться. **Всё было*** (Соловьёва).

1.4. Доступность товаров и услуг

• ***Всё** было доступно. Мать даст если рубль – так там можно было и накататься, и мороженое поесть, и **всё*** (Соловьева).

• *Вот платных аттракционов **не было**, **все было бесплатно**, все аттракционы, танцы были платными, но, если и стоили, то очень недорого, совсем дешевые билеты, такой билет мог купить **каждый*** (Бахтина).

1.5. Защищенность со стороны государства, ощущение спокойствия, стабильности, безопасности

- Раньше был **спокойный ритм жизни**, мы **всё** успевали, **всё** планировали (Владимирцева).

- Да в советское время... **Хулиганства не было никакого, никакого хулиганства не было... Ночь, полночь – иди, тебя никто не тронет, никто не тронет** (Бубнова).

- **Чтоб нас кто-то обижал там – никогда. Не разболтано было. Там не было ни водки, ни курева, никто не курил, не пил. Это как-то не принято было. Хотя. Хотя, честно признаться, всё равно пробовали всё это. И покурить пробовали. Но чтобы это взять за манеру – на танцплощадке там закурить – такого боже упаси. Так, тайком с девочками. Все. Мне кажется, все прошли через это** (Соловьева).

2. Высокий моральный уровень

- Там где-то в подворотнях немножечко выпивали, но так чтобы пьяные, **не было, не было... Тогда мораль была намного выше и нравственность. Такого, как сейчас, не было... вот** (Никитина).

Особо – патриотизм, энтузиазм, бескорыстие

- Вот это был энтузиазм! Это было не то, что там вот сейчас наш мост этот строим сколько лет и никак не можем, а тогда же техники такой не было – на тачках, на носилках **всё** это носили **все... Вот это был патриотизм среди нашего мирного населения, горожан наших, иркутян, которые отдавали свою дань, не требуя какого-то вознаграждения, зарплаты или что. Мы, говорит, бесплатно будем работать, чтоб только быстрее этот был построен мост через Ангару** (Вишняков).

- **Всегда на победу настроены были. И Сталин, и всё это... патриотизм был, конечно, высшего класса** (Васюхина).

3. Сплоченность, коллективизм

- Да, по-моему, тогда **все** дружные были (Глызина).

- Да не замкнутые, да... да... и вот. А раньше как-то **все** были дру... дружнее были, дружнее, вот (Латышева).

- Ну, это был праздник. Это **все**. Вот это был такой праздник! Это праздник был души и единения **всех...всех, со всего города. Все** встречали знакомых, соседей, **всех**, кого нету, шли с песнями, радостно шли. Музыка такая, собирались **все...да...все...С**

какими-то там шарами, с цветами, с веточками, предварительно готовились. После парада **все** собирались (Эстрина).

• [демонстрации] ой как **все** любили, ой как **все** любили (Верхозина).

• Тогда сама демонстрация людей сплывала, **каждый стремился** туда идти, даже с ребятами с маленькими, **каждый стремился**, потому что это был такой стимул. Вот такое было у людей, без этого праздника не было у человека, если он не побывал на демонстрации (Бахтина).

4. Высокое качество производства

• Вот во времена Сталина дома **все** очень хорошие. Вот наш дом как раз. Вот самые хорошие здания, которые были после войны. Это **всё** вот это сталинская, называемое сталинское барокко. Вот эти дома очень хорошо **все** сделаны. Добротное **всё** было (Флоренцева).

Перечисленные стереотипы обозначены и в соответствующей исторической и социологической литературе: «О предпочтениях трудящихся ... дает представление положительная мифология 1970-х – не очень четко прорисованная, но все же достаточно различимая.

1970-е гг. (эпоха «развитого социализма»), согласно положительному мифу, были самыми благополучными для советского человека, **эпохой достатка**. Это раз.

1970-е гг., продолжает миф, были **эпохой стабильности**. Это два.

1970-е гг., напоминает миф, были **последним десятилетием, когда советский человек еще мог полагаться на государственную систему социального обеспечения**. Это три.

Миф также приписывает **особое высокое качество культурной жизни того времени и напоминает о тогдашней атмосфере равенства и о полноценных («теплых») человеческих отношениях»** [Кустарев, 2007, <http://magazines.russ.ru/nz>].

Следует отметить, что среди «ничего-конструкций» преобладают те, которые выражают **полное усиленное отрицание** (А. Б. Пеньковский). «С логико-семантической точки зрения это отрицание существования целостных множеств, или тотальностей, лично-предметного, качественного, количественного, пространственного, темпорального и других категориальных типов» [Пеньковский, 2004, с. 101]. Как указывает автор, это значение в

русском языке выражается двумя типами конструкций, и оба этих типа широко представлены в анализируемом материале.

Первый способ выражения усиленного отрицания – это отрицательные местоименные *НИ*-слова (*никто, ничто, никакой, нисколько, нигде, никуда, никогда* и др.) и местоименные образования с *БЫ ТО НИ БЫЛО* (*кто бы то ни было, что бы то ни было, какой бы то ни было* и др.): *Чтобы нас кто-то обижал там – никогда; А мы же тогда практически не пил никто* (Соловьева); *Никто никого не боялся, чтоб столько хулиганов – не было такого. Идешь по городу и не боишься – что в час, что в два по городу один раз к брату пошла, а он на Марата жил, в предместье Марата, так я пешком отсюда иду ночью к нему, и ничего, и никто* (Верхозина). «Отрицательные местоимения – со свойственной им силой обобщения – отвлекаются от особенностей структуры таких множеств, снимая (или зачеркивая) весь их состав сразу и целиком, в одном едином акте отрицания» [Пеньковский, 2004, с. 101].

Второй способ экспликации отрицания – «отрицательные тотальности номинативного типа (НОТ). Здесь отрицание направлено не от целого к части, а от части к целому и представляет собой акт последовательного отрицательного перебора и зачеркивания всех составляющих целое единиц или частей, получающих ту или иную количественную либо качественную характеристику» [Пеньковский, 2004, с. 101–102].

Можно (ориентируясь на автора излагаемой теории) выделить несколько типов таких НОТ.

В первой группе случаев «отрицательная тотальность мыслится как дискретное множество качественно тождественных единиц, каждая из которых подвергается отрицательному – зачеркивающему – перебору» [Пеньковский, 2004, с. 102]: *Тогда же видишь, не было ни одного ребёнка, чтобы ребёнок не учился. Такого в нашей стране не было* (Соловьева).

Во второй группе конструкций «отрицательная тотальность мыслится как множество или целостность, весь состав которых – во всем его качественно-признаковом, качественно-видовом, качественно-сортовом, качественно-содержательном или градуальном многообразии – подвергается полному отрицательному перебору и зачеркиванию. Специальными показателями такого перебора являются отрицательные местоимения *никакой* и *ничей*» [Пеньковский, 2004, с. 108]:

*Ангара как-то застывала очень ровно, **никаких на ней не было вот ни комочков льда, ни неровностей** (Белова); А комната [в общежитии] у нас была на десять – двенадцать человек, и вот, живя в такой комнате, **не было никакого воровства, не было никакого унижения** (Бубнова); **Не было никаких хулиганов, никого.** До позднего вечера гуляли пары (Соловьева); *Время тихое... Никто, **никаких наркоманов не было, никто тебя не грабил** (Аевструева).**

В подавляющем большинстве случаев блоки полного усиленного отрицания функционируют как своеобразные текстовые синонимы позитивных конструкций, содержащих маркеры всеобщности. Утверждение о тотальном отсутствии определенных реалий в прошлом оказывается способом эксплицитного или имплицитного противопоставления некоторого актуального состояния мира состоянию предшествующему. Не случайно в высказываниях такого типа очень часто обнаруживаются хронологические маркеры, см. :

▪ *А **тогда** ходили все. И очень было весело потому что. И если ты домой возвращаешься в 11–12 – и **никто тебя не тронет, и не было никакого преступления, ничего не было этого. Не было, и поэтому безбоязненно идешь** ночью. **Сейчас, уже, наверное, вечером будет идти страшно-вато там 2–3 девчонкам. А **тогда** мы ходили и ничего не боялись.** (Соловьева).*

▪ *Просто к тому, что у нас **в то время, говорят, плохая власть и прочее... Но... молоко мы **бессчетно флягами** и могли позволить дополнительно кружку молока и детям и родителям и прочее... Действительно, ни... **никогда это самое не считали, не... не заглядывали... э-э... вот таким вот образом** (Бубнова).***

Как содержательные, так и формальные особенности таких конструкций показывают, что в сознании говорящего присутствуют два временных пласта, находящиеся в сложном взаимодействии: представление о наличествующем положении дел является своеобразным «триггером», который срабатывает на ключевое слово (или понятие), актуализированное в вопросе интервьюера или использованное самим информантом ранее.

При этом, поскольку «энергия тотального отрицания» [Пеньковский, 2004, с. 109], заключенная в соответствующих

конструкциях, чрезвычайно велика, они – в свою очередь – запускают другие экспрессивные механизмы, в частности, механизм эмоционально-экспрессивного согласования. А. А. Потебня, предложивший термин «эмоциональное согласование» для квалификации случаев типа *маленький домик, седенький старичок*, писал: «формы субъективной оценки заразительны: уменьшительно-ласкательная форма существительного нередко ассимилирует себе формы определяющего прилагательного, требует от них эмоционального согласования с собою» [Потебня, 1968, с. 92]. «Заразительными», как кажется, могут быть не только существительные с суффиксами субъективной оценки, но и другие языковые элементы, обладающие высоким экспрессивным потенциалом. Не случайно стратегия генерализации и стратегия эмоционального кодирования часто реализуются в составе одного текстового фрагмента.

Представим выразительный фрагмент текста, содержащий различные показатели **генерализующей эмфазы и маркеры личной сферы говорящего** (для наглядности первые выделены полужирным шрифтом; слова с суффиксами субъективной оценки – разрядкой; повторы подчеркнуты; хронологические маркеры набраны прописными буквами; другие единицы экспрессивной сферы и оценочные лексемы, в том числе такие, которые содержат оценку в сигнификативном слое значения, отмечены надстрочным индексом⁶):

На Сурикова баня знаменитая была, сейчас ее уже нету...

– А что за баня?

– О, баня... Мыться ходили с веником, а баня номер... какой-то я забыла уже, забыла... ну под номером она была, вот. Но это была знаменитая⁶ баня.

– Чем?

– А нет, какое-то название было... Какое-то из прошлых лет еще... Как бы дореволюционное имя человека. А в революцию отобрали это здание, но так и оставили баней. Вот, видимо, у хозяина она потом называлась что ли... но не вспомню я уже, но все мы ходили все-все, абсолютно до единого.

– А чем она...

– Все абсолютно до единого, то с веничком идут, то так собирались, собирались буквально толпами... Вот идешь в баню, идешь... Пошли мы, идем... Через час идем все, вот так подсобрались и пошли вот.

– А чем она знаменита-то была?

– Там **всё**: и души, и можно... и попить, и поесть можно, в общем, **все** условия: газировку пить специально ходили, там отменная газировочка была. Вот я сейчас вспоминаю: **на каждом углу** почти что была газированная вода, привозная, в этих... в этих... накрытые от жары, с кранчиками. Подошел **в любой момент**, захотел пить, а **СЕЙЧАС** попить негде... Стоит бочка, так это за этот стаканчик платишь чертову уйму денег, чтобы напиться – дорого. Очень дорого. Даже тут... а **ТОГДА** ерунда – попить газировочки. **ТОГДА** это ж одно удовольствие, и по карману не бьет, а тут сразу бьет по карману: сотню возьмешь и не поешь хорошо, как говорится. Ну что еще... Вот это мне очень нравилось^е. <...> Я еще частушку-то пела: «У кого какой миленок, у меня мастеровой: возит он тележку с газированной водой». Это типа тележки было, вот. И стаканчики были, а в основном-то, где кранчики отводили от помещения, там вот устанавливали, чтобы водичка текла, чтобы помыть стакан. Два стакана стоит: помойте стакан, и пьешь. Холодный, вот... ну сколько тут вот этих стаканчиков, можно ведь и в этих стаканчиках подавать (Верхозина).

Эмоционально-экспрессивное согласование в подобных случаях обнаруживает общую прагматическую направленность текста или высказывания и тем самым проявляет когнитивные установки говорящего. В. И. Шаховский указывает, что эмоциональность как облигаторное свойство человека – носителя языка – можно рассматривать «как важное качество процесса речевой деятельности и коммуникации, регулирующее основные процессы смыслопорождения и формирования прагматики высказываний» [Шаховский, 2008, с. 8].

Верно и обратное: анализ языковых средств выражения прагматического компонента высказывания и текста позволяет выявить факторы «повышения эмоциональной температуры» у субъекта речи, т. е. обнаружить те фрагменты мира, которые стимулируют максимальную вовлеченность говорящего.

В этом смысле, как уже неоднократно отмечалось, особый интерес представляет тот факт, что в ряде случаев микро- и макромир моделируются сходным образом. Ср. некоторые контексты, в которых характеризуются реалии и события социальной

сферы (при подаче примеров использованы те же способы графического выделения, что и выше):

▪ *РАНЬШЕ же у нас такого не было, это сейчас все молодые врачи: шаг сделал – плати, шаг сделал – деньги давай... У нас же такого не было, всё делалось начистоту^е, никаких абсолютно, никаких взяток, никаких денег, ничего, а СЕЙЧАС уже такого поколения нету (Никитина).*

▪ *Ну, это был праздник^е. Это все. Вот это был такой^е праздник! Это праздник был души и единения всех...всех, со всего города. Все встречали знакомых, соседей, всех, кого нету, шли с песнями, радостно шли. Музыка такая, собирались все...да...все...С какими-то там шарами, с цветами, с веточками, предварительно готовились. После парада все собирались. А что вот СЕЙЧАС первое мая? Я вообще вот одна дома сидела. Дочь уехала на дачу. Тут вообще, да это не чувствуется ни праздник. Э...убрали, это убрали, ничего мы не чувствуем, а РАНЬШЕ-то даже э...Это такая была радость^е, особенно после парада идешь, пустые улицы, все сидят за столами...И вот такой^е праздник^е. Там шарик валяется, там вот цветы...валяются там. Даже вот этот беспорядок праздничный и то был на радость^е людям такой^е. А сейчас...нету праздника (Эстрина).*

Генерируемый дискурс настолько захватывает говорящего, что он оказывается неспособен отрефлексировать противоречие, возникающее между порождаемыми им смыслами и субъективными оценками (далее дополнительно выделены содержательно контрастирующие фрагменты), ср. :

Ну вот, здесь немножко можно сказать про школьные годы... «Школьные годы – как они быстро летят, их не веротишь назад», – это слова из песни, знакомой всем. Но какие они правдивые, остаются в памяти каждого человека. Это были трудные годы – разгар войны. Нехватка одежды, книг, бумаги. Детям, отцы которых были на фронте, выдавалась помощь, горячие обеды. Мы ничего не получали, так как были детьми врага народа. Ну вот школьные годы, конечно, незабываемы... Счастливая, хотя и тяжелая, невозвращающаяся пора детства закончилась (Полякова).

Один из информантов, вспоминая прожитую жизнь, рассказывает о тяжелом бедном детстве, о родных, погибших на фронте, о репрессированных отце и деде, о нищете и голоде:

Какие-то вот темные^ε воспоминания по детству, почему – не знаю, может, потому что бедность^ε была жуткая^ε. Бедность^ε была жуткая^ε. Я войны не помню, но послевоенное время я помню. Вот семья у бабушки. Сыновья так погибли. Значит, Алексей под Смоленском, дядя мой. Значит, Степан, старший сын, пропал без вести, так сгинул^ε совершенно. Третий сын – связист. Почему-то вот сразу вот после войны. Он не воевал, он... как связиста его оставили. Он умер. То есть у нас мужчин-то... А мой отец сидел, значит, станция «Кача» Красноярской железной дороги, в лагерях в этих. И у нас мужчин не было. То есть были одни женщины. Да, у матери, значит, кроме меня была моя сестра двоюродная, отец которой погиб и мать умерла почему-то... от рака. Совсем молодая. И т. е. дети... дети, старики, и нищета^ε была жуткая^ε. Вот мы садились за стол, и я помню, вот тарелка и картофелина... вот такая пища, вот такое воспоминание. Видите, как одеты мы были плохо^ε. Одеты тогда были ужасно^ε, конечно, сейчас вот молодым... Все одинаково плохо были^ε одеты (Аевструева).

Тем поразительнее обобщение, которое формулирует тот же информант:

*Вот я так думаю, что, в принципе, вот я в хорошее^ε время жила... **Ну подумаешь, там немножко... ничего страшного, нас было мало, но нас так любили все, лелеяли.** Хоть и бедные, и плохо одеты, но нас любили, нам хорошо^ε было. Время было спокойное^ε, время тихое^ε: никто... никаких наркоманов не было. Никто тебя не грабил, решеток не было на окнах. Золотое^ε было время, а семидесятые годы, вот они говорят, что уже... но зато и материально получше жили... что-то стали из барахла привозить... Ну вот, мне кажется, страшнее истории, чем у России, нет... Может быть, Европа и пережила это когда-то в средние века, да... но чтобы как у нас... И сейчас неизвестно, сколько... сколько народ может вытерпеть... Потом, народу же надо... нужны традиции, а **они в нас последовательно уничтожали же, уничтожали...** Я говорю,*

что у меня мама боялась, что не дай бог, кто-то что-то узнает. Вот от отца ящик писем был в подполье, и так и сожгла она его... И так до конца дней своих она боялась... она боялась рассказывать, кто, что, откуда... лучше не знать ничего (Аевструева).

Совершенно очевидно, что трагические моменты личной истории живы в памяти говорящего и сохраняют свою актуальность (см. выделенные сегменты в первой части; в последнем фрагменте – повтор *уничтожали же, уничтожали*, усиленный интенсифицирующей частицей *же*⁸; троекратное *боялась*; финальное тотальное отрицание *лучше не знать ничего*). Это, однако, не мешает говорящему, характеризуя такие моменты, использовать сигнал иронии, несогласия (с самим собой): ... ***Ну подумаешь, там немножко... ничего страшного.*** Здесь форма *подумаешь* в значении междометия ‘употребляется для выражения иронии, насмешки, пренебрежения’ [МАС]; ‘выражает несогласие, недоверие, осуждение, вызов’ [СОШ⁹]; оборот *ничего страшного* используется для указания на то, ‘что несерьёзно, из-за чего не следует волноваться’ [СОШ].

Еще один яркий пример давления эмоционально-экспрессивного генерализующего дискурса демонстрирует следующий контекст: ***Может быть, в магазинах не было такого изобилия, как теперь, например, но если вы в любую семью зайдёте, у них на столе был полный коммунизм... Было всё, абсолютно всё. И надо сказать, что вот не было такого разделения между богатыми и бедными... Все люди были как-то... ну... приближены друг к другу в этом, в материальном плане*** (Васюхина).

Выбор перечисленных форм, лексических единиц, синтаксических конструкций порождает совершенно очевидный прагматический эффект: в рассказах информантов возникает фантомный образ утраченного рая, в котором **всё** было доступно **всем** и **каждому**, в котором люди, предметы, времена года соответствовали самым высоким стандартам, а жизнь в целом была стабильна и предсказуема.

Это представление в явном виде воплощено в воспоминаниях В. И. Поляковой:

⁸ *Же* ‘употребляется для усиления, подчеркивания значения слова, после которого ставится, а также для усиления смыслового содержания (утверждения, вопроса, побуждения и пр.) высказываемого’ [МАС].

⁹ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: ок. 41 000 слов. М. : Азъ, 1992. 908 с. (далее – СОШ).

Так, вот если, допустим, сравнить годы, когда я приехала в Иркутск, в Иркутске не осталось и следа от былого величия и очарования. Прежний облик Иркутска утрачен навсегда, жалкие остатки его в виде почерневших домов в центре навевают грусть, а местами ужас. Город, которым восторгались, восторгался Чехов в 1890-м году, более не существует. Могильная тишина улиц, буйная тень в самом центре. Красивые каменные дома, узорчатая деревянная резьба, неторопливость движений и непередаваемое чувство покоя и самодостаточности – **все это ушло**, это мое такое мнение. Как уходит вода между пальцев, умчалось, словно сказочный сон – как **воспоминание о потерянном рае**. Я в студенческие годы любила знаменитое Глазковское предместье, где студенческие годы проходили, рощу Звездочку, Ленинскую улицу, на которой стоял фамильный особняк, и необыкновенную природу, которая начиналась сразу за городом, а лучше сказать, сохранилась, вот как-то она развивалась с городом. Иркутск остался частью природы удивительно красивой, которую видим мы теперь только на цветных открытках вековой давности. Горожане выезжали за город на природу, благо вот она рядом. Недаром возникло такое словосочетание «сибирское здоровье», все так и есть, вернее, было, а теперь за городом выстроили особняки с железными заборами богатые люди, исчезли жарки с необозримых полей, меньше стало сочной травы. Если она вырастает, то на наших газонах ее скашивают, не услышишь пения жаворонков... **Все это было**.

Подытоживая вышеизложенное, подчеркнем, что «ценность как разновидность идеального недоступна для непосредственного наблюдения» [Виноградов, 2007, с. 265]. Однако «восстановление систем ценностей на основе их «следов», хранящихся в текстовых результатах человеческой деятельности, представляется перспективным в научном плане» [Виноградов, 2007, с. 268].

Как отмечается во введении, в центре внимания авторов настоящего издания находится советское как дискурсивный феномен, как – напомним слова Э. Байфорда – «своего рода призрачное присутствие, генерируемое через дискурс и в нем запечатленное». Анализ этого дискурса позволяет понять, какие фрагменты советского прошлого «призрачно присутствуют в сознании большинства информантов», как эти фрагменты интер-

претируются с позиций сегодняшней жизни, как сопрягаются факты личной и общественной истории в индивидуальном сознании и т. п. Наши наблюдения показывают, что одним из эффективных способов такого анализа является исследование языковых и дискурсивных средств, с помощью которых реализуются стратегии генерализации и эмоционального кодирования. Эти средства функционируют как сигналы включенности определенных фрагментов объективного мира в мир чувств, эмоций и оценок говорящего; «процессы вербализации эмоций высвечивают важные моменты устройства и механизмы функционирования человеческого мышления» [Шаховский, 2008, с. 8], а потому позволяют составить объективное представление о системе аксиологических ориентаций личности.

1.3. ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Ностальгирующий по советскому прошлому субъект в своих воспоминаниях прежде всего обращается, разумеется, к внеязыковой действительности – к тем предметам и явлениям, которые непосредственно, как ему кажется, составляют восстанавливаемый в памяти фрагмент реальности. Однако, как известно, в человеческом сознании предметы редко существуют отдельно от знаков предметов – их заместителей в языке, а потому мысль, направленная в прошлое, необходимо имеет дело не только с означаемым, но и с означающим, а иногда, поскольку язык советской эпохи находится в сложных и неоднозначных отношениях с реальностью, – прежде всего с означающим: «В силу своей непонятности или ложности карта иногда *занимает столько места*, что *занимает место* самой территории: как утверждают критики, советский язык – это система, в которой видны только слова, за которыми исчезает и перестает быть воспринимаемой реальность» [Серио, 1993, с. 85].

Высокая степень ритуализованности советской повседневности касалась не только собственно действий и процессов, но также средств их описания (ср. упоминания о заводском гудке, одновременно поднимающем на работу тысячи людей): *Самый большой это был завод Куйбышева, вот он в семь часов длинный гудок: у-у-у-у, – все проснулось, в полвосьмого он делает э-э-э-э,*

и без пятнадцати восемь – ту-ту-ту – все люди на работе (Москаленко); В восемь уже загудело – это ты уже должен идти на работу (Ветров); Но знаете, мне раньше казалось – может, сама работала – мы больше торопились. Еще ведь раньше заводы-то все гудели и фабрики. Куйбышевский так: «У-у-у», потом «у-у-у». И уже знали с восьми утра, в семь утра, в полвосьмого (Попова); рассказы о коллективном праздновании 1 Мая, 7 Ноября и пр.: Это самые великие были праздники – 1 Мая, 7 Ноября <...> в это время парады были – только вот в эти два дня в году. Народу очень много. Народ идет, пляшет, поет, играет (Верхозина); Ну общие признанные эти праздники, э-э, как, э-э, демонстрации: 1 мая, День Победы и-и 7 ноября – это уже неотъемлемая часть, это уж обязательно все до одного должны были присутствовать (Бубнова) и пр. под.

Указанные особенности советского семиозиса отмечены, например, в [Yurchak, 2006, p. 51]: «...the form of authoritative texts became increasingly more important than concerns about the meanings corresponding to that form»¹⁰. А. Юрчак обращает внимание на рекомендации в справочниках, рассчитанных на пропагандистов и идеологических работников, которые должны нести массам «истинное слово партии», избегая при этом собственных формулировок и размышлений [Yurchak, 2006, p. 52], а также на структуру региональных кинохроник, визуальный стиль которых оттачивался годами и становился все более стереотипным – вплоть до того, что один и тот же киноматериал использовался в разных кинохрониках для иллюстрации разных событий: «These "blocks" of footage consisted of formulaic scenes – an audience clapping or voting in a large hall, crowds marching during May Day parades, agricultural work on collective farms, and so on»¹¹ [Yurchak, 2006, p. 58]. Языковая оболочка повествований подобного рода также в подавляющем большинстве случаев состоит из комбинируемых между собой блоков, причем появление одних комбинаций в высокой степени ожидаемо, а других – практически невозможно, ср. комментарий Анны Ахматовой: «То же и со словом «эпоха». Тот, кто прислал мне эти анонимные стишки, знает «эпо-

¹⁰ Форма авторитетных текстов становится все более и более важной, чем проблемы, связанные с соответствующим ей значением.

¹¹ Эти «блоки» отснятого материала состояли из стереотипных сцен – публики, аплодирующей или голосующей в большом зале, толп, марширующих во время первомайского парада, сельскохозяйственного труда в колхозах и т. д.

ху» только в одном смысле и потому возмущился строкой «Есть три эпохи у воспоминаний». Какие же могут быть три, когда существует только одна и притом наша?» [Чуковская, 2007, с. 269].

Тексты (в широком смысле), созданные при помощи средств «авторитетного» языка¹², языка власти, и регулярно воспроизводимые, очевидным образом серьезно влияют на аудиторию. «Способность языка к самоочищению очень сильно зависит теперь от кино-, теле-, радиоречи, обладающей, несомненно, силой внушения и к тому же принимаемой немалым числом слушателей и зрителей за образец для подражания. Да и читателей газет ныне многие миллионы. С появлением мощных средств массовой информации идеологизированные языковые штампы, канцелярит и пуризм получили огромную аудиторию» [Хан-Пира, 1991, с. 23]. Ср. также замечание Виктора Клемперера о политическом языке нацистской Германии, который, наряду с советским политическим языком, послужил прототипом оруэлловского *newspeak*: «Нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдальблюдаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» [Клемперер, 1998, с. 11].

Характерными чертами новояза и его прототипов, как отмечается в [Zusman, Gronskaaya, Batishcheva, 2012, p. 279–280], являются «ораторствование»: господство декламационного стиля и страстной агитационной манеры; триумф пропагандистского стиля: преднамеренное преувеличение важности общественных успехов и достигнутых результатов; постоянное использование идеологизации, приписывание символических значений основным политическим концептам, создание идеологем ...; чрезмер-

¹² «В период позднего социализма идеологический дискурс партии и государства на уровне формы испытал сильнейшую нормализацию и застывание, а на уровне смысла перестал интерпретироваться буквально (в большинстве случаев, хоть и не всегда). Иными словами, этот дискурс перестал функционировать как идеология, по крайней мере в привычном понимании этого термина – как некое описание реальности, которое воспринимается как верное или неверное. Теперь функция этого дискурса была не столько в репрезентации реальности, сколько в воспроизводстве ощущения того, что существующий дискурсивный режим неизменен и не поддается публичному оспариванию. То есть, потеряв в значительной степени функцию идеологии, этот дискурс тем не менее не потерял функции «авторитетного слова». Для того, чтобы подчеркнуть эту трансформацию в контексте позднего социализма, я буду впредь называть советский дискурс не идеологическим, а *авторитетным* дискурсом» [Юрчак, 2007, <http://magazines.russ.ru/nz>].

ные абстрагирование и наукообразность, активное использование обобщений, жертвой которых становится логичность; интенсивная, пылкая и не всегда искренняя критичность; стиль, похожий на стиль лозунгов, страсть к мантрам; притязания на абсолютную истину». Элементы языка, который в различных источниках именуется «советским «новоязом», «бюрократическим» языком, «тоталитарным» языком, «официозом», «казенным» языком, «деревянным» языком и др.» [Будаев, Чудинов, 2009, с. 26], обладают, следовательно, невысокой содержательной и огромной символической ценностью. Создавая высказывания с использованием этих элементов, говорящий коммуницирует не только от собственного имени, но и от имени исходного хозяина дискурса – власти, коммуникативный авторитет субъекта речи при этом возрастает и в его собственных глазах, и, как ему кажется, в глазах адресата и аудитории (ср., например, известный рассказ А. Яшина «Рычаги»).

Конструируемое в современных воспоминаниях советское прошлое представляет собой не исключительно и иногда даже не в первую очередь внеязыковую действительность. Важную роль при восстановлении в памяти этого мира и его вербализации играет языковой и, шире, коммуникативный опыт субъекта, не в последнюю очередь включающий в себя исполнение ролей адресата (обязательно) и отправителя (в существенном количестве случаев) сообщений, сформированных при помощи средств авторитетного, официального языка. Обитатель советского мира в процессе социализации не мог не овладеть определенным набором формул и клише, необходимых для участия в ритуальном времяпрепровождении и иногда облегчающих это участие. Обмен знаками в рамках массовой коммуникации автоматизируется; один и тот же стимул практически всегда вызывает одинаковую реакцию: газетная передовица соответствует ожиданиям аудитории, *эпоха* практически всегда является *нашей* или *социалистической*.

Итогом описанного положения вещей становится, в частности, следующий любопытный эффект: личное переживание участника коллективного события частотно вербализуется посредством «авторитетного слова» (элементов официоза или других функционально-стилевых реализаций советского дискурса [Ворожбитова, 2000]). По-видимому, этот эффект объясняется, во-первых, тем, что переживание, по мысли говорящего, получа-

ет таким образом дополнительную, символическую, ценность¹³, а во-вторых, полным или частичным вытеснением из сознания и личного опыта, и неофициальных способов его языкового воплощения, которые заменяются автоматически конструируемым по правилам советского дискурса текстом – чем-то вроде пластинки, предназначенной для неоднократного проигрывания. Сравним личные воспоминания о праздновании важных дат и газетные описания таких празднований:

Воспоминания	Газетные публикации
<i>Ну, строили, конечно, мостовики – это специально люди, которые строили мосты вообще в стране и в том числе в городе Иркутске. Но, и когда построили, было ликование, э... когда встречали... и строители и... митинги были (Васюхина).</i> <i>Колонны некоторые строились, а потом присоединялись на Карла Маркса и двигались к Вечному огню. Это было такое ликование. Такая радость (Вишняков).</i> <i>Конечно, было торжественно, и оркестр был, и народу, ой, много было, народу-то, ликовали все, конечно, выпили, естественно (Флоренцева).</i> <i>На многих, на многих предприятиях были духовые оркестры, и все вышли, и все играли, играли, и еще с факелами шли, видно, сту-</i>	<i>Да, это праздник! Мне представился случай быть на заводе имени Молотова утром, когда весь город, объятый ликованием, готовился выйти на демонстрацию¹⁴ [Ю. Шестакова. Победа! (1953) // «Тихоокеанская звезда», 1945.05.10].</i> <i>Волной народного ликования встретили ленинградцы весть о награждении своего города орденом Ленина [Праздник в Ленинграде (1945.01.30) // «Советское искусство», 1945].</i> <i>Ирмино ликовало: шахтеров встречали с оркестром, засыпали цветами. Из Москвы, из многих городов Украины Стаханова и его товарищей приехали поздравить делегации рабочих, писателей, артистов [Шаги Советов // «Советский экран», 1972].</i>

¹³ Интересно отметить, что эта ценность в анализируемых случаях, как правило, очевидна только для одного из собеседников – интервьюируемого, Sb1. Интервьюер, Sb2, – это студент, не имеющий опыта жизни в Советском Союзе и в большинстве случаев не способный оценить авторитетность и символическую природу высказывания.

¹⁴ Примеры из советских газет обнаружены посредством поиска в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Воспоминания	Газетные публикации
<i>денты, вот, я уж не помню кто. До самого завода Куйбышева шли с факелами. Вся молодежь, все так ликовали, так радовались, и действительно это радость была (Глызина).</i> <i>Я уже у мамы жила после... из детдома меня уже забрали, и, ну, мы тоже вот там были, ликовали. В общем, было очень радостно, народ ликовал, что победа, победа, победа (Владимирцева).</i> <i>В 45-ом кончилась война, конечно, все ликовали все... я не знаю, выражали, как это... Ну все поздравляли друг друга, обнимали, целовали <...> Это было такое ликование, все целовались, обнимались, я не знаю, это было такое веселье, ну прямо неудержимое веселье! (Поляничко).</i>	<i>Ликование в Комсомольске</i> Десятки тысяч трудящихся Комсомольска-на-Амуре собрались в полдень на площади перед Дворцом культуры. Комсомольчане шли сюда стройными колоннами с красными знаменами, с украшенными цветами портретами великого вождя и полководца товарища Сталина [Ликование в Комсомольске (1945) // «Тихоокеанская звезда», 1945.05.10]. <i>Настал для нас долгожданный Праздник Победы. Всеобщее ликование бурлит на улицах наших городов и деревень. Победа! [Победа! (1945) // «Известия», 1945.05.09].</i> <i>Корреспонденты: – Вы читали сегодня газеты? Знаете, как ликовала Москва? Юрий Гагарин: – Да... [П. Барашев, В. Песков. В гостях у космонавта (1961) // «Комсомольская правда», 1961.04.14].</i>

В приведенных примерах личное пространство переконструируется говорящими под влиянием официальных речевых формул, реальный опыт восприятия значимых событий (в первую очередь победы в Великой Отечественной войне) приводится в соответствие коллективному. Основными маркерами внедрения средств авторитетного языка в собственный нарратив и даже их сплава здесь становятся существительное *ликование* и глагол *ликовать*. Присвоение чужой формулы, «чужого слова» (в широком понимании: «лексический оттенок слова, например архаизм или провинциализм, указывает на какой-то другой контекст, в котором нормально функционирует данное слово» [Бахтин, 1994, с. 83]) в этом случае совершенно не осознается говорящим: оно вошло в его речевую привычку.

Такое присвоение, или замещение личного воспоминания символически более значимым текстом, нередко встречается в

беседах о прошлом. «Парадоксальным образом ... это намерение «не забывать», вероятно, и приводит к тому, что подобные судьбоносные события претерпевают разнообразные трансформации, дополнения и унификацию: их приводят к тому стандартному формату, в котором и другие люди о них помнят <...> ... человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников – например, из рассказов других людей, из романов, из документальных и художественных фильмов... Этот феномен называется «забвением источника», потому что само событие человек помнит правильно, но путает источник, из которого получено воспоминание о нем» [Вельцер, 2005, <http://magazines.russ.ru/nz>].

Настоящим источником заимствования при этом могут становиться, как указано, разные семиотические системы; так, частотно замещение воспоминания фрагментом кинотекста: *Ну, как... по поговорке, э... Прячьтесь – белые пришли, прячьтесь – красные пришли. Как вот мама говорила: сегодня белые, завтра красные, послезавтра опять белые. И в деревне смена власти в течение дня могла три-четыре раза проходить* (Эстрина) – информант в данном случае озвучивает гибрид кинокадров из известных советских фильмов «Свадьба в Малиновке» и «Бумбараш», однако искренне приписывает высказывание собственной матери. Ср. эпизод из биографии автора фильма «Щорс» А. Довженко:

Один из консультантов был личным другом Щорса. Двадцать лет не слишком состарили его, и память ему еще не изменила.

Прослушав сценарий, он сказал:

– Знаете, Александр Петрович, я просто поражаюсь вашей добросовестности и тому, с какой поразительной точностью вы все это записали. Я все вспоминал и все думал – вот так оно точно и было. Я даже вчера со своей женой говорил: как же это может быть так точно написано, до единого эпизода?

И другой консультант тоже с ним согласился.

– А я должен был сказать, – хитро усмехнувшись, общил студентам Довженко, – что абсолютно ни одного эпизода точного нет. Я все выдумал.

Консультанты отказались верить. Им уже казалось, что они сами помнят все то, о чем рассказал им сценарий... [Марьямов, 1968, с. 273–274].

Частным случаем забвения источника, очевидно, следует считать его подмену более типичным для эпохи и, в конечном счете, более символически значимым: *Девяносто девять процентов, я так считаю, в бывшем советском, сейчас охаиваемом государстве действительно люди были патриоты, люди чести, люди, как говорил Маяковский, звезды бы делать из этих людей, не было б в мире крепче звездой* (Кочкова) – ошибочная атрибуция текста Н. Тихонова Маяковскому свидетельствует не столько о плохой памяти и невежестве информанта, филолога по образованию (эта атрибуция является крайне распространенной), сколько о закреплённости в массовом сознании фигуры Маяковского в качестве главного советского поэта – символа советского поэта.

В процессе рефлексии над присвоенным текстом могут происходить попытки припоминания забытого источника, которые не всегда приводят к нужному результату. Так, в следующем примере говорящий постепенно осознаёт цитатность собственной речи, но вместо конкретного контекста, пусть и авторитетного, указывает на сферу паремий, пословиц, которые, по его мнению, адекватно описывают особенности сознания советского человека: *Там был мир совершенно другого порядка, другого склада. И вот это надо было оставить, конечно, вернуть. Особенно забота человека о стране, о Родине, вот, а потом уж о себе. Как говорится, сначала думай о Родине, а потом о себе. Тут главный смысл был жизни. Вот так* (Антипин). Содержание советской песни, как мы видим, органично встраивается в систему ценностей, признаваемую, с одной стороны, идеальной, а с другой – реально существовавшей, и личное и коллективное вновь сливаются воедино.

Память об источнике цитаты мешает ее переводу в разряд народных мудростей и требует рефлексии на тему соответствия реального опыта идеальному образцу, представленному в значимых текстах, ср.: *И идея у него была такая тоже, как в песне поется: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Вот мы по таким критериям, можно сказать, и жили. По-моему, вся Россия так и жила. Мы брали пример с героев гражданской войны, мы знали все эти патриотические песни* (Кочкова).

В некоторых случаях реальный опыт говорящего одерживает победу над магическим воздействием авторитетного слова, и в этом случае на языковом уровне мы часто имеем дело с так называемым смещением: «Силы свободы ... действуют не только в литературе, но и в нашей повседневной устной речи. Можно даже сказать, что возможность освобождения от власти, которую несет в себе язык, **заложена в нем самом**. Ярче всего это проявляется в тех смещениях, которые рождаются произвольно» [Сарнов, 2005, с. 13]. *Мне трудно сказать: спасибо, родная, м-м-м, партии, м-м-м, нет, спасибо, родная, как там? За наше счастливое детство спасибо, родная страна. Этого я никак не могу сказать, потому что детства как такого не было* (Кочкова). Эффект снижения лозунгового накала достигается за счет «разгенерализации» утверждения, перемещения песенной цитаты из эмоциональной сферы в рациональную и встраивания ее в нарратив.

Еще один способ смещения – использование сниженной развернутой метафоры – находим у следующего информанта: *Мы по производительности труда, по главному показателю, отставали от развитых стран в несколько раз, вот. То есть они шли быстрее, мы от них отставали, плелись в хвосте, да, и кричали: «Догоним! Догоним!».* Как можно догнать, если ты двигаешься медленнее, чем они, да (Кавчик). Политическая формула *догнать и перегнать <Америку>* здесь переконструирована и наполнена предметным содержанием.

В двух последних случаях информанты отстраняются от авторитетного слова, противостоят ему и, рефлексировав, «укрощают» его заклинательную силу. Стратегия укрощения может быть иной: говорящий, повествуя о современности, присваивает формулу языка советской власти и, как отмечалось выше, делает свое высказывание символически более ценным за счет обращения к элементам советского политического дискурса: *И Ельцин, и последующие – это просто враги народа, по-другому их называть нельзя* (Калошин); *Уничтожили самые основные: здравоохранение, культуру, образование, науку. Вот эти четыре отрасли остались в загоне. Это... это страшное дело, я считаю, что это вредительство просто. Вот вредительство* (Шарлова). Чуждость используемых клише, их официальное происхождение не остаются незамеченными: говорящий, ощущая эту чуждость, стремится преодолеть разнородность языковых средств, органично встроить авторитетное слово в собственный нарратив

при помощи метаязыкового комментария (*по-другому их назвать нельзя*) или дискурсивных слов (*вот, просто*).

В качестве подведения итогов можно сказать следующее. Задаваясь вопросом о том, насколько актуально советское прошлое для информантов, проведших большую часть жизни в Советском Союзе, и как они его оценивают, нельзя пройти мимо языковой репрезентации этого прошлого. Анализ **формы** высказывания об ушедшей действительности и соотнесение такого высказывания с макротекстом, порожденным советской эпохой, дает нам ценную информацию о месте, которое феномен советского занимает в сознании говорящего, и позволяет судить об особенностях структуры этого сознания.

1.4. СТРУКТУРИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДЕЙТЕЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИСКУРСА

В рамках данного исследования устная история понимается как пространство памяти, как некий конструкт, являющий собой сочетание личного опыта и коллективных представлений. Как такие феномены сосуществуют в сознании человека? Как взаимодействуют коллективные представления и личные воспоминания? Каким образом субъект дискурса эксплицирует в своей речи определённые факты личной и общественной истории? Для ответа на эти вопросы рассмотрим способы языковой экспликации фактов коллективной и индивидуальной памяти.

1.4.1. Влияние советского дискурса на способ экспликации воспоминаний о советском прошлом

М. Хальбвакс, введший термин коллективная память, определил это понятие как сложную сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающую границы нашего воображения «в соответствии с позициями тех групп, к которым мы относимся» [Хальбвакс, 2005, <http://magazines.russ.ru/nz>]. Исследователь полагает, что образы человеческого сознания, которые З. Фрейд считал индивидуальными, относятся к коллективным образам, формирующимся в рамках дискурса социума. Способ, которым вызывается прошлое, зависит от власти группы, создающей свою собственную память. Группа, обладая властью, формирует кол-

лективную идентичность. Идентичность подразумевает общую коллективную память для всех членов группы. Коллективная память – это социальный продукт, возникший в результате интерпретации фактов прошлого.

Пространство памяти включает в себя элементы личного пространства. Социализация личной памяти происходит в процессе присвоения коллективных установок. Память воспроизводит инкорпорированные в неё социальные символы даже вне идеологического пространства.

Обратимся к примерам из текстов интервью: *Ну вот, я считаю, что у меня, что моё детство было очень счастливым, несмотря на... может, были какие-то недостатки там в одежде, в пропитании... но я считаю, что оно было очень безоблачным и счастливым* (Соловьева).

В приведенном фрагменте очевидным образом наблюдается столкновение личных воспоминаний и коллективных представлений. Коллективный конструкт *счастливого и безоблачного детства* оказывается сильнее конкретных личных воспоминаний и вытесняет их из сознания говорящего.

Ещё один фрагмент: *Папа у меня был репрессирован, и я находилась в детском доме. Воспитывалась в детском доме, который находился в предместье Марата. Ну, тяжелое детство было довольно-таки в том плане, что к нам относились очень плохо. Мы были детьми врагов народа. Ну, отсюда всё и остальное. Так в школу я пошла в городе Иркутске. Меня уже взяла бабушка, папина мама. Ну а потом мама вернулась уже, тоже проблемы были из-за папы. Так. О своём детстве в итоге о детстве можно сказать очень только (Игорь, пожалуйста, не шуми, оно мешает), детство прошло у нас всё-таки хорошее, счастливое, как мы его тогда называли. Очень интересное, радостное потому, что каждое лето отдыхали в пионерском лагере. А там время проводилось очень интересно. С нами занимались педагоги* (Владимирцева).

Субъект дискурса оценивает своё детство как тяжелое, так как отец был репрессирован, сама Г. М. Владимирцева находилась в детском доме, к их семье плохо относились. Наречие *довольно-таки* со значением усиления использовано с прилагательным *тяжелый*, негативная оценка периода детства усиливается. Информант приводит рациональное обоснование того, что в детстве ей было нелегко.

Но неожиданно, после того как интервьюируемую перебили, отвлекли, она меняет вектор оценки собственного детства: *детство прошло у нас всё-таки хорошее, счастливое*. Когда Г. М. Владимирцева была погружена в личные воспоминания, она выстраивала образы из детства, пытаясь рационализировать эти воспоминания. После того, как ее отвлекли, интервьюируемая, вернувшись к теме детства, транслирует уже коллективные представления о советском детстве: *детство прошло у нас всё-таки хорошее, счастливое; Очень интересное, радостное*.

Описание счастливого детства сопровождается употреблением наречия *очень*, которое усиливает положительную оценку. Причем, если сопоставить наречия *довольно-таки* (*тяжелое детство*) и *очень* (*интересное, радостное детство*), то наречие *очень* репрезентирует большую степень усиления.

Попытаемся разграничить индивидуальную и коллективную память на основании дискурсивного анализа устного текста, того текста, который произносит субъект, озвучивая факты прошлого.

Единого общепринятого определения понятия «устная история» до сих пор не существует. Однако бесспорен тот факт, что все исследователи, работающие с устной историей, имеют дело с устной, вербальной информацией.

Устная история – это результат конструирования воспоминаний о том или ином событии в сознании субъекта. То, каким будет знание человека о том или ином предмете или событии, зависит от многих факторов, среди которых опыт самого субъекта, некоторая совокупность его мифологических представлений, а также информация, почерпнутая из различных источников в ходе коммуникации. Тем, каким образом в сознании человека будет сконструировано представление о событии, и объясняется субъективность его воспоминания, поэтому один и тот же феномен действительности в сознании разных людей может быть представлен по-разному. Устная история – это результат конструирования воспоминаний в процессе личного опыта, а также опыта коммуникации в коллективе.

Таким образом, устная история как конструкт содержит в себе информацию, полученную в рамках личного опыта, и коллективную, общественную, историческую информацию. Знания человека о мире выступают не как репрезентация, отражение объективной реальности, а как выстраивание, конструирование мира и собственного Я в сознании субъекта.

Это конструирование всегда происходит по определенным правилам, сформированным дискурсом. Именно дискурс социума предписывает субъектам данного дискурса правила конструирования знаний о мире. Обратимся к следующему примеру: *Ну, это когда в детском доме была, само **детство было тяжёлое** потому, что я была как дочь врага народа (ты мне не отвлекай, не перебивай). А детство прошло всё-таки в советское время **намного интереснее**, чем оно проходит сейчас для детей, так я считаю* (Владимирцева). Автор текста описывает свое детство как тяжелый период (*детство было тяжёлое*) и рационально осмысляет свои воспоминания, аргументирует высказанное (*потому, что я была как дочь врага народа*). Однако, как представитель дискурса социума, субъект дает положительную оценку периоду своего детства (*а детство прошло всё-таки в советское время намного интереснее*). В рамках небольшого фрагмента текста наблюдается столкновение дискурса социума и дискурса субъекта.

Столкновение личных воспоминаний и коллективных представлений может вести к противоречию: *Кто там мужчины, там где-то в подворотнях немножечко **выпивали**, но так, чтобы **пьяные**, не было, не было, тогда мораль была намного выше и нравственность* (Никитина). В данном высказывании есть противоречие, которое говорящий не замечает: *в подворотнях немножечко выпивали ⇔ но так, чтобы пьяные, не было*. В сознании интервьюируемой всплывают воспоминания о том, что мужчины выпивали, но стереотипные представления о том, что люди в советское время были лучше, заставляют её оправдывать тех, кто выпивал, вследствие чего возникает противоречие. Стереотипные представления в сознании субъекта, сформированные в рамках дискурса социума, очень сильны и поэтому заглушают попытку человека рационально осмыслить прошлое.

Итогом анализа фрагментов текста интервью стали следующие выводы: сформулированная советским дискурсом коллективная идентичность обеспечивает схожий набор ценностей для каждого представителя дискурса.

Зачастую коллективное представление входит в разлад с собственным, личным мироощущением субъекта советского дискурса. Рамки советского дискурса формируют сознание субъекта речи, дискурс субъекта взаимодействует с дискурсом социума. Происходит столкновение дискурса субъекта и дискурса объекта. И это

взаимодействие дискурсов (дискурса объекта и дискурса субъекта) отражается на выборе языковых средств говорящим.

Такое взаимодействие коллективных и индивидуальных представлений рассматривается далее в рамках дискурс-анализа текста интервью с Н. П. Васильевой, 1924 года рождения.

Советский дискурс задавал строгие рамки в понимании того, что хорошо, а что плохо. В анализируемом интервью можно отметить фрагменты, где отражается то, как советская идеология сформировала мышление информанта, где вступают в конфликт собственные оценки информанта и ценности, навязываемые советской идеологией.

Можно взглянуть на текст интервью с точки зрения отражения в нём когнитивно-дискурсивных стратегий:

- стратегии оправдания;
- стратегии подчинения необходимости;
- стратегии присоединения (стратегии идентификации через принадлежность к определенному социуму).

Анализ указанного текста с точки зрения тематической представленности обнаруживает, что одна из ведущих в этом интервью – тема раскулачивания. Советская власть раскулачила отца интервьюируемой. С одной стороны, это событие, конечно же, негативно отразилось на судьбе семьи и потому оценивается говорящим отрицательно. С другой стороны, советский дискурс задает свои ориентиры: поскольку человека раскулачили, значит, были на то основания, вероятно, он поступал неправильно. А так как информант сам является носителем советского дискурса, то в его сознании происходит столкновение дискурса субъекта и дискурса социума: информанту важно оправдать отца как перед лицом собеседника, так и внутри собственного сознания.

Рассмотрим, как реализуется эта стратегия – стратегия оправдания.

Отметим, как аккуратно подходит к разговору на эту тему информант, как долго не решается произнести саму номинацию для обозначения этого события – *раскулачивание*:

1. *Ну, вот было пятеро детей, значит, да, жили они уже после войны он, значит это, ну... как... дом построили они там, значит, все это, что необходимо для сельского хозяйства: какие-то стайки там, какие-то амбары там. (1) Мало ли что это нужно было в хозяйстве там, как и сейчас вот, (2) скажем, колхозники, уезжают даже некоторые и с города в село,*

они все равно обзаводятся хозяйством, без этого же невозможно, (3) а потом семья такая еще: их двое, еще бабушки там были, которых я вообще уже не знала, потому что я-то родилась значительно позднее.

(1) Субъект оговаривает, оправдывая необходимость иметь хозяйство (пресуппозиция высказывания: ‘иметь хозяйство – это плохо, это – частная собственность, что не одобряется системой’).

(2) Проводит параллель с современностью.

(3) Оправдывает, объясняя необходимость наличия крупного хозяйства большим количеством членов семьи.

2. Я уже в советское время родилась. Вот. А потом вот был период у нас, известный теперь вам уже далеко... давно хорошо, по-моему, особенно историкам. Был период (1) так называемой коллективизации, это 30–29-е года, значит, вот тут. И вот в это время... да!

(1) Говорящий вводит элемент отчуждения, дистанцируется от называемого им феномена.

3. А потом уже пришла советская власть, он продолжал работать на земле, все, значит, дети участвовали в этом. (1) Они умели и косить, и молотить, и чего только там не делать. (2) Но так как он... семья была большая, и он, видимо...

(1) Субъект обосновывает, оговаривает предстоящее, снова появляется тема большой семьи.

(2) Разрывает синтаксическую конструкцию (самоперебив), что свидетельствует о том, что говорящий эмоционально дестабилизирован.

Говорящий акцентирует внимание не на имуществе, которое было нажито, и не на самом хозяйстве, а на процессе труда, с помощью которого было нажито большое хозяйство, так как в рамках советского дискурса труд оценивается положительно, а владение частной собственностью оценивается отрицательно. Можно констатировать, что субъект подчиняется советскому дискурсу и выстраивает оправдание именно в рамках советского дискурса, исходя из ценностей данного дискурса.

4. Он все-таки имел какое-то образование четырехклассовое, и поэтому он в деревне считался вроде (1) грамотным человеком. Когда к нему обращались он, видимо, (2) всегда помогал, насколько я так себе представляю.

(1), (2) Выбор единиц лексического уровня, который осуществляет говорящий, предопределен необходимостью оправдания отца.

5. Поэтому все включались в работу и все были тружениками до единого в семье.

(1) Информант выходит на важную для него тему раскулачивания и с помощью союзного слова *поэтому* оправдывает отца введением темы труда ради благополучия семьи.

6. А так как он и помогал им – раз, и, во-вторых, он все-таки пытался как-то помочь другим, они завели сепаратор, купили, видимо, этот ну... были же и животные, и лошади были, потому что тогда же никаки... на все на лошадях, все... никаких же ни машин ничего. Ну, представьте. Вам трудно представить, конечно, это, но это история наша. И это, если вы такие книги читали, то вы всегда... и деревенскую прозу какую-то, то вы себе легко представите все это. Вот.

Стратегия оправдания детерминирует выстраивание причинно-следственных связей, используются сложноподчиненные предложения со значением причины: *А так как он и помогал им – раз, и, во-вторых, он все-таки пытался как-то помочь другим, они завели сепаратор, купили, видимо, этот ну... были же и животные, и лошади были, потому что тогда же все на лошадях, все... никаких же ни машин ничего.* Указанная стратегия реализуется благодаря дискурсивным словам *раз и во-вторых*, которые используются для введения аргументов в пользу какого-либо тезиса. В данном случае этот тезис заключается в оправдании отца, в оправдании того, что он имел большое хозяйство. При этом оба дискурсивных слова вводят один и тот же аргумент: ‘отец помогал другим’. Стратегию оправдания поддерживает союз *так как*, который употребляется при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, где сообщается причина или обоснование того, о чём говорится в главной части. Таким образом, в речи субъекта введение информации о том, что *они завели сепаратор*, оправдывается тем, что *он и помогал им* и *он все-таки пытался как-то помочь другим*. С помощью частицы *же*, которая используется для акцентирования внимания на слове, после которого ставится, а также для усиления смыслового содержания высказываемого, говорящий снова через пресуппозицию подаёт мысль ‘купили сепаратор, потому что были и животные, и лошади’.

На этом этапе монолога говорящий, сообщив о том, что семья имела много лошадей и других животных, сталкивается с необходимостью опять оправдывать отца, так как в советское

время наличие большого хозяйства не поощрялось, поэтому информант сразу же вставляет союзное слово *потому что*, которое устанавливает причинно-следственную связь.

В рамках советского дискурса обладание большим личным хозяйством оценивалось негативно, поэтому, учитывая попытки субъекта оправдать отца, поведение которого оценивалось отрицательно в рамках дискурса социума, констатируем, что советский дискурс сформировал, подчинил сознание говорящего.

7. И поэтому, конечно, и телеги были, и сани были, ну в общем весь инструмент, который необходим в сельском хозяйстве. Вот.

Информант опять объясняет наличие большого хозяйства необходимостью, потому что иначе прожить было невозможно; использует союзное слово *потому* для оправдания наличия большого количества имущества. С помощью лексемы *необходим* 'такой, без которого трудно обойтись' [МАС] субъект дискурса оправдывает большое имущество хозяйственной необходимостью, имплицитно мысль 'без такого большого имущества просто невозможно было существовать'.

*8. А потом уже, ну... пришла власть советская, ну он, в общем-то, нейтральным как-то был совершенно к этому, (1) **видимо... это с моей точки зрения**. Я не могу его мысли восстановить, потому что потом уже позднее, когда уже мы, еще две дочери появились у него, в двадцать втором году еще Валерия родилась, да. А через два года, в сорок пять лет меня мама родила, меня еще. Я уже была седьмой. Седьмым ребенком в семье. Ну вот... Ну и, конечно, старшие повыходили замуж, естественно. Перед тем как вот уже отца... (2) **ну... прямо надо теперь говорить** – *раскулачили*.*

(1) В речи информанта появляются языковые средства, вводящие субъективность как отражение желания оправдать отца и одновременно выражение неуверенности в собственных оценках, которая является следствием столкновения в сознании говорящего **коллективных ценностей** и **личных оценок**, т. е. дискурса объекта и дискурса субъекта.

(2) Использует конструкцию, свидетельствующую о необходимости произнесения важного тезиса, к которому она долго готовила собеседника.

Стратегия оправдания нужна интервьюируемой для подготовки слушателя к сообщению главной информации. Причем можно отметить, что произнесение этой главной информации

далось нелегко субъекту, об этом свидетельствует высказывание прямо **надо теперь говорить**.

Появление языковых средств, эксплицирующих модальность необходимости, демонстрирует обязательность усилий: интервьюируемая как будто заставляет себя произнести эти слова. А лексема *теперь*, которая употребляется при переходе к новому предмету повествования, эксплицирует мысль 'пора сказать о том, о чем я до сих пор не говорила'. Таким образом в речи субъекта пересекаются две стратегии: стратегия оправдания и стратегия подчинения необходимости.

Осознание того, что нужно делать и как правильно жить, проявляется в речи через экспликацию некоторых социальных установок советского периода: *Вся советская власть построена на костях эков. Все вот эти северные вот эти пункты большие, это все сделано на человеческих костях все. Но с одной стороны надо было раз... э... поднимать промышленность, развивать промышленность*.

Модальность долженствования выдает социальную установку советского периода: *надо было поднимать промышленность, развивать промышленность*. Эта установка настолько прочно закреплена в сознании субъекта дискурса, что с помощью неё оправдываются человеческие жертвы: *это все сделано на человеческих костях*. Однако для носителя советской идеологии такое категоричное обвинение советской власти (*вся советская власть построена на костях эков*) является свидетельством мощного сопротивления дискурсу объекта. Столкновение дискурса субъекта и дискурса социума приводит к тому, что обвинение советской власти мгновенно ведет за собой попытку оправдать эту советскую власть: **надо было раз... э... поднимать промышленность, развивать промышленность**.

В высказываниях (1) *И так неизвестна его судьба, потому что высылали без права переписки, без права выезда. Вот такие... такой закон был. Если ты уехал, то все, ты уже не должен ничего о себе сообщать, ни где ты, что с тобой и* (2) *А мы вот преодолевали эти трудности, раз уж мы попали в такую струю, видимо, надо было преодолеть. Теперь-то ты должен, должен до конца довести свое дело* модальность долженствования эксплицирует социальную установку 'несмотря на трудности, нужно трудиться'. Социальная установка детерминирует использование местоимения *мы*, свидетельствующее о формировании коллективной идентичности.

Советская идеология формировала коллективную идентичность, поэтому для информанта характерно присоединять себя к определенному социуму, эксплицировать свою принадлежность дискурсу объекта:

Вот и мы... мы в колхозы...у нас ни одной... свободного лета не было ни одного! Мы в колхозы ехали... ездили. В Балаганске мы все лето проводили один раз. Это уже после второго курса. После третьего курса мы здесь какие-то обязанности тоже выполняли. А! мы строили... мы строили трамвайную линию. Все лето мы были использованы на трамвайной линии. Это я хорошо помню.

Автор текста присоединяет себя к социуму, когда говорит о строительстве города: *Но мы очень многое делали для Иркут... для самого города, потому что все... м... связь была... ни троллейбусов не было, трамваев не было. Мы... трамваи мы строили, троллейбусы позднее потом уже появились, троллейбусные линии. Я очень хорошо помню, как мы укладывали вот эти э... шпалы.* В данном фрагменте текста, где речь идёт о строительстве трамвайных путей, информант использует только местоимение *Мы*, называющее некий коллектив, социум. Информант вписывает себя и свой опыт в рамки коллективного опыта. Коллективное *Мы* принимает значение 'я и жители Иркутска'. С помощью местоимения *Мы* эксплицируется желание принадлежать коллективу, эксплицируется радость от того, что все вместе трудятся на строительстве города, радость делать что-то для общего блага: *очень многое делали для самого города.*

В речи информанта проявляется ещё одна социальная установка: *Я считала, что он действительно жизнь прошел, про... прожил более э... с большей отдачей для родины, чем я.* В приведенном высказывании Н. П. Васильева говорит о своём муже. Имплицитно представлена мысль 'жить с большой отдачей для родины – хорошо'. Информант даёт оценку собственной жизни в рамках сформулированной дискурсом объекта коллективной идентичности. То есть говорящий находится во власти советского дискурса и свои собственные мнения и оценки выстраивает в рамках этого дискурса.

Необходимо отметить также ещё одно из проявлений столкновения представлений, выработанных в рамках дискурса со-

циума и дискурса субъекта: когда речь идет о негативных действиях советской власти, говорящий не называет деятеля.

(а) *Иначе он, если б он был не грамотным, то его наверняка бы и не раскулачили и не выслали бы.*

(б) *И вот в Черемхово в то время, в тридцатые годы, туда шли эшелоны с людьми, которых оттуда **отправляли**.*

(в) *И у отца все **забрали**. Эээ... дом **забрали**, значит, ... весь скот **был забран**, все, все, все. **Дали** пуд муки в дорогу, **дали** значит плуг ему, **поместили**, причем вот эти розвальни.*

(г) *Если сюда народ **везли** поездами, целыми вагонами, то нас **отправляли** фактически на собственных л... на собственных санях и на собственной лошади **отправляли**.*

(д) *Что можно было взять даже ту же пшеницу или какие-то... ну так... когда так **обирали**, что люди... ничего у них не оставалось абсолютно.*

(е) *И так неизвестна его судьба, потому что **высылали** без права переписки, без права выезда.*

Личные воспоминания о том, что *все забрали, высылали без права переписки, отправляли, обирали*, являются негативными, это повод для обвинения власти. Однако коллективная память, сформированная дискурсом объекта, репрезентирует другие установки, а именно положительные оценки действия власти. Возникает конфликт коллективной и индивидуальной памяти, отраженный в речи через неопределённость при назывании деятеля.

Таким образом, можно констатировать, что дискурс социума, сформировавший коллективную память, подчиняет себе дискурс субъекта. Коллективная память имеет большую власть над индивидуальной памятью, что отражается в особом принципе отбора языковых средств при экспликации фактов прошлого.

1.4.2. Влияние дискурса современного социума на репрезентацию представлений о советском

Ностальгию по советскому как «комплекс устойчивых долговременных психических переживаний экзистенциального характера, связанных с тем или иным аспектом реально или виртуально освоенного советского прошлого» [Михалёва, Клешнин, 2011, с. 247], как следует из предварительного анализа, могут испытывать не только люди, имеющие опыт жизни в СССР, но и

молодые люди, не имеющие личного опыта освоения советского. В связи с этим возникла необходимость выявления специфики представлений о жизни в СССР, транслируемых молодыми людьми, родившимися либо в последние годы существования Советского Союза, либо уже после его распада.

Анализ текстов в данной части исследования будет направлен на выявление особенностей концептуализации некоторых коллективных установок, характерных для дискурса советского общества. Подобные установки, являясь доминирующими в рамках некоторых социальных групп, обуславливают существование некой коллективной идентичности. Оставив в стороне вопрос об источниках, из которых интервьюируемые почерпнули информацию о Советском Союзе, обратим внимание на концептуализацию некоторых феноменов, связанных с советским, в текстах интервью. Особый интерес при этом для нас представляет то, как различные установки интервьюируемого, обусловленные дискурсом субъекта, а также дискурсом современного социума, влияют на то, как репрезентируются его представления о советском.

Говоря об определённых явлениях советской жизни, интервьюируемые могут выражать их оценку эксплицитно:

(1) *А когда была моя мамуля молодая, ну т. е. в моем возрасте, когда ей было 20 лет, был еще Советский Союз. И мама у меня до сих пор, чтобы ввели единую форму в школе, потому что она считает, что дети должны быть серой массой, ну т. е. пока ты не вступил во взрослую жизнь, ты должен быть как все. Я, например, вот этого вообще не понимаю, не понимаю вот этих коричневых фартучков, это здорово сейчас на последний звонок одеться так же, ну т. е. уподобиться той моде, но так, я считаю, что ты должен быть индивидуальным* (Ткаченко).

В представленном фрагменте (1) субъект дискурса современного социума, транслируя чужую положительную оценку существования единой школьной формы в СССР, сам оценивает данную ситуацию отрицательно: **Я, например, вот этого вообще не понимаю, не понимаю вот этих коричневых фартучков... я считаю, что ты должен быть индивидуальным.** При этом отрицательная оценка интервьюируемого оказывается отражена и при трансляции чужой положительной оценки: *потому что она считает, что дети должны быть серой массой.* С по-

мощью словосочетания *серая масса*, являющегося наименованием большой группы людей (в данном случае – школьников), выражена отрицательная оценка сходства людей в чём-либо, что является экспликацией отношения к данному явлению самого интервьюируемого. При этом, по всей видимости, подобная оценка вызвана влиянием дискурса современного общества, где одной из важнейших ценностей считается человеческая уникальность, индивидуальность.

Приписываемые советскому прошлому характеристики могут оказываться значимыми лично для говорящего:

(2) – *А хуже? Что хуже стало?*

– *Я не очень люблю такую вещь... Как бы объяснить... Сплетничество – оно было всегда... А сейчас оно усилилось с интернетом. Все эти «Контакты», «Одноклассники». Сплетни – это очень некрасиво. Сплетни, порочащие фотографии и всё такое прочее выглядит некрасиво. А раньше были дискотеки, и это было хоть как-то прилично. Судя по рассказам бабушек опять же.*

– *Извини, я тебя немножко поправлю. У бабушек были танцы, дискотеки как раз и появились в восьмидесятых, девяностых.*

– *Нет-нет. Бабушка Лида в её молодости, а ей сейчас 75 исполнилось, рассказывала... Ну да, дискотеки появились, тогда в восьмидесятые, в девяностые. А тогда это называлось вечерами.*

– *Ну да, вечера, танцы.*

– *Ну вот танцы это было еще как-то прилично, даже самостоятельность какая-то. Даже нравы какие-то более приличные. А вот что сейчас творится в клубах... Когда... Это кошмар, короче. Если что – я была в клубах, так что я рассуждаю по опыту. Пару раз.*

– *Не понравилось тебе, да?*

– *Не то слово! Толпа полуголых людей, которые дрыгаются по середине танцпола под какую-то тыц-тыц-тыц. Жутко накурено. Кошмар! (Е. Скворцова).*

В фрагменте (2) субъект дискурса современного социума выражает свою оценку как напрямую, осознанно (*Я не очень люблю такую вещь... Сплетни – это очень некрасиво. Сплетни, порочащие фотографии и всё такое прочее выглядит некрасиво*

во), так и неосознанно, используя указательные и неопределённые местоимения и имена существительные в форме множественного числа для выражения значения отчуждающего обобщения (*все эти «Контакты», «Одноклассники»; сплетни, порочащие фотографии и всё такое прочее выглядит некрасиво, толпа полуголых людей, которые дрыгаются по середине танцпола под какую-то тыц-тыц-тыц*). Интересно, что для интервьюируемого оказывается более значимой отрицательная оценка настоящего: именно с неё он начинает ответ на вопрос, ею же и заканчивает разговор на данную тему (*толпа полуголых людей, которые дрыгаются по середине танцпола под какую-то тыц-тыц-тыц. Жутко накурено. Кошмар*). При этом положительная оценка прошлого репрезентируется говорящим не так категорично и отчётливо, как отрицательная оценка настоящего: *А раньше были дискотеки, и это было хоть как-то прилично. Судя по рассказам бабушек опять же... Ну вот танцы, это было еще как-то прилично, даже самодеятельность какая-то. Даже нравы какие-то более приличные*. Интервьюируемый в данном высказывании использует неопределённые местоимения, в том числе и неопределённое местоимение *как-то*, выступающее здесь в функции наречия (*это было еще как-то прилично*). Кроме того, говорящий использует частицы *хоть* ('даже, по крайней мере' [СОШ]), *даже* ('употр. для выделения той части сообщения, к-рая его подтверждает, приводя дополнительные аргументы или еще более вескую информацию' [СОШ]), наречие *ещё* ('уже, в прошлом' [СОШ]), что позволяет ему репрезентировать сомнение, неуверенность в той оценке, которую он даёт определённому периоду. Для оценки описываемого явления прошлого он использует лексему *прилично* (от *приличный* – 'соответствующий приличиям, пристойный' – [СОШ]), т. е. интервьюируемый репрезентирует собственное представление о норме поведения. Упоминается обобщённый источник информации, транслируемой говорящим (*Судя по рассказам бабушек опять же*), который позволяет интервьюируемому в некоторой степени дистанцироваться от данной оценки.

Таким образом, при экспликации некоторого коллективного представления о жизни в СССР для говорящего оказывается важным репрезентировать его, сравнив с собственным реальным опытом, в оценке которого он уверен. Положительная оценка некоторого представления о советском прошлом при этом выра-

жается не столь отчётливо и категорично, что, по всей видимости, может быть объяснено отсутствием у интервьюируемого личного опыта, связанного с описываемым явлением (*вечера* – мн. ч.), что в данном случае репрезентируется как некоторая неуверенность в собственной оценке. Интересно, что для обозначения мероприятий того времени говорящий использует лексику *дискотеки* (2. ‘Специально оборудованный танцевальный зал, в котором проигрываются диски (во 2 знач.), прослушиваются грамзаписи’. 3. ‘Танцы в таком зале’ [СОШ]) и только после замечания интервьюера исправляется и говорит *вечера* (информация репрезентируется не с тех позиций, с которых она была, по всей видимости, рассказана непосредственным источником информации (*судя по рассказам бабушек*), а с позиций самого говорящего (употребление существительного *дискотеки* как общей номинации для любого вечернего мероприятия, где танцуют, характерно именно для людей младшего поколения).

Особый интерес вызывают случаи репрезентации в интервью определённых представлений, связанных с темой Великой Отечественной войны, так как некоторые из них, существующие в коллективной памяти, сегодня активно используются дискурсом власти при попытках формирования коллективной идентичности. Рассмотрим два примера из интервью, посвящённых данной теме:

(3) *Вот, ну конечно, я вообще поражаюсь, как они терпели эту войну. Бабушка моя, ну, в тылу, да, вот, работала. Это тоже такой труд, такие усилия надо было приложить к этому! Это все было без всяких машин, это все вручную, все это вспахивалось, копалось...* (Шелковникова).

(4) *Нет, я не буду называть имена и фамилии, история им уже все припомнит, а из современного, более-менее, то, что важный период был во Вторую Мировую, когда все сплотились единым порывом... а... отбить фашистские нападки, т. е. ... э... чтобы... м... победить, были брошены все силы, в принципе... м... заводы строили, люди пахали, мягко говоря, по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов* (Глинский).

В данном случае, с одной стороны, репрезентируются некоторые коллективные представления о Великой Отечественной войне, характерные для дискурса советского социума: сплочённость людей (*когда все сплотились единым порывом* (4)), тяжё-

лый труд (*это тоже такой труд, такие усилия надо было приложить к этому* (3), *люди пахали, мягко говоря, по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов* (4)). С другой стороны, на некоторые коллективные представления в данных примерах накладываются индивидуальные: в фрагменте (3) интервьюируемый использует словосочетание *вытерпеть войну*, в котором глагол *вытерпеть* имеет значение ‘терпеливо перенести (боль, страдание, неудобства)’ [СОШ], представляя тем самым людей, переживших войну, не активными деятелями, а пассивными объектами, что противоречит существовавшим в дискурсе советского социума представлениям о борьбе с врагом.

При этом важным при оценке того периода для интервьюируемого становится применение исключительно ручного труда в сельском хозяйстве (*это все было без всяких машин, это все вручную, все это вспахивалось, копалось* (3)), т. е. период Великой Отечественной войны оценивается говорящим с позиций современности, когда ручной труд используется гораздо реже.

В фрагменте (4) интересно использование интервьюируемым наряду с выражениями, характерными для советского официального языка (*все сплотились единым порывом* – генерализация, *были брошены все силы* – использование пассивного залога, генерализация), словосочетания *фашистские нападки*. Существительное *нападки* имеет значение ‘придирки, обвинения’ [СОШ], т. е. в данном случае интервьюируемый не только нарушает фактическую точность, но и репрезентирует некоторое сниженное представление о военных действиях во время Великой Отечественной войны, что нехарактерно для дискурса советского социума.

При этом, описывая тяжёлый труд во время войны, говорящий в фрагменте (4) использует глагол *пахали* (‘перен. Действовать, работать много и на совесть (прост.)’ [СОШ]), что, с одной стороны, снижает транслируемое представление, а с другой стороны, эксплицирует личное, субъективное отношение интервьюируемого к происходившему, которое, кроме того, репрезентируется с помощью ряда однородных членов, построенного как градация, и использования вводного слова (*люди пахали, мягко говоря, по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов*).

Интересно, что говорящие не только апеллируют к определённым представлениям, характерным для дискурса советского социума, но и используют синтаксические конструкции и штампы, характерные для советского официального языка:

(5) *Воот... Когда все люди стремились... к построению своей семьи, да, как единого целого. Не разбредались... не разбрелись в разные стороны, как сейчас. Каждый там... жена думает: «Я хочу то», – муж думает: «Я хочу это», и в результате ячейка семьи, ячейка общества погибает* (Курбатова).

В фрагменте (5) эксплицируется идея существования крепкой семьи, при этом актуализирована характерная для советского официального языка метафора строительства, представленная в данном случае с помощью номинализации (*Когда все люди стремились... к построению своей семьи*), лексема *все* позволяет репрезентировать идею всеобщности, а также представляет семью как нечто единое, сплочённое (*к построению своей семьи, да, как единого целого*). Кроме того, в тексте используется клише *ячейка общества*, характерное для советского официального языка. Наряду с этим интервьюируемый употребляет глагол *разбредались* (несов. от «разбрестись» – ‘бредя, разойтись в разные стороны’ [СОШ]) в метафорическом значении, позволяющий ему эксплицировать личную, субъективную оценку явления. При этом глагол *разбредаться* в данном значении является разговорным, что нарушает стилистическое единство текста: с одной стороны, говорящий использует средства советского официального языка (а это всегда речь подготовленная, официальная), с другой стороны, употребляет лексему, характерную для речи разговорной, неподготовленной, неофициальной. Развод, расставание людей в данном случае осмысляется через метафору смерти (*ячейка общества погибает*), что также, по всей видимости, позволяет говорить о выражении интервьюируемым индивидуальных представлений, связанных с данным явлением (осмысление развода как некоторого необратимого и трагического события).

Наряду с этим говорящий выражает отрицательную оценку существующего в дискурсе современного социума представления о семье: каждый руководствуется в первую очередь своими желаниями (*Не разбредались...не разбрелись в разные стороны, как сейчас. Каждый там... жена думает: «Я хочу то», муж думает: «Я хочу это»*).

Таким образом, в данном случае противопоставляются представления, характерные для дискурса советского общества, и представления, характерные для дискурса общества современного.

Следовательно, на основе данного анализа мы можем предположить, что при трансляции молодыми людьми определённых

представлений о советском на концептуализацию феноменов так или иначе влияет дискурс современного общества. Установки, существующие в дискурсе современного социума, могут противопоставляться установкам, характерным для дискурса советского общества, и оцениваться говорящим положительно (пример (1)) или отрицательно (пример (5)). При этом субъект репрезентирует собственный, сформировавшийся под влиянием дискурса современного социума, образ действительности.

Всё вышеизложенное позволяет заключить: прошлое, о котором говорят информанты, с неизбежностью оказывается сконструированным, являя собой сложную иерархию представлений, специфика концептуализации которых определяется влиянием дискурса.

Обыденное сознание современного человека так или иначе вобрало в себя свойства сознания архаического, мифологического по своей сути. Мифологизм современного обыденного сознания проявляется прежде всего в структурировании представлений о действительности: реальность осмысливается в рамках оппозиций, мир конструируется в соответствии с логикой мифа (прошлое концептуализируется как время существования идеалов, эталонный период).

Подобные представления находят своё воплощение в «устной истории» (рассказах о жизни, автобиографиях, полученных в том числе и с помощью различных методик интервьюирования), представляющей собой отражение двух типов человеческого сознания – коллективного и индивидуального. Именно в «устной истории» находят отражение доминирующие социально-идеологические мифы и вспоминаемого прошлого, и настоящего, с точки зрения которого ведётся воспоминание.

Глава 2

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНАХ СОВЕТСКОГО КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОШЛОГО

Вторая глава данного исследования посвящена анализу специфики концептуализации представлений об определенных феноменах советского прошлого (некоторых характеристиках/явлениях, устойчиво связываемых с Советским Союзом) в текстах интервью. Исследователи в данном случае не ограничиваются задачей выявить и описать основные черты, приписываемые этому периоду субъектами дискурса: важны прежде всего способы репрезентации определённых представлений, анализ которых позволяет обнаружить специфику лингвокогнитивной организации дискурса. Принятая в рамках исследования типология (выделение двух типов субъекта – субъекта советского дискурса и субъекта дискурса современного социума) обуславливает и структуру данного раздела: глава выстроена как сопоставление специфических особенностей концептуализации того или иного феномена представителями каждого из типов субъекта.

Базовым для дискурсивного осмысления советского становится представление о существовавшем и разрушенном идеальном государстве. СССР, позиционируемый в рамках анализируемых дискурсивных практик как великая страна, которую потеряли, как цель общественного развития, рассматривается далее как предмет персональной рефлексии.

Образ эталонного государства становится для субъектов дискурса способом репрезентировать идею «золотого века» в наиболее обобщенном виде: государственный строй как некая внешняя заданность осмысливается в качестве определяющего условия существования идеального мира. Следовательно, распад СССР концептуализируется как потеря идеального мира, переход космоса в хаос. В этом случае предмет концептуализации оказывается максимально обобщённым, абстрактным, что и обуславливает разнообразие характеристик, приписываемых Совет-

скому Союзу как политическому образованию. Значим не только факт существования в прошлом государства, но и его распад. Дискурсивная логика в данном случае не предполагает рационального анализа причин распада: субъекты дискурса сосредоточены на поиске виновника прекращения «золотого века», который, в полном соответствии с мифологической логикой, всегда осмысляется как враг, принадлежащий области «чужого».

2.1. НА РУИНАХ ИМПЕРИИ: ВЕЛИКАЯ СТРАНА КАК ПРЕДМЕТ ПЕРСОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Набор существенных, релевантных характеристик советского для субъектов двух разных типов дискурса может различаться: некоторые представления, репрезентируемые в текстах интервью субъектов советского дискурса, не находят своего отражения в интервью субъектов дискурса современного социума (или оговариваются в них значительно реже). К подобным феноменам, например, относится идея о дружественных отношениях между жителями различных республик, входящих в Советский Союз. Основным становится представление о положительно оцениваемых говорящими отношениях, существовавших между людьми различных национальностей. Обратимся к способам экспликации в современном дискурсе идеи единства, дружбы.

(1) Ну, хотелось бы, конечно, чтобы мы опять были вместе. Пусть не все, но чтобы мы были. Украина, Белоруссия, Россия, ну Казахстан – хотя бы эти республики чтобы были вместе, чтобы жили мы дружно, так, как жили раньше, чтобы была у нас идея, чтобы пришло правительство такое, которое бы, ну, которое думало бы, думало бы о стране больше. Так (Суворова).

(2) Это просто как-то были, был единый СССР. Это было всё единое, все были, Грузия. Всё просто было единое. А сейчас просто даже вот не верится, что стали врагами между собой эти все страны. Э... просто это надо было. Сначала обдуманно это всё. Продумать всю эту программу, как и что, и чем это все превращать, эту СССР в Россию. Это было необдуманный шаг нашей, наш СССР, нашей России (Трегубова).

(3) – Ну потому что народ как-то раньше дружнее жил, а потом как-то стали друг друга ненавидеть, особенно вот СССР, что это, русских. Вот я отдыхала, в Таллинне была, в Киеве, как-то русских не очень вот так. Где я ещё была? Не знаю. В таких городах...

– Ну то есть при СССР народ был дружнее, да, ответственнее?

– Ну как-то ответственнее, все как-то...

– ...сплочены были, да?

– Да-да, а потом как-то вот начали друг друга, делиться, что-то это.

– Нехорошо?

– Нехорошо, с Украиной как-то стало вот так вот, вот что... (Агеева)

(4) Пятнадцать республик, республики эти, это вот, пятнадцать республик, это большая часть, это большая часть, э-э... м-м... ме... маа-а... материка. Представьте, жили разные национа... люди с разной национальностью... жили дружно... ии... общались, ездили друг к другу, имели друзей, даже вот вспомнить можно. А-а... э-э... когда в Москве шла выставка на ВДНХ, приезжали все, привозили свою продукцию. И как было красиво! Было хорошо, дружные были (Трошина).

(5) Это кого, что он там смог перестраивать, непонятно, что весь Союз развалился, раньше как вот всё было отлично, всё было прекрасно, все дружили страны и... а потом, что стало? И это всё ведь длится до сегодняшнего, как по-моему, вот размышления, по... я думаю, это же всё... <...> это всё плоды этой перестройки, а до этого же жили дружно, почему вот так вот получилось? (Нефёдова)

(6) Но всё равно за эти годы настолько сдружились. Конечно, не все сдружились, не всё, но то, что общее единение мы всё равно чувствовали (Вишнева).

(7) Вот с моей точки зрения, неправильный. Я считаю, что такое разъединение не принесло счастья никому абсолютно, ни одному народу, ни нам. Я как-то ехала как раз тоже в поезде, и девочка ехала и плакала, что теперь разъединили Украину и нас, и что у неё отец умирает на Ук-

раине, а она к нему попасть не может. Ну, слушайте... **разве мы разделяли вот так?**... раньше ведь **такая дружба была! Единый народ был!** А теперь каждый своё (Жмур).

(8) Как... как к себе домой едешь и всё, все же разговаривали по... на русском языке, а сейчас страшно куда-то поехать, в те же СНГ. Не знаю. Я думаю, чтобы... осталось бы по-прежнему, чтобы **народы были дружны** между собой. **Как-то лучше было** (Сергеева).

(9) СССР... к чему это сделали? К чему? **Все против, потому что у многих остались люди на Украине и в Белоруссии, в Грузии, потому что на войне все были в одном... в одной советской армии, а потом мы все стали чуть не врагами.** Чтобы приехать в Украину, нужно обязательно визу брать, надо паспорт заграничный брать. Всё это. Все равно все-таки славяне есть славяне и Белоруссия и ла... Россия и Украина, все мы друг друга очень хорошо, тепло относились. Вот что нужно отдать должное, что Советский Союз все-таки еще **больше сплотил людей, как-то вот мы ... были все друг другу... уважали друг друга, знали, и никогда не было разницы, что ведь сосед украин... эээ... украинец или белорус, или рос... все мы были вместе. Раньше же коммунальные квартиры были, и все дружно жили** (Выборова).

(10) Ну, что я хочу сказать, оглядываясь назад, вспоминая свою молодость, вспоминая свое студенчество, вспоминая наше **единое могучее государство** под названием СССР, чтобы я хоч..., чтобы я хотела вернуть... (Кочкова).

В приведённых выше фрагментах отношения между жителями республик СССР концептуализируются говорящими как дружба ((1) жили мы **дружно**; (4) Было хорошо, **дружные** были; (7) Ну слушайте... **разве мы разделяли вот так?**... раньше ведь **такая дружба была!**). Использование существительного, являющегося номинацией положительно оцениваемого социумом явления (**дружба** – ‘отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.’ [МАС]), прилагательного в функции сказуемого (**дружный** – 1. ‘связанный дружбой, взаимным согласием’ [МАС]) и наречия, характеризующего процесс существования

((5) *а до этого же жили дружно* – ‘нареч. к *дружный*’ [МАС]), свидетельствует о том, что говорящие позиционируют данный тип взаимоотношений как свойственный всем людям, жившим в Советском Союзе (ситуация осмысливается как статичная, существующая вне времени и конкретных субъектов). Говорящие концептуализируют данную ситуацию не только как отношения между конкретными людьми разных национальностей ((4) *жили разные национа... люди с разной национальностью... жили дружно... или...общались, ездили друг к другу, имели друзей*), но и как отношения между группами граждан, объединённых по национальному признаку ((2) *а сейчас просто даже вот не верится, что стали врагами между собой эти все страны*; (5) *все дружили страны*; (8) *народы были дружны* – большая степень обобщения).

Еще одним языковым средством, используемым для номинации субъектов в приведённых выше фрагментах, является «мы-инклюзивное»: (1) *ну хотелось бы, конечно, чтобы мы опять были вместе... чтобы жили мы дружно, так, как жили раньше*; (6) *общее единение мы всё равно чувствовали*; (7) *ну, слушайте... разве мы разделяли вот так?*; (9) *все мы были вместе*). Следовательно, говорящие объединяют себя с некоторой неопределённой группой лиц, формируя в рамках дискурса конструкт «общность людей, живших в Советском Союзе».

Не менее значимым для субъектов речи является представление о единстве всех народов Советского Союза ((2) *Это просто как-то были был единый СССР. Это было всё единое, все были, Грузия. Всё просто было единое*; (6) *не всё, но то, что общее единение мы всё равно чувствовали*; (7) *Единый народ был!*; (10) *вспоминя наше единое могучее государство под названием СССР*). При этом, если представление о дружбе подразумевает наличие нескольких субъектов, то идея единства концептуализирует совокупность субъектов как одно целое, как некоторый единый субъект (см. использование форм единственного числа в приведённых выше фрагментах текстов интервью).

Представления о положительно оцениваемых отношениях, взаимной приязни, тесной связи с жителями других республик, входивших в состав СССР, эксплицируется в текстах интервью с помощью метафоры семьи:

(1) *С сожалением, конечно. Что-то надо было оставить от эт...от мы жили одной дружной семьёй, и все республики, а сейчас мы пре... разорвали по живому, на*

Украине сколько живёт людей наших русских, и сколько украинцев живёт здесь (Буримова).

(2) *Народ-то, со... вот сейчас бы сказали сброд со всей страны, а тогда вот весь этот народ с разных республик, с разных областей, почему-то жили как-то дружно, одной семьёй, и все друг другу доверяли* (Ушакова).

(3) *Просто нужно было, мы-то жили как одна дружная семья советская, несмотря на то, что там и Прибалтика, всё. Ну, развал подействовал на всех, на ту же Прибалтику. То, что там сейчас творится... блага никому не принёс* (Александренко).

(4) *Как не встретишь это тревожно, когда мы жили всё-таки: и грузине, и армяне, и русские, украинцы – были все одной семьёй, так же? Ехали мы на море отдыхать в Грузию там, или в Абхазию, или куда... на Украину. Везде можно было, а по нашему-то, по Советскому-то Союзу, возможности-то были. А теперь что? Мы все стали чужими. И отношения-то стали по-собачьему чужие. Вот, ага, это такие-то, это такие-то, эти такие-то, все вроде бы как не наши. А ведь все мы свои, жили, в одном котле кипели, жизнь эту строи... А теперь получилось что? Плохо, конечно, отношусь ко всему этому. Мне кажется, все люди одинаковые, все должны жить дружно* (Ушакова).

Метафорический оборот в данных примерах используется в функции предиката (в сочетании с незнаменательным глаголом *быть* или с глаголом *жить*, имеющим здесь значение ‘вести тот или иной образ жизни’ [МАС]), т. е. используется говорящими для характеристики ситуации (степени близости существовавших до распада СССР отношений между жителями разных республик), в которую субъекты дискурса мыслят себя включёнными (см. использование «мы-инклюзивного»: (1) *мы жили одной дружной семьёй*; (2) *мы-то жили как одна дружная семья советская*; (3) *а ведь все мы свои, жили, в одном котле кипели, жизнь эту строи...* – *мы* здесь имеет значение ‘люди, жившие в СССР’). При этом субъекты речи включают группу лиц, обозначаемую лексемой *мы*, в свою личную сферу.

Представление о высокой степени близости отношений поддерживается идеей доверительного общения со всеми окружаю-

щими людьми ((2) *все друг другу доверяли* (использование местоимения со значением всеобщности) и противопоставлением отношений, существовавших в прошлом, и современных отношений ((4) *мы все стали чужими. И отношения-то стали по-собачьему чужие. Вот, ага, это такие-то, это такие-то, эти такие-то, все вроде бы как не наши. А ведь все мы свои, жили, в одном котле кипели, жизнь эту строи...* Интересно, что противопоставление «своих» и «чужих» (см. использование оценочного наречия *по-собачьему*, притяжательных местоимений *наши, свои*) здесь реализуется как оппозиция «тогда ⇔ сейчас»: в прошлом все были *свои*, а сейчас все *чужие*. Идея единства в данных фрагментах реализуется с помощью лексемы *один* (5. в знач. прил. ‘Целостный, неделимый, единый’ [МАС]): (1) *одной дружной семьёй*; (2) *почему-то жили как-то дружно, одной семьёй*; (3) *мы-то жили как одна дружная семья советская; почему-то жили как-то дружно, одной семьёй* (4) *были все одной семьёй...* А ведь все мы свои, жили, в *одном котле* кипели, *жизнь эту строи...*). Метафора живого организма (*разорвали по живому*) в первом примере также эксплицирует идею единства народов, их объединения.

Субъекты дискурса, однако, включают в личную сферу не только некоторую группу лиц, но и собственно само пространство жизни. См. примеры:

(1) *Ходили в шиппоход. Рядом у нас такой был сосновый бор. Он казахстанский. Вот в этот раз поехала и диву дивлюсь – что произошло на нашей земле! Он теперь за колючей проволокой, то есть от нас отделилась казахская земля, а всё это рядышком было... Вот* (Жмур).

(2) *Везде можно было, а по нашему-то, по Советскому-то Союзу, возможности-то были. А теперь что? Мы все стали чужими. И отношения-то стали по-собачьему чужие. Вот, ага, это такие-то, это такие-то, эти такие-то, все вроде бы как не наши* (Ушакова).

(3) *Ну что, конечно жалко. Жалко, что мы всю жизнь... у меня вот даже еще открытки сохранились – шестнадцать республик, и все мы знали. Ну, само собой, по-разному люди вошли сюда, само собой, что много лжи было, много неправды. Но всё равно за эти годы настолько сдружились* (Вишнева).

В фрагментах (1) и (2) интервьюируемые используют притяжательное местоименное прилагательное *наш* (репрезентируется представлением о включенности данного пространства в личную сферу говорящего, высокой степени значимости данного пространства для субъекта, имеющего к нему непосредственное отношение) в сочетании с лексемами *земля* (для обозначения территории Казахстана, см. *казахская земля*) и Советский Союз (*нашему-то, по Советскому-то Союзу*). В фрагменте (3) интервьюируемый использует местоименное наречие *сюда* (*Ну, само собой, по-разному люди вошли сюда, само собой, что много лжи было, много неправды* – ‘в это место, в эту сторону’ [МАС]), что свидетельствует о том, что субъект осмысляет Советский Союз с помощью пространственной метафоры (некоторое определённое место в пространстве), при этом мыслит себя находящимся именно в этом месте, относящимся к нему, принадлежащим ему. Значимым оказывается и размер пространства:

(1) *Как-то лучше было. Площадь казалась как будто больше, а сейчас вот твой... твоя Россия, твоя Украина, твоя, твой Узбекистан, все...* (Сергеева).

(2) *Пятнадцать республик, республики эти, это вот, пятнадцать республик, это большАя часть, это большАя часть, эээ... мм... ме... мааа... материка. Представьте, жили разные национа... люди с разной национальностью... жили дружно... ии... общались, ездили друг к другу, имели друзей...* (Трошина).

В приведённых выше фрагментах с существованием Советского Союза как совокупности республик связывается представление о большей, чем сейчас, площади государства, при этом данный факт оценивается субъектом речи положительно ((1) *Как-то лучше было. Площадь казалась как будто больше*). Ещё более значимым оказывается открытость пространства, отсутствие границ:

(1) *Я отношуся отрицательно к развалу СССР. Я говорю то, что люди были единые, всё было едино. А сейчас против друга всякую гадость всякую льют, как говорится. Просто, вот знаете, не хочется лишний раз включать телевизор. Что вот такое отношение стало между со всеми странами. Вот в св... я говорю в те года в се... в семидеся-*

тех годах куда мы хотели, туда мы поехали. Куда поехали, туда мы пошли. Нам как-то был везде путь открытый. А сейчас нашим детям, нашим внукам. Это нужно, я сказала, как нужно взять заграничные паспорта. Нужно свои эти условия. Свои эти, свои нужно еще состояние иметь денежное, чтоб туда попасть. А мы в то время прекрасно, СССР когда был, всё было дешево. Всё было, как говорится, доступно и всё было хорошо (Трегубова).

(2) Конечно. Ну, ээээ... когда границы открыты, все люди доброжелательно – это же интересно. Ездишь, узнаешь, общаешься с людьми, с народами разными, сейчас как-то все озлоблены, никто практически не общается...эээ, связи все порушены, потому что в советское время родственники жили на Украине, в Белоруссии, сейчас все это как бы закрыто (Сычёва).

(3) Я, знаете, вот я не знаю, правильно – неправильно, но раньше мы вот ездили по всем нашим республикам свободно, люди хорошо относились друг к другу, спокойно жили, вот всё в республиках, мы были во многих республиках (Кузнецова).

(4) Вот с моей точки зрения, неправильный. Я считаю, что такое разъединение не принесло счастья никому абсолютно, ни одному народу, ни нам. Я как-то ехала как раз тоже в поезде, и девочка ехала и плакала, что теперь разъединили Украину и нас, и что у неё отец умирает на Украине, а она к нему попасть не может. Ну, слушайте... разве мы разделяли вот так? <...> раньше ведь такая дружба была! Единный народ был! А теперь каждый своё (Жмур).

С представлениями об открытом пространстве говорящие связывают прежде всего возможность свободного территориального перемещения в прошлом ((2) *Ну, эээ... когда границы открыты, все люди доброжелательно...это же интересно. Ездишь, узнаешь, общаешься с людьми, с народами разными;* (3) *но раньше мы вот ездили по всем нашим республикам свободно, люди хорошо относились друг к другу*), противопоставленную современной закрытости, позиционируемой как невозможность попасть на территорию другой страны (когда-то входившей в состав СССР республики) без специальных документов и боль-

ших денежных затрат: (1) *А сейчас нашим детям, нашим внукам. Это нужно, я сказала, как нужно взять заграничные паспорта. Нужно свои эти условия. Свои эти, свои... нужно еще состояние иметь денежное, чтоб туда попасть*; (4) *я как-то ехала как раз тоже в поезде, и девочка ехала и плакала, что теперь разъединили Украину и нас, и что у неё отец умирает на Украине, а она к нему попасть не может.*

Таким образом, вновь следует констатировать влияние дискурса: субъект, подчиняясь требованиям дискурсивного конструирования, создаёт оппозицию «тогда ↔ сейчас». Открытое и единое в прошлом пространство распадается на дискретные и относительно закрытые пространства, что осмысливается как нечто негативное: (1) *Я отношуся отрицательно к развалу СССР*; (4) *Вот с моей точки зрения, неправильный. Я считаю, что такое разъединение не принесло счастья никому абсолютно, ни одному народу, ни нам.*

Представление о закрытом пространстве связывается не только с появлением новых административных границ, но и с ухудшением отношений с жителями других республик: (2) *ездишь, узнаешь, общаешься с людьми, с народами разными, сейчас как-то все озлоблены, никто практически не общается...эээ... связи все порушены.* Идея разъединения репрезентируется с помощью глагола *порушить* ('то же, что разрушить'; перен. 'нарушить единство чего-л., тесную связь между членами чего-л.' [МАС]), позволяющего метафорически представить описываемую ситуацию как уничтожение чего-то материального (следовательно, говорящий концептуализирует связи между жителями различных республик как нечто максимально конкретное).

Ещё одним основанием для возникновения негативного осмысления описываемого факта становится изменение стоимости путешествий: (1) *а сейчас нашим детям, нашим внукам. Это нужно, я сказала, как нужно взять заграничные паспорта. Нужно свои эти условия. Свои эти... свои нужно еще состояние иметь денежное, чтоб туда попасть. А мы в то время прекрасно, СССР когда был, всё было дешево. Всё было, как говорится, доступно и всё было хорошо* (Трегубова).

С представлением о единстве всех республик, входивших в состав СССР (и людей, в них проживавших), связано и представление о важности общего (или общего по происхождению) языка, общей религии:

(1) *Как... как к себе домой едешь и всё, все же разговаривали по... на русском языке, а сейчас страшно куда-то поехать, в те же СНГ. Не знаю. Я думаю, чтобы... осталось бы по-прежнему, чтобы народы были дружны между собой. Как-то лучше было (Сергеева).*

(2) *Я не политик. Но, мне кажется, мы были дружны. Не было таких распрей. Вот, вот. Как-то добрее, что ли, были. Украина, Белоруссия. Я наполовину сама белоруска, да. А сейчас это другие страны. **А мы были все вместе. У нас даже язык созвучен.** Ну, как-то, не знаю, может быть, я не совсем допонимаю что-то, да, но мне кажется, было лучше, когда мы были все вместе (Орлова).*

(3) *Но Украина, Белоруссия, это исконно мы же русские, у нас веры одни, у нас [покашливает] и церковь одна. Но вот пытаются там кое-кто переделать, как на Украине там. Западная Украина, они там провозгласили своей верой другую совсем, какую-то юлианскую или как ли она называется [покашливает] (Буримова).*

В фрагментах (1) и (2) для субъектов речи оказывается значимой общность (или близость) языка. При этом в первом фрагменте с идеей общего языка оказывается связано представление о «своём» пространстве, пространстве дома: *как... как к себе домой едешь и всё, все же разговаривали по... на русском языке.* Значимой оказывается и безопасность (имплицитруется мысль ‘там, где говорят на твоём языке, безопасно’): *всё, все же разговаривали по, на русском языке, а сейчас страшно куда-то поехать, в те же СНГ.* В фрагменте (2) в качестве доказательства объединённости в прошлом России, Украины и Белоруссии эксплицитруется представление о сходстве русского и белорусского языков: *а мы были все вместе. У нас даже язык созвучен.* Сходство языков является для субъекта дискурса одной из причин, обуславливающих объединение нескольких государств в одно (как важное, значимое позиционируется историческое родство народов). Наряду с генетическим родством (происхождением из одной народности) значимой оказывается и общность религии: (3): *Но Украина, Белоруссия, это исконно мы же русские, у нас веры одни, у нас [покашливает] и церковь одна.* Субъект речи в данном случае объединяет восточнославянские народы под номинацией *русские* (наиболее значимой для него как для

человека данной национальности), ключевым аргументом становится распространение православия на территориях данных государств (субъект дискурса при этом говорит об объединении государств в Советский Союз, мировоззренческой основой коммунистической идеологии которого являлся атеизм, и не ощущает противоречивости собственной аргументации).

Подобные представления о существовавшем когда-то и утраченном сейчас единстве республик и их жителей, являющихся представителями разных национальностей, с неизбежностью вызывают в рамках дискурса современного социума необходимость объяснения ситуации утраты. Иными словами, субъектам дискурса необходимо обозначить некоторого виновника, лицо, каузировавшее распад идеального государства, разрушение существовавшего единства. Виновник распада СССР, концептуализируемый как враг, может быть только обозначен, но не назван:

*(1) Нет, конечно, это... это, ну, это зря, чтобы **развалить вообще, всю Россию уничтожить, развалить, это к этому и идет, полностью разваливают все. И зачем было? Я был и ...эээ...ездили и в Молдавию, и на Украине был, и в Средней Азии был, и все они когда-то в те времена, никто тебе ничего там, не было такого, чтобы вот, мол, это самое, везде доброжелатели жили, работали, и у нас тут всякие эти национальности работали, и я с ними работал и там, и там, и везде все жили, народ дру... народ дружно жил, не было этого самого сейчас вот, ну а вот сейчас что? Развалили, настроили все друг против друга, вот и все** (Шевелёв).*

Использование глаголов *уничтожить* (1. ‘прекратить существование кого-, чего-л.; истребить’ [МАС]), *развалить* (2. *перен.* ‘привести в полное расстройство, в упадок’ [МАС]), *настроить* (4. ‘внушить кому-л. какие-л. чувства по отношению к кому-, чему-л.’ [МАС]) позволяет субъекту выразить представление о прекращении существования СССР как события, каузированном определённым лицом или группой лиц. Однако говорящий стремится обозначить, а не назвать врага (см. использование безличных и неопределённо-личных конструкций: *Нет, конечно, это... это, ну, это зря, чтобы развалить вообще, всю Россию уничтожить, развалить, это к этому и идет, полностью разваливают все... Развалили, настроили все друг против друга, вот и все*). Следовательно, утверждается лишь факт существования

врага и факт результативности его действий: см. использование глагольных форм совершенного вида (*уничтожить, развалить, настроили*), сам он остаётся максимально неопределённым. Большую степень определенности представлений о виновниках распада СССР можно увидеть в следующих фрагментах:

(2) *Ну, развал подействовал на всех, на ту же Прибалтику. То, что там сейчас творится... благо никому не принёс. Ну почему, кому-то, может, принесло это. К власти рвались люди. Местные верхи рвались к власти. И они вот это всё ускорили* (Александренко).

(3) *Хотя отделение от Советского Союза, это, я считаю, не воля народа, это воля политиков. Ну, отделились, так что теперь сделаешь. Теперь так приходится выживать. Трудно было многим, потому как на бытовом уровне начинались различные гонения, люди бросали нажитое, переезжали русские в Россию там, допустим* (Бурова).

(4) *Вот, немножко стали собирать страну, ну, как-то Россию, а там и остальные страны чего-то стали, какие-то СНГ вот потом образовали, после слома-то СССР. Вот то, что сломали СССР, это, конечно, плохо, я к этому отношусь отрицательно, нельзя было сразу. Люди всё время жили, как-то мы вот в единении, войну выиграли такую с народом там со всем. Что там грузин, армян, а потом началось, это что такое? Украинцы, грузины, все эти там это. Ну, это правители там между собой воевали, народ-то, он практически, народ всегда толерантный был друг к другу, а русский дак совсем* (Белобородова).

(5) *Нет, не оправдан. А посмотрите, а где же он оправдан, когда сейчас без конца опять делают это... эммм... объединение... эмм... Народ-то за объединение, это только главы наши что-то не могут поделить* (Выборова).

Во всех приведённых выше фрагментах виновниками прекращения существования Советского Союза, по мнению интервьюируемых, являются представители государственной власти. Однако если в фрагментах (2) и (3) в качестве врагов осмысляется некоторая неопределённая группа лиц, наделённых широкими властными полномочиями ((2) *Местные верхи рвались к власти. И они вот это всё ускорили*; (3) *хотя отделение от Совет-*

ского Союза, это, я считаю, не воля народа, это **воля политиков**), то в фрагментах (4) и (5) группа лиц, каузировавших распад СССР, сужена: (4) *Ну, это **правители** там между собой воевали, народ-то, он практически, народ всегда толерантный был друг к другу, а русский дак совсем;* (5) *народ-то за объединение, это только **главы наши** что-то не могут поделить.* В данном случае эксплицируется представление ‘виновниками разъединения являются главы государств (республик)’, при этом в качестве врага осмысляется более определённая группа лиц. В фрагменте (4) субъект дискурса для репрезентации идеи прекращения существования Советского Союза использует метафору физического разрушения (*образовали, **после слома-то СССР.** Вот то, что **сломали СССР***): СССР осмыляется как нечто материальное, конкретное, при этом распад государства концептуализируется как каузированный воздействием силы извне. Максимальная степень определённости при экспликации образа врага, виновного в распаде СССР, представлена в следующем фрагменте:

*Ну, так как мне неприятен, ну, как политик, как человек, **Горбачёв, его перестройка** – это она для меня негативное явление, так же, как и он. Это кого, что он там смог перестраивать, непонятно, что весь Союз развалился, раньше как вот всё было отлично, всё было прекрасно, все дружили страны и ... а потом что стало? И это всё ведь длится до сегодняшнего, как по-моему, вот размышления, по... я думаю, это же всё... [пауза] а что было перестраивать? (Сычёва)*

Использование имени собственного (*Горбачёв*) в приведённом выше примере позволяет утверждать, что всю ответственность за негативно оцениваемые события субъект возлагает на конкретного человека: *Ну, так как мне неприятен, ну, как политик, как человек, **Горбачёв, его перестройка** – это она для меня негативное явление, так же, как и он. Это кого, что он там смог перестраивать, непонятно, что весь Союз развалился, раньше как вот всё было отлично, всё было прекрасно, все дружили страны и ... а потом, что стало?* Эксплицируется следующий ряд причинно-следственных связей: до перестройки всё было хорошо, перестройка каузирована Горбачёвым, перестройка стала причиной распада СССР, следовательно, Горбачёв виновен в распаде СССР.

Важным для интервьюируемых оказывается дистанцирование от власти: (3) *хотя отделение от Советского Союза, это, я считаю, не воля народа, это воля политиков*; (4) *ну, это правители там между собой воевали, народ-то он практически, народ всегда толерантный был друг к другу, а русский дак совсем*; (5) *народ-то за объединение, это только главы наши что-то не могут поделить*. Таким образом, создаётся оппозиция «власть ↔ народ», интервьюируемые при этом относят себя к народу (см. использование притяжательного местоименного прилагательного в словосочетании *наши главы* (т. е. главы государств, в которых проживает группа лиц, к которой относит себя говорящий) и негативно оценивают действия власти (каузация разъединения республик СССР), противопоставляя их желаниям остальных людей, народа: (3) *не воля народа, это воля политиков*; (5) *народ-то за объединение, это только главы наши*). Следовательно, люди, наделённые властью, осмысляются как «чужие».

В качестве виновника распада СССР может быть названа не только группа лиц, управлявших Советским Союзом, но и субъекты, представляющие интересы других государств:

Потому что, посмотри, Советский Союз распался, все республики стали как бы чужими, самостоятельными. А хороши ли, плохо ли эта самостоятельность? Конечно, плохо! У меня до сих пор впечатление такое, что это поработали иностранные силы. Я, например, думаю, что наш Советский Союз разрушила Америка. У них такие цели были разрушить. Они это сделали. И организовали, и подстрекали, всевозможными путями вели холодную войну. Они это сделали. А что хорошего в этом? Как не встретишь это тревожно, когда мы жили всё-таки, и грузины, и армяне, и русские, украинцы – были все одной семьёй, так же? (Ушакова).

В данном высказывании интервьюируемый сначала обозначает субъекта, каузировавшего распад СССР, максимально неопределённо, актуализируя только его непринадлежность к Советскому Союзу (важным оказывается отнесенность врага к сфере «чужого» пространства). Затем образ врага становится более конкретным (*Я, например, думаю, что наш Советский Союз разрушила Америка*): интервьюируемый использует притяжательное местоименное прилагательное *наш* для обозначения

субъективной значимости данного феномена (включённость в личную сферу). В доказательство правильности своего представления говорящий сначала утверждает факт существования подобного намерения у лиц, относящихся к США (*у них такие цели были разрушить*), а затем называет ряд каузировавших распад СССР действий, совершённых, по его мнению, представителями США: *И организовали, и подстрекали, всевозможными путями вели холодную войну. Они это сделали.* При этом субъект речи использует манеру говорить на «они»: с помощью местоимения 3 л. мн. ч. обозначена некоторая группа лиц, спровоцировавшая, по мнению интервьюируемого, распад СССР, при этом определённой оказывается только их национальная принадлежность: *Я, например, думаю, что наши Советский Союз разрушила Америка. У них такие цели были разрушить. Они это сделали. И организовали, и подстрекали, всевозможными путями вели холодную войну. Они это сделали.*

Набор характеристик советского, артикулируемых представителями двух разных типов дискурса, может различаться: некоторые представления, репрезентируемые в текстах интервью субъектов советского дискурса, не находят своего отражения в интервью субъектов дискурса современного социума. Основным становится представление о положительно оцениваемых говорящими отношениях, существовавших в СССР между людьми различных национальностей. Интервьюируемые осмысливают данный тип взаимоотношений как свойственный всем людям, жившим в Советском Союзе. Рассматриваемый феномен концептуализируется не только как взаимодействие между людьми разных национальностей, но и как связь между группами граждан, объединённых по национальному признаку. Представление о высокой степени близости поддерживается в рамках дискурса идеей существования доверительного общения со всеми окружающими людьми, при этом уровень отношений, существовавших в прошлом, противопоставлен качеству отношений современных.

Но если представление о дружбе подразумевает наличие нескольких участников ситуации, то сформированная в рамках советского дискурса идея единства позволяет концептуализировать совокупность субъектов как одно целое. Объединяя себя с некоторой неопределённой группой лиц, субъекты речи конструируют в рамках дискурса фантом «все люди, жившие в Советском Союзе», позволяющий констатировать использование стратегии

генерализации, являющейся типичной для ностальгического дискурса.

С имеющимся в ностальгическом дискурсе представлением о единстве всех республик, входивших в состав СССР (и людей, в них проживавших), связано и представление о важности общего (или общего по происхождению) языка, общей религии.

Для субъектов дискурса оказывается значимой не только некоторая группа лиц, но и само пространство жизни. Существование Советского Союза как совокупности республик связывается с представлением о большей, чем сейчас, площади государства, при этом данный факт оценивается субъектами дискурса положительно. С представлениями об открытом пространстве связывается прежде всего возможность свободного территориального перемещения в прошлом.

Субъект, подчиняясь требованиям дискурсивного конструирования, создаёт оппозицию «тогда↔сейчас»: открытое и единое в прошлом пространство распадается на дискретные и относительно закрытые пространства, что осмысливается как нечто негативное. Подобные представления о существовавшем когда-то и утраченном единстве республик и их жителей, являющихся представителями разных национальностей, с неизбежностью вызывают необходимость объяснения ситуации утраты в рамках существующего сейчас дискурса. Иными словами, субъектам дискурса необходимо выявить и назвать некоторого виновника, лицо, каузивовавшее распад идеального государства, разрушение существовавшего единства. Как следует из анализа текстов интервью, таковыми в рамках дискурса мыслятся представители государственной власти. При этом распад государства может концептуализироваться как каузивированный воздействием силы извне.

Отдельного рассмотрения заслуживает репрезентация субъектами современного дискурса идеи значимости СССР, осмысление Советского Союза как великого государства. В отличие от субъектов советского дискурса, субъекты дискурса современного социума не связывают данную идею с представлением о единстве республик (единстве пространства), единстве народов, живших в СССР (мысль о существовании 15 республик вообще никак не эксплицируется субъектами дискурса современного социума). Зато для них оказываются более значимыми другие представления, связываемые с Советским Союзом:

– А что думаешь, например... ааа... о переименовании вот улиц, которые в сов... еще остались с советских времен названия, в названия, которые были до революции? Например, вот то есть... ааа... там Карла Маркса переименовать, например, назад в Большую?

– Я понял вопрос, я отношусь к этому крайне негативно. Да, у нас был Советский Союз, ребята, в Германии был фашизм, они гордятся этим. Они перестроили Рейхстаг. Они, конечно, понимают, что это плохо, но это была их история, история их славы, когда они пок... были в состоянии покорять народы. **Советский Союз – машина, кот... огромная машина, которая была создана, это была создано государство-утопия, к этому боятся подступиться другие, наша страна это попыталась построить, да... ммм... я думаю мы поговорим позже о причинах развала или о каких-то идеологических особенностях, тем не менее наша страна строила коммунизм, и он здесь был. По наш... стоп... по стопам нашей страны пошли другие, и мы пытаемся не гордиться, мы опускаем свою историю. Это ведь наша история, это история нашей гордости, как можно её попрекать** (Рязанцев).

Интересно, что в данном случае интервьюер спрашивает субъекта речи о его отношении к предложениям переименовать улицы Иркутска (вопрос о конкретной инициативе в определённом городе), однако говорящий в ответе эксплицирует свои представления о советском прошлом вообще, актуализируя стратегию генерализации. При этом он сопоставляет отношение к нацистскому прошлому в Германии и к советскому в современной России. В подобном сопоставлении имплицитно представлена информация ‘два этих режима можно приравнивать и сопоставлять’. В фрагменте выражена противоречивая оценка нацизма, причём оценка эта приписывается всем немцам вообще (используется местоимение *они* без наименования группы лиц, на которую оно указывает, в сочетании с локативом *в Германии*): **в Германии был фашизм, они гордятся этим. Они перестроили рейхстаг. Они, конечно, понимают, что это плохо, но это была их история, история их славы, когда они пок... были в состоянии покорять народы.** Говорящий приписывает некоторой группе лиц сначала положительную характеристику ситуации существования определённого режима (*в Германии был фашизм,*

они *гордятся* этим – лексема *гордиться* обозначает отношение к чему-то положительно оцениваемому субъектом), а затем отрицательную (*Они, конечно, понимают, что это плохо*), однако с помощью противительного союза *но* противопоставляет ей собственную положительную оценку: *но это была их история, история их славы, когда они пок... были в состоянии покорять народы*. Сила государства является, таким образом, понятием, положительно оцениваемым субъектом дискурса. Способность подчинять себе другие народы как идея военной и политической силы государства оказывается для него важной положительной характеристикой: с ней он связывает представление о *славе* (1. ‘Почетная известность, как свидетельство всеобщего признания чьих-л. заслуг, таланта, доблести и т. п.’ [МАС]). Использование противительного союза *но* позволяет говорящему поставить во вторую часть противопоставления более значимую для него информацию (важно и то, что в первой части высказывания транслируется чужая оценка). Следовательно, именно идея военной и политической силы государства оказывается для интервьюируемого наиболее значимой.

Для экспликации представления о СССР интервьюируемый использует метафору механизма (*Советский Союз – машина, кот... огромная машина, кот... огромная машина, которая была создана, это была создано государство-утопия, к этому боятся подступиться другие, наша страна это попыталась построить, да*), при этом форма страдательного залога (*огромная машина, которая была создана*) позволяет не называть конкретных деятелей, создавших *огромную машину*. Для говорящего оказывается принципиально важной оценка феномена советского государства «со стороны», другими странами, ориентация на Советский Союз: *к этому боятся подступиться другие...по наш.. стоп... по стопам нашей страны пошли другие* – имплицитно представлена идея исключительности, уникальности СССР и, как следствие, собственной исключительности (см. выражение причастности к феномену советского государства через использование притяжательного местоимения *нашей*), обусловленной причастностью к Советскому Союзу. Интересно, что в выражении *пытаемся не гордиться* глагол *пытаться* употреблён в значении ‘стараться делать что-н.’ [СОШ]. В данном глаголе содержится компонент ‘прилагать усилия’, что позволяет субъекту дискурса имплицитно представить информацию ‘для

того, чтобы жителям бывшего СССР не гордиться своей историей, необходимо приложить некоторые усилия', т. е. данная ситуация, по мнению субъекта речи, нетипична, противоестественна. Таким образом, в данном тексте создаётся образ сильного, великого и уникального государства, к которому сам субъект дискурса мыслит себя причастным и история которого должна вызывать только гордость.

Представление о значимости «особого» исторического пути государства, событий истории находит выражение и в других примерах:

(1) – *Сколько ни думала... ну, я думаю, всегда прихожу к выводу о том, что люди забыли, какой ценой им удалось то, что они получили. Какой ценой было дано это государство. Пока были живы наши прапра...прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой, они ц... отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достойное образование, медицину, безопасность. Когда если и были какие-то по-настоящему воры или маньяки... один этот случай гремел... на весь Советский Союз, пока его не отлавливали.*

– *А как произошло это забвение? Когда?*

– *Не происходило больше никаких встрясок. Когда в стране все мирно и мирно, люди расслабляются. Люди начинают думать только... ааа ... простых проблемах, ну в том смысле, что закрываются на себе, на мелочах, которые их окружают. Они перестают смотреть на то, что происходит вокруг. Перестают осознавать цену тому, что у них было (Крупович).*

(2) – *Нет-нет, к сожалению, не помню. Ну, отвратительно вообще-то, что пытаются как-то препарировать события, историю, причем, я считаю, военная... вот эта вот вся эпопея военной истории – это самое просто, вот такой апогей вообще идеи нашей страны. То есть вообще, по сути, вот пламя Вечного огня – это и есть сейчас национальная идея России. То есть самый важный такой отрезок, исторический отрезок [кашляет].*

– *А почему тебе нравятся фильмы о войне? Вообще, почему именно... Как ты относишься к войне?*

– Как? Как экзистенциалисты относились, так вот и я примерно отношусь. То есть, ну, в мирной жизни все чувства как-то притупляются и размываются такие понятия, как честь, долг, ответственность. На войне всё это обостряется, всё более остро, конкретно, то есть такая дихотомия есть, фронтовые товарищи... (Учитель)

(3) – Что сейчас происходит – нет, да? Я считаю, очень большие успехи делает... ммм... наша сегодняшняя... ммм... как это... администрация...

– Правительство?

– Правительство. Во, правильно, наше сегодняшнее правительство большие шаги, мы, конечно ...ит... мы приобрели новый тип экономики, ну, конечно, мы делаем успехи. Встали на новые рельсы, да, скажем так. Что мы потеряли? Потеряли, на самом деле, очень важную вещь: я по своим убеждениям... аа... отношусь к тому, что человечество должно стремиться к построению государства-утопии. Почему? Если человек стремится к тому, что он не может достичь – он всегда в пути, он всегда стремится самосовершенствоваться. Вспомним пример истории: если человек стремится к чему... к то... к тому, что он может достичь, да, он стремится очень много кушать очень вкусно и не напрягаться насчет еды. Древний Рим – да, он ст... человек стремился... ууу... кушать не напрягаясь, всегда иметь плотские утехы, да, всегда жить в какой-то защищенной стране. Древний Рим пал (Рязанцев).

В приведённых выше фрагментах субъекты речи связывают представление о значимости и ценности Советского Союза с определёнными событиями истории данного государства ((1) *люди забыли, какой ценой им удалось то, что они получили. Какой ценой было дано это государство. Пока были живы наши прапра... прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали... этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой, они... отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достойное образование, медицину, безопасность;* (2) я считаю, военная... вот эта вот вся эпопея военной истории – это самое просто, вот такой апогей вообще идеи нашей страны. То есть вообще, по сути, вот пламя Вечного огня – это и

есть сейчас национальная идея России. То есть самый важный такой отрезок, исторический отрезок), либо с идеологическими установками, существовавшими в нём ((3) **Потеряли, на самом деле, очень важную вещь: я по своим убеждениям... ааа... отношусь к тому, что человечество должно стремиться к построению государства-утопии. Почему? Если человек стремится к тому, что он не может достичь – он всегда в пути, он всегда стремится самосовершенствоваться – в высказывании имплицитно представлена информация ‘в Советском Союзе люди стремились к построению утопии’).**

В фрагменте (1) в предложениях *ну я думаю, всегда прихожу к выводу о том, что люди забыли, какой ценой им удалось то, ... что они получили. Какой ценой было дано это государство* имплицитно представлена информация ‘людям пришлось заплатить большую цену за то, что им было кем-то дано государство’. Интересно, что в этом случае субъект концептуализирует государство как феномен, преподнесенный кем-то извне (*было дано это государство*): ключевой становится идея существования неопределённого внешнего субъекта действия, давшего государство, при этом процесс получения концептуализируется как кратковременный и одномоментный.

Имплицитно присутствующая в следующих двух предложениях (*Пока были живы наши прапра... прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой, они ц... отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достойное образование, медицину, безопасность*) мысль ‘цена за победу рабочего класса, возможность иметь зарплату, достойное образование, медицину, безопасность – революция’ позволяет утверждать, что субъект современного дискурса концептуализирует революцию и все связанные с ней катаклизмы как основное условие существования государства.

Субъект речи связывает распад СССР с отсутствием у людей памяти о революции как о событии, потребовавшем больших человеческих жертв и преодоления различных трудностей. Интервьюируемый эксплицирует представление о прекращении определённого процесса с помощью глагола *забыть* (1. перех. или о ком-чем. ‘перестать помнить, утратить воспоминания о ком-, чем-л’ [МАС]) и фазового глагола *перестать* (‘прекратить

какое-л. действие, занятие, выйти из какого-л. состояния и т. п.’ [МАС]): *люди забыли, какой ценой им удалось то, что они получили. Какой ценой было дано это государство... Они перестают смотреть на то, что происходит вокруг. Перестают осознавать цену тому, что у них было.* Говорящий считает причиной подобного положения дел долгий период мирной жизни: *Не происходило больше никаких встрясок. Когда в стране все мирно и мирно, люди расслабляются* – интервьюируемый использует лексему *встряска* (2. ‘сильное душевное переживание, потрясение’ [ТСУ]¹⁵) для обозначения ситуации, поддерживающей, по его мнению, память о ценности существовавшего мироустройства. При этом тот факт, что люди прекращают помнить о жертвах, которые были необходимы для подобного государственного устройства, говорящий связывает с состоянием людей, с ощущением ими комфорта существования: *Когда в стране все мирно и мирно, люди расслабляются.* Удвоение лексемы *мирно* позволяет субъекту речи выразить мысль о длительном периоде подобного состояния социума. Наряду с представлением о прекращении некоторого действия, интервьюируемый эксплицирует представление о начале другого действия, также каузированного тем, что люди *забыли, какой ценой им удалось то, что они получили: Люди начинают думать только... ааа ...простых проблемах, ну в том смысле, что закрываются на себе, на мелочах, которые их окружают.* Следовательно, в данном случае мирная и комфортная жизнь каузирует процесс забывания событий, важный, по мнению говорящего, для идентификации и осмысления ценности определённого государственного устройства, что влечёт за собой разрушение государства.

В фрагменте (2) участник дискурса репрезентирует представление о войне (речь идёт, по всей видимости, о Великой Отечественной войне, см. упоминание *Вечного огня*) не только как о самом важном периоде для истории страны, но и как о национальной идее России; *вот вся эпопея военной истории это самое просто вот такой апогей вообще идеи нашей страны. То есть вообще, по сути, вот пламя Вечного огня – это и есть сейчас национальная идея России. То есть самый важный такой отрезок, исторический отрезок.* Следовательно, субъект

¹⁵ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель: АСТ, 2000. 4 т. (далее – ТСУ).

дискурса современного социума оценивает Великую Отечественную войну положительно, связывая её не с человеческими жертвами и ужасом, а с утверждением величия страны, именно Великая Отечественная война позиционируется говорящим в качестве *национальной идеи*, т. е. представляет собой основу для формирования национальной идентичности. Носитель современного дискурса оценивает положительно не только Великую Отечественную войну, но и войну вообще: *то есть, ну, в мирной жизни все чувства как-то притупляются и размываются такие понятия, как честь, долг, ответственность. На войне всё это обостряется, всё более остро, конкретно, то есть такая дихотомия есть, фронтовые товарищи...* В приведённом выше фрагменте эксплицируется оппозиция «мирное время ↔ военное время», основанием для противопоставления оказывается степень напряжённости эмоций и однозначность понимания некоторых бытийных феноменов, для обозначения которых субъект современного дискурса использует лексемы, называющие реалии, положительно оцениваемые социумом: *честь, долг, ответственность*. Имплицируется информация ‘только на войне можно понастоящему понять, что такое честь, долг, ответственность’.

В фрагменте (3) интервьюируемый репрезентирует собственное представление о необходимости стремления человечества к построению государства-утопии: *я по своим убеждениям... аа... отношусь к тому, что человечество должно стремиться к построению государства-утопии*. Подобное стремление к претворению утопии в жизнь он видит в советском прошлом: *Что мы потеряли? Потеряли, на самом деле, очень важную вещь: я по своим убеждениям...ааа ...отношусь к тому, что человечество должно стремиться к построению государства-утопии* – глагол *потерять* содержит пресуппозицию ‘иметь в прошлом’, следовательно, по мнению говорящего, в Советском Союзе подобное стремление существовало. При этом субъект аргументирует своё мнение тем, что стремление к достижимым целям заставляет людей сосредоточиваться исключительно на потреблении еды: *Вспомним пример истории: если человек стремится к чему... к то... к тому, что он может достичь, да, он стремится очень много кушать очень вкусно и не напрягаться насчет еды*. Стремление же к недостижимому, наоборот, по мнению говорящего, заставляет человека самосовершенствоваться: *Если человек стремится к тому, что он не может достичь – он все-*

гда в пути, он всегда стремится самосовершенствоваться. В качестве доказательства правильности высказанного мнения говорящий эксплицирует свои представления об истории Древнего Рима: *Древний Рим, да, он ст... человек стремился... ууу... кушать, не напрягаясь, всегда иметь плотские утехы, да, всегда жить в какой-то защищенной стране. Древний Рим пал.* Предложение содержит речевую импликацию 'государство, в котором жители стремятся к удовлетворению своих физиологических потребностей и комфортной жизни в безопасной стране, обречено на разрушение'.

Интересно, что в данных примерах идея значимости истории СССР связывается с такой репрезентацией событий или явлений, которые требуют мобилизации, напряжения сил, жертв: интервьюируемые эксплицируют представление о положительном влиянии на сознание человека событий, разрушающих привычный уклад жизни, опасных для него и, наоборот, негативное воздействие на людей обыденной мирной жизни. Таким образом, субъекты дискурса современного социума в приведённых выше высказываниях стремятся противопоставить комфортную мирную жизнь жизни людей в период революций, войн и социальных потрясений. Первая при этом оценивается отрицательно и связывается с растлевающим, разлагающим влиянием на сознание живущих людей, а время социальных потрясений, реформ оценивается положительно как время мобилизации всех сил и напряжения всех чувств, время правильного осмысления людьми всех истинных ценностей.

Представление о значимости Советского Союза находит своё отражение и в стремлении субъектов дискурса современного социума концептуализировать распад СССР как катастрофу, как утрату чего-то необходимого. С прошлым связывается нечто не просто оцениваемое положительно, а правильное, эталонное (идея космоса). Настоящее же, напротив, осмысляется как хаос:

(1) – *А как кажется тебе, какой период эээ истории был самым важным в истории твоей семьи?*

– *Много таких периодов было. Очень много. Когда завод Куйбышева разрушили. Ну, в смысле, расформировали...*

– *А, нет, на фоне каких исторических событий это... происходили эти важные события твоей семьи?*

– *Первая революция... ну, собственно, когда прабабушка убежала, там незадолго до этого... до революции... ммм...*

Великая Отечественная война... после неё деда сюда... сюда отправили пожить; распад Советского Союза, после чего расформировали завод Куйбышева. Хорошо, что дед до этого момента и не дожил. Его начальник, потом рассказывали, последний, ну, последний отдел как раз расформировали.., и не выдержал и... это... он застрелился... Для них это было дело всей жизни (Крупович).

(2) – *Но а... ассоциации вот именно... образы какие-нибудь, может, воспоминания?*

– [смех] *Воспоминания? Я еще ж тогда не родилась! К сожалению. Образы...*

– [перебивает] *Ты не родилась, но ты чувствуешь себя человеком из этого времени.*

– *Знаешь, рабочий и колхозница [пауза]. И рабочих поддерживали, и колхоз.*

– *А с понятием «современная Россия»?*

– *Серая неопределенность. Безликая масса. Секс, рок-н-ролл, наркотики. Развращенность.*

– *Секс, рок-н-ролл, наркотики – это началось в Советском Союзе.*

– *Правильно, когда уже у власти стояли люди, которые заведомо были не того поколения и уже не той постройки; сознания. И самосознания. Для того чтобы ответить на твой вопрос, нужно очень глубоко уходить вглубь: нужно вспоминать, кто такой Хрущев, нужно вспоминать, кто такой... Брежнев, кто такой... м... Горбачев (Крупович).*

(3) *Ну, советский мужчина – это одетый такой в темное пальто, скукоженный такой, сгорбленный. Ну, хотя, знаешь, вот плакаты есть же советские-то. Там типа: «Нет, я не буду пить!», ещё всякие разные. Там мужчина такой круглолицый, улыбается, в кепке такой восьмиклинке, такой, не знаю... Ну, интересный. А женщина тоже такая круглолицая, улыбается, розовенькие щёчки, в шапочке такой, в пальто. Я не... Ну, я не знаю, это такие люди радужные.*

– *Хорошее представление однако у тебя. Так, а постсоветские люди?*

– *Это панки, грязные все такие, немые, говорящие на каком-то непонятном сленге. Люди такие, не*

могу описать даже. Ну вот **нелепо одетые во всякий хлам**. Вот привозили эти ткани ненатуральные, они как целлофановые, эти были модные малиновые всякие цвета, лосины какие-то непонятные, свитеры, которые человека делают в четыре раза большие, какие-то прически там семиметровые, начесы такие, каблукы страшные, платформы – не платформы (Шпехт).

В фрагменте (1) интервьюируемый среди событий, значимых для его семьи, называет расформирование завода им.Куйбышева, связанное с распадом Советского Союза (*распад Советского Союза, после чего расформировали завод Куйбышева*). При этом для обозначения процесса расформирования говорящий избирает глагол *разрушить* (перен. ‘упразднить, ликвидировать’ [МАС]), значимой оказывается идея насильственного уничтожения чего-либо. В данном случае подобное разрушение концептуализируется как катастрофа: см. реплику интервьюируемого *Хорошо, что дед до этого момента и не дожил* (имплицитно представлена информация ‘лучше преждевременная смерть, чем потрясение, связанное с расформированием Куйбышевского завода’). Параллель «расформирование завода – смерть» подкрепляется и описанием прецедента самоубийства: *Его начальник, потом рассказывали, последний, ну, последний отдел как раз расформировали... и не выдержал и... это... он застрелился*. Оппозиция «жизнь ↔ смерть», эксплицируемая в тексте, поддерживается и последней репликой субъекта речи: *Для них это было дело всей жизни*. Таким образом, в тексте возникает две параллели: работа на заводе – жизнь; расформирование завода, связанное с распадом СССР, – смерть. Следовательно, прекращение существования Советского Союза концептуализируется интервьюируемым как смерть.

В фрагменте (2) говорящий эксплицирует определённые ассоциации, связанные для него с понятиями «СССР» и «современная Россия». При этом он называет *рабочего и колхозницу*, поясняя: *И рабочих поддерживали, и колхоз*. Следовательно, субъект современного дискурса осмысляет государство как некоторого неопределённого деятеля (см. использование неопределённо-личной конструкции *и рабочих поддерживали, и колхоз*), обеспечивавшего поддержку рабочим и колхозникам, которые являются только пассивными объектами воздействия, принимающими блага (человек в роли пациента, он только получает

блага от государства). С понятием «современная Россия» субъект речи связывает следующие ассоциации: *серая неопределённость, безликая масса, секс, рок-н-ролл, наркотики, развращённость*. Таким образом, участник дискурса эксплицирует представление о постсоветской России как стране, где, с одной стороны, нет ярких индивидуальностей (*серая неопределённость, безликая масса*), а с другой – нет никаких нравственных ориентиров (*развращённость, секс, рок-н-ролл, наркотики* – искажение устойчивой формулы «секс, наркотики и рок-н-ролл»), использующейся для определения стиля жизни, связанного с игнорированием большинства моральных норм, установленных в обществе). Следовательно, говорящий концептуализирует постсоветскую Россию как царство хаоса (все нормы разрушены, нет ничего чёткого и определённого). Таким образом, возникает резко противоположная оценка двух периодов (следует отдельно отметить, что предметом оценки здесь являются разные феномены): СССР оценивается исключительно положительно (создаётся образ сильного государства, обеспечивающего социальную защищённость своим гражданам), а постсоветская Россия оценивается резко отрицательно. При этом на замечание интервьюера (*рок-н-ролл, наркотики – это началось в Советском Союзе*) говорящий тут же дополняет репрезентированную картину мира (СССР – космос, Россия – хаос): *Правильно, когда уже у власти стояли люди, которые заведомо были не того поколения и уже не той постройки; сознания.*

Таким образом, переход хаоса в космос в данном случае осмысляется уже не как процесс, произошедший за короткий период, а как долговременный процесс разрушения, обусловленный сменой власти (имплицитно представлена информация ‘всё зависит от тех, кто стоит у власти’). Основным недостатком людей, обладавших властью, оказывается принадлежность к другому поколению и, следовательно, иное сознание: *Правильно, когда уже у власти стояли люди, которые заведомо были не того поколения и уже не той постройки; сознания.* Таким образом, субъект дискурса эксплицирует представление об идеальных первопредках, носителях истинного знания и истинных ценностей (все последующие поколения хуже уже только потому, что они идут после). Следовательно, в данном случае между космосом и хаосом нет чёткой границы, одно переходит в другое ещё во время существования СССР, что объясняется тем, что люди, стоявшие у власти, уже не

были носителями истинных ценностей, так как были представителями другого поколения.

В фрагменте (3) субъект речи эксплицирует представления о людях, живших в Советском Союзе, и о людях, живущих в постсоветской России. Интересно, что в первом случае говорящий начинает перечислять детали, создающие не очень привлекательный образ, а затем внезапно эксплицирует другое, диаметрально противоположное, представление о советских людях: *Ну, советский мужчина – это одетый такой в темное пальто, скукоженный такой, сгорбленный. Ну, хотя, знаешь, вот плакаты есть же советские-то. Там типа: «Нет, я не буду пить!», ещё всякие разные. Там мужчина такой круглолицый, улыбается, в кепке такой восьмиклинке, такой, не знаю... Ну, интересный. А женщина тоже такая круглолицая, улыбается, розовенькие щёчки, в шапочке такой, в пальто. Я не... Ну, я не знаю, это такие люди радужные.* Ориентиром для субъекта дискурса современного социума оказываются люди, изображённые на советских плакатах (следовательно, значимым для формирования данного представления является не опыт общения с реальными людьми, жившими в СССР, а художественная реальность). Репрезентируя свои представления, интервьюируемый апеллирует к внешнему облику описываемых объектов: *в кепке такой восьмиклинке, а женщина тоже такая круглолицая... розовенькие щёчки, в шапочке такой.* Для говорящего значим тот факт, что люди улыбаются (с этим связывается представление о радости жизни, оптимизме). Субъект речи приписывает конструируемым им образам некоторую общую характеристику: *Ну, я не знаю, это такие люди радужные* (радужный – 2. перен. ‘приятный, радостный, сулящий счастье’ [МАС]). Таким образом, с представлением о людях, живших в СССР, говорящий связывает идею внешней привлекательности и жизнерадостности.

Эксплицируя своё представление о постсоветских людях, субъект дискурса современного социума также сосредоточивается на назывании деталей внешнего облика, но в данном случае подобное перечисление становится способом выражения отрицательной оценки: *Это панки, грязные все такие, невытые, говорящие на каком-то непонятном сленге. Люди такие, не могу описать даже. Ну, вот нелепо одетые во всякий хлам... какие-то прически там семиметровые, начесы такие, каблукы страшные, платформы – не платформы.* Использование неопределён-

ных (*говорящие на каком-то непонятном сленге, вот нелепо одетые во всякий хлам... какие-то прически там семиметровые*) и указательных (*там*) местоимений в данном случае служит для выражения отчуждающего обобщения (субъект речи относит нечто к области «чужого», выражая тем самым его отрицательную оценку). Постсоветские люди для интервьюируемого находятся на крайней точке шкалы оценки (предельно отрицательная оценка). См. реплику: *Люди такие, не могу описать даже* (имплицитно представлена информация ‘степень того, насколько они неприятны, невозможно адекватно передать словами’). Интересно и то, что, описывая людей, живших в Советском Союзе, субъект речи несколько раз использует вставную конструкцию *не знаю*, что свидетельствует о неуверенности говорящего в истинности эксплицируемого им представления.

В описании постсоветских людей маркёры неуверенности отсутствуют. Основанием для противопоставления двух периодов – «тогда» и «сейчас» – оказывается внешний облик людей, образы которых ассоциируются у говорящих с определёнными временными рамками. Следовательно, мы можем говорить о стремлении говорящих представить время как два противопоставленных друг другу периода, разделённых чёткой границей (распад СССР), при этом прошлое осмысляется как космос, а настоящее как хаос, что позволяет сделать вывод: распад СССР концептуализируется говорящими как катастрофа, из-за которой прекратил существование идеальный мир.

Эксплицируемая интервьюируемыми идея ценности и значимости Советского Союза, а также их стремление концептуализировать распад СССР как катастрофу с неизбежностью заставляют их искать объяснение случившемуся. Актуальность при этом приобретает идея врага, по вине которого идеальный государственный прекратило своё существование. Интересно, что если виновниками распада СССР субъекты советского дискурса чаще всего считают представителей власти, то для субъектов дискурса современного социума значимым оказывается внешний враг (характеристикой, релевантной для разграничения «своих» и «чужих», оказывается национальная принадлежность).

(1) – ***Я очень доволен политикой Путина. Я считаю, что это, это достойно. Да, я скажу честно, лучше я буду жить в царской России, да, в царской путинской России, чем я буду жить в псевдодемократической, продавшейся американцам***

и ставшей на четыре кости России. Лучшие пусть будет царек Путин, чем здесь будет там этот Барак Обама...

– Угу.

– ...*трясти своей ручкой* (Рязанцев).

(2) *Честно, не знаю почему... А распался он, короче... это была диверсия со стороны Америки. Искусственно уронили курс ру... курс цены за баррель нефти, и поэтому произошел дефолт. Вот и вся история, почему распался Союз. А Союз мешал конкретно США, потому что представлял угрозу как страна и, как бы, интересам. Если бы, например, был СССР, то, мне так кажется, не было бы такой накаленной обстановки в арабских странах, потому что решилось бы все иначе. Как бы Союз бы сказал свое слово за эти страны. Как сейчас в Югославии было, кошмарная обстановка* (Шпехт).

В приведённых выше примерах эксплицируется представление о США как о внешнем враге современной России (или СССР). В фрагменте (1) говорящий даёт положительную оценку политике Путина, сравнивая (см. использование сравнительного союза *чем*) два возможных, по его мнению, пути развития России и выбирая один из них как более предпочтительный: *Да, я скажу честно, лучше я буду жить в царской России, да, в царской путинской России, чем я буду жить в псевдодемократической, продавшейся американцам и ставшей на четыре кости России*. Возникает оппозиция двух образов России. В первой части противопоставления интервьюируемый характеризует Россию как *путинскую* (т. е. управляемую В. В. Путиным) и *царскую* (2. ‘относящийся к монархии во главе с царем’ [СОШ]; говорящий использует указанное прилагательное метафорически для обозначения государства, в котором глава имеет практически неограниченные полномочия), во второй – как *псевдодемократическую* (приставка *псевдо-*, имеющая значение ‘мнимый, ложный’, в данном случае позволяет субъекту речи эксплицировать отрицательную оценку ситуации, представить её как нечто неподлинное, только кажущееся демократическим), *продавшуюся американцам* (т. е. такую, в которой власть контролируется США, при этом имплицитно представлена информация ‘американцы хотят контролировать власть в нашей стране’, эксплицируется угроза независимости современной России) и *ставшую на*

четыре кости (использование устойчивого выражения для экспликации представления о возможном униженном положении России). Форма компаратива (*лучше*) позволяет обозначить предпочтительную для субъекта речи возможность: *Лучше пусть будет царек Путин, чем здесь будет там этот Барак Обама ... трясти своей ручкой*. Для характеристики В. В. Путина интервьюируемый использует лексему *царёк* (1. 'Уменьш.-уничиж. к царь' [МАС]), выражая тем самым отрицательную оценку данной ситуации, при этом он употребляет частицу *пусть* (в сочетании с глаголом-связкой *будет*), использующуюся для образования формы повелительного наклонения. Следовательно, говорящий в данном случае концептуализирует себя как субъекта, контролирующего ситуацию, способного разрешить/запретить что-либо. Говоря о Бараке Обама, интервьюируемый использует указательные местоимения (*там, этот*) для выражения отчуждающего обобщения (названный субъект относится к миру «чужого», он исключён из личной сферы говорящего). Наряду с этим он использует лексему *ручка* (*трясти своей ручкой*) для выражения пренебрежительного отношения. Таким образом, субъект речи, концептуализируя США как внешнего врага, агрессора, угрожающего независимости России, и репрезентируя единственный из возможных, по его мнению, вариант политической ситуации в современной России, представляет себя как субъекта выбора из двух противопоставленных ситуаций. Одна описывается как катастрофическая, тем самым вторая оказывается для субъекта речи предпочтительной и положительно оцениваемой.

В фрагменте (2) США концептуализируются как основной виновник и инициатор распада СССР: *А распался он, короче... это была диверсия со стороны Америки. Искусственно уронили курс ру... курс цены за баррель нефти, и поэтому произошёл дефолт*. Субъект использует лексему *диверсия* (2. 'Разрушение, выведение из строя объектов военного, государственного значения в тылу у противника или в какой-л. стране агентами иностранного государства' [МАС]), представляя распад СССР как спланированную и инициированную извне операцию. При этом субъекты, осуществлявшие *диверсию*, остаются неназванными за счёт использования неопределённо-личной конструкции: *Искусственно уронили курс ру... курс цены за баррель нефти*. Говорящий при этом мотивирует подобные действия со стороны

США тем, что Советский Союз был сильным государством, контролировавшим политическую обстановку в мире (т. е. являвшимся помехой для США) и представлявшим опасность для Америки: *А Союз мешал конкретно США, потому что представлял угрозу как страна и, как бы, интересам.* При этом субъект дискурса, предполагая возможность существования Советского Союза сейчас, эксплицирует образ СССР как мощного государства, способного урегулировать международные конфликты: *Если бы, например, был СССР, то, мне так кажется, не было бы такой накаленной обстановки в арабских странах, потому что решилось бы все иначе как бы, Союз бы сказал свое слово за эти страны.* Интересно, что в обоих проанализированных выше фрагментах интервью в качестве внешнего врага позиционируется США, что соответствует представлениям, существовавшим в советском официальном дискурсе.

Однако не только Америка может концептуализоваться в качестве внешнего врага. См. следующий пример:

– *Какие исторические события, ты считаешь, были важными?*

– *Русско-японская война. В принципе, обе войны. В первом случае Иркутск был поставлен на военное положение, то есть в девятьсот пятом, по-моему, шестой год... вооот. Это, в принципе, как бы здесь было очень много и раненых, и... создавались различные общества. Вторая русско-японская. Япония от нас не так далеко, как, как хотелось бы. Ну... была же такая песня, это, правда, про революцию уже, про первую русскую... нет... про вторую, «Мальчишку взяли под Иркутском»: «Мальчишку взяли под Иркутском, ему шестнадцать лет всего, как жемчуга на белом блюде, горели зубы у него...» Ну там, когда наших красноармейцев японцы, японцы же поддерживали царизм, а наших красноармейцев они вылавливали, в печи сжигали, в этих паровозных топках, заживо (Крупович).*

В данном примере в качестве внешнего врага осмысляется Япония. Значимым для субъекта речи оказывается географическая близость этого государства к городу, в котором он сам живет (Иркутск): *Япония от нас не так далеко, как, как хотелось бы.* При этом говорящий допускает ряд фактических неточностей (неверно называет годы начала и окончания Русско-

японской войны, упоминает *вторую русско-японскую войну* (которой в действительности не было), имея в виду, по всей видимости, Вторую Мировую). Для доказательства истинности своих представлений о внешнем враге интервьюируемый приводит цитату из песни, написанной на стихи Иосифа Уткина, «Мальчишка» («Мальчишку взяли под Иркутском»), в которой идёт речь о молодом коммунисте, попавшем в плен к японцам. Кроме того, говорящий эксплицирует представление о чрезвычайной жестокости, проявленной солдатами японской армии в отношении солдат Красной Армии: ***Ну там, когда наших красноармейцев японцы, японцы же поддерживали царизм, а наших красноармейцев они вылавливали, в печи сжигали, в этих паровозных топках, заживо.*** Таким образом, создаётся образ безжалостного и изощрённо жестокого врага. При этом субъект речи избирает для номинации лексему *японцы* (важной оказывается именно национальная принадлежность, а не, например, принадлежность к вражеской армии или определённым взглядам). Интервьюируемый нигде не указывает источник транслируемой информации, концептуализируемой как доказанный исторический факт. Важно и то, что говорящий обозначает нежелательную территориальную близость Японии в настоящем времени (см. отсутствие глагольной связки), хотя события, на которые он указывает, происходили почти век назад: ***Япония от нас не так далеко, как, как хотелось бы.*** Следовательно, образ агрессивно настроенной Японии остаётся для интервьюируемого актуальным и сегодня.

Интервьюируемые могут не только концептуализировать конкретную страну в качестве внешнего врага, но и противопоставлять Россию всем остальным странам вообще:

Елена: ***А как ты относишься к тому, что какое-то время рядом с телом Ленина в Мавзолее лежало тело Сталина?***

Ольга: ***Ну, мне не нравится Сталин.***

Елена: ***Почему?***

Ольга: ***Ну, потому что он нерусский.***

Елена: ***И что?***

Ольга: ***Ну, он управлял Россией. Нерусский человек не должен управлять Россией. Я понимаю, что он управлял Советским Союзом.***

Елена: ***Там и Грузия была.***

Ольга: *Но согласиcь, что большую часть СССР занимала Россия.*

Елена: *Ну, само собой.*

Ольга: *Ну и вот. Должен управлять русский человек!*
(Скворцова О.)

В данном фрагменте релевантным для противопоставления признаком также становится национальность человека (*мне не нравится Сталин... Ну, потому что он нерусский* – создаётся оппозиция «русский ↔ иностранец»). Объясняя своё отрицательное отношение к Сталину, интервьюируемый использует универсальное высказывание: *Нерусский человек не должен управлять Россией*. Таким образом, для говорящего единственным существенным критерием при оценке руководителя страны оказывается его национальность (имплицитно представлена информация ‘только русский человек может управлять Россией’). В цитируемом предложении говорящий использует деонтическую модальность (предполагающую опору на некоторые общественные нормы, ссылку на авторитет) для экспликации личного мнения (что предполагает актуализацию эпистемической модальности). Подобная концептуализация ситуации интервьюируемым свидетельствует о том, что данное представление осмысливается им как объективная и неоспоримая истина. Интересно и то, что при этом субъект речи фактически уравнивает Россию и СССР: *Ну, он управлял Россией... Я понимаю, что он управлял Советским Союзом... Но согласиcь, что большую часть СССР занимала Россия* (значимым оказывается не определённый государственный строй, а пространство). Следовательно, говорящий относит всех иностранцев к миру «чужих» (а с представлением о «чужом» всегда связана отрицательная оценка), при этом разница между СССР и Россией представляется ему несущественной.

Во всех приведённых выше фрагментах отражена оппозиция «свои ↔ чужие», основой для противопоставления становится национальность человека. К области «чужого» могут относиться как определённую нацию, так и всех иностранцев вообще. Таким образом, мы можем говорить об образе врага, репрезентированном в текстах интервью представителей дискурса современного социума, позволяющем найти причину всех проблем в некотором внешнем источнике.

Проведённый анализ дискурсивных представлений свидетельствует о том, что для субъектов современного социума наи-

более значимой оказывается идея военной и политической силы государства. Важно представление об уникальности СССР и, как следствие, собственной исключительности, обусловленной причастностью к Советскому Союзу. Создаётся образ великого, сильного государства, к которому сам субъект дискурса мыслит себя принадлежащим и история которого должна вызывать только гордость.

Представление о значимости и ценности Советского Союза может соотноситься с определёнными событиями истории данного государства. В этом случае революция и все связанные с ней катаклизмы концептуализируются как основное условие существования государства, а Великая Отечественная война позиционируется в качестве национальной идеи, т. е. представляет собой основу для формирования национальной идентичности.

Идея значимости истории СССР, таким образом, сопряжена с представлением о событиях или явлениях, требующих мобилизации, напряжения сил, жертв. Как следует из анализа дискурсивного пространства субъектов речи, события, разрушающие привычный уклад жизни человека, угрожающие ему каким-либо образом, влияют на его сознание положительно. Обыденная мирная жизнь, как считают субъекты, наоборот, влияет на людей негативно.

Идея значимости Советского Союза проявляется и в стремлении субъектов дискурса современного социума концептуализировать распад СССР как катастрофу, как утрату чего-то необходимого. С прошлым связывается представление о чём-либо правильном, эталонном (идея космоса). Настоящее же, напротив, осмысляется как хаос. Два периода оказываются противопоставлены: СССР оценивается исключительно положительно (создаётся образ сильного государства, обеспечивающего социальную защищённость своим гражданам), а постсоветская Россия – резко отрицательно.

Следовательно, мы можем говорить о стремлении говорящих концептуализировать время не континуально, а дискретно, как два противопоставленных друг другу периода, разделённых чёткой границей (распад СССР), при этом прошлое осмысляется как космос, а настоящее как хаос, что позволяет сделать вывод: распад СССР позиционируется субъектами дискурса как катастрофа, разрушившая идеальный мир.

Эксплицируемая интервьюируемыми идея ценности и значимости Советского Союза, а также их стремление концептуализировать распад СССР как бедствие с неизбежностью заставляют говорящих искать объяснение случившемуся. Актуальность при этом приобретает идея врага, по вине которого идеальный мир

прекратило своё существование. При этом если виновниками распада СССР субъекты советского дискурса чаще всего считают представителей власти, то для субъектов дискурса современного социума значимым оказывается представление о внешнем враге: в данном случае релевантной для разграничения «своих» и «чужих» характеристикой оказывается национальная принадлежность.

2.2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНАХ СОВЕТСКОГО

Исследование советского как дискурсивного феномена не может ограничиться анализом представлений о СССР как государстве: для субъектов дискурса значимым оказывается не столько Советский Союз как политическое образование, сколько некоторый образ жизни, определённый способ существования людей в прошлом. Советское для интервьюируемых – это прежде всего сконструированный в дискурсе образ реальности, «дискурсивная действительность», обладающая определёнными характеристиками. И здесь особый интерес представляет специфика концептуализации тех или иных представлений о советском, выявление и описание набора феноменов, устойчиво связываемых субъектами дискурса с советским прошлым.

2.2.1. Концептуализация представлений о феноменах советского субъектами советского дискурса

Коллективизм и равенство

Анализ высказываний, эксплицирующих представления участников дискурса о жизни в СССР, позволяет выявить некоторые наиболее характерные особенности концептуализации советского в сознании говорящих. Одним из важнейших становится представление о коллективизме как неотъемлемой характеристике жизни в Советском Союзе. Представление о важности включённости в определённый коллектив реализуется через идею совместного действия:

И вот мы другой раз вот на пра... это, на праздники мы, так это, ездили на демонстрации коллективно коллективом, гуляли потом вот, также вот коллективом в кино ходили. Вот пойдешь, в это, в цехе выбирался культура-

ботник, вот закунул билеты, и коллективом выходили уже как-то организованно, выходили в цирк. Ой, вернее, из цеха выходили в кино. В театр выезжали, значит, **коллективом** отдыхать, **коллективом**. Потом в колхозы ездили, на уборочные, вот. Вообще, на месяцы отправляли на весь, допустим, сентябрь да пол-октября, а другой раз просто посылали на это, на уборку картофеля, вот. Ну сейчас, наверное, уже лет десять или больше уже, сейчас такое не практикуют. А мы, а нет колхозов же сейчас, вот (Латышева).

Идею совместности совершаемого действия говорящий подчёркивает многократным повторением формы творительного падежа с агентивным значением *коллективом*, а также тавтологической конструкцией *коллективно коллективом* гуляли (проговаривает несколько раз наиболее важную для него мысль). Идея совместного действия может выражаться в тексте и с помощью лексемы *вместе* (1. ‘Сообща, в соединении с кем-, чем-л.; совместно’ [МАС]):

(1) *Делали вот такие **общие** праздники. Было **желание вместе отпраздновать*** (Шарлова).

(2) *День Победы всегда был очень, ну, насколько возможно, красочно все. Во-первых, с транспарантами всегда. Вообще, вот это было же первомайская демонстрация 7 Ноября, это Октябрьская революция, и 9 Мая. Это обязательно были шествия, демонстрации, это все коллективы. Приходили, **вместе** выходили, **вместе** или колоннами, пели, плясали с украшенными колоннами, еще соревнования или, как украсить (Шарлова).*

Говорящие подчёркивают не важность самого действия, а значимость его коллективного выполнения (см. повторяющуюся мысль о совместном праздновании в первом примере: *общие праздники; желание вместе отпраздновать*, повтор лексемы *вместе* во втором примере).

Значимой оказывается не только включённость говорящего в определённый коллектив, совместно с которым он выполняет некоторые действия, а взаимоотношения внутри коллектива, оцениваемые интервьюируемыми положительно. Чаще всего отношения людей в советском прошлом говорящие характеризуют с помощью лексем *дружба, друг, дружный, дружно* (дружба –

‘отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.’; друг – 1. ‘тот, кто связан с кем-л. дружбой’; дружный – 1. ‘связанный дружбой, взаимным согласием’ – МАС). Основной становится идея бесконфликтности, сплочённости людей, взаимопомощи:

(1) – *А люди в городе, раньше они были добрее?*

– *А раньше были **добрее**.*

– *А сейчас?*

– *А люди были **добрее**. А сейчас как-то... как сказать...*

И вроде как-то... вроде как сам в себе, вот.

– *Замкнутые*

– *А?*

– ***Более замкнутые?***

– *Да не... замкнутые, да-да... и вот. А раньше как-то все были... дру... дружнее были, дружнее, вот (Латышева).*

(2) *Ты знаешь, в чем-то позитивный, вот, жили дружной, жили хуже материально, но дружной (Шарлова).*

(3) *И вот, я и ребятам говорю: «Вы смотрите “Карнавальную ночь”?». Ее перед Новым годом каждый год передают. Но вот это действительно тот вариант жизни в советское время поствоенное, потому что дружно народ жил, особо шикавать не было возможности. Из ничего делали что (Шарлова).*

(4) *Ну тогда весело праздновали да как-то коллективно, тогда как-то дружнее народ был, все это, сплоченней, ну а сейчас как-то все по отдельности: магнитофоны там, телевизоры, никого никуда не вытащить, как-то коллективней на улице, большие общались, большие это все было (Иванов).*

(5) *У нас был завод Куйбышева же, все заводчане жили, это же от завода Куйбышева... такие все какие-то были дружные, работал завод в три смены, всегда, помню, там собирались в субботу – воскресенье, женщины пельмени стряпали там, всегда в лото играли, как-то не было у нас никаких там ни пьянок, как вот сейчас, ни гулянок. Потом, 7 Ноября было, Новый Год, всегда все вместе как-то это, телевизоры появились, тоже уже не помню когда... (Агеева).*

(6) Ну я тебе ещё раз повторяю, что очень интересная жизнь была, большие заводы были: релейный большой завод был, «Эталон», Куйбышевский, 403-й – но он и сейчас есть – в порту тоже вот этот завод был. **Народ как-то вообще жил дружно, вот эти мне нравились демонстрации, собиравались все, всё...** (Агеева).

(7) Вот три нации было: немцы, евреи и татары. **И мы жили очень дружно.** Ну, естественно, там таджики, узбеки – это коренное население. Но мы все жили очень дружно (Кузьмина).

(8) У нас народ же дружелюбный, это таки друг другу помогаем, помогаем, помогаем, не бросаем мы, в общем, не бросаем друг друга, потому что мы там все родились вместе в один день почти, и так дружно мы жили, дружная деревня была, я говорю, что ты (Кузнецова).

(9) И вот я осталась одна, в этой квартире жила. **Жили очень дружно.** По три человека разных совершенно, разной семьи. У одна... учительница была, у нее двое детей было. Вторая – библиотекарь, одна была дочка. И я, значит, жила. **Жили дружно,** никаких чтобы с... какие-то склоки там или ссоры где-то были, вот даже понятия не имели. Совершенно. Всё это... большая была кухня... Все-таки как мы ни жили, может быть, и голодно, и по карточкам часто, и всё, **но жили дружно, во-первых. И весело.** Вот (Рютина).

(10) У нас был очень дружный тоже коллектив. **Вообще, курс был семьдесят человек, три группы было. Вот.** И...ну мы такие же были ну жизнерадостные, веселые, спортом занимались, обязательно какая-то общественная работа была... Вот, не скажу, чтобы слишком на себя внимание уделяли... вот я сегодня даже обиделась... вот, «Модный приговор», что это советское время начинает всё критиковать. Да были обыкновенные, такие же нормальные, хорошие дети... И любили, и хотели быть любимыми, и хотели, чтобы всё в нашей стране было хорошо... **Как-то вот, и воскресники были, и куда мы только не ездили! На картошку на... вывозили нас. И всегда это было. И мы ещё больше... дружнее становились, и считали, что это всё нормально. Вот так** (Жмур).

(11) *При всём при том и должна сказать, что жили дружно. Ну, во-первых, в основном была барачная система. Ну, вот у нас был дом сначала на пять квартир. Вот, одноэтажный деревянный дом, пять квартир. И рядом стояли такие же дома. И мы вот так вот вся... и взрослые, и дети всегда вместе. Вот, допустим, день рождения чей-то справляли, то выносили, если это лето, выносили столы на... на... во двор. И во дворе...* (Шарлова).

(12) *Но есть замечательные вещи, которых теперь не повторишь. Это дружба людей. Вот, ты знаешь, нужно человека выручить. Даже так, летчик попал по пьянке. Лететь надо. Если он по пьянке попадет, его снимут с летной работы, еще пятьдесят процентов пенсии дадут и выгонят. Люди понимали, по ошибке же, ну че-то лишнее, да? Врач понимает это: «Ладно, я сейчас тебе бюллетень дам, иди дома спи [стучит по столу], и больше чтобы ко мне с такими с..» И бюллетень даст. **Пойди-ка сейчас, сейчас все чужие! Никто никому не поможет!** Вот в чем дело* (Алексеев).

(13) *Ну, сейчас сама видишь, что сейчас. Раньше был человек человеку друг, как и говорили, а сейчас...сами видите, за... могут за какой-то телефон человека заэтот самый, тут же вон убьют тебя, разденут, и никому ничего не надо. **Каждый за себя сейчас, каждый за себя, вот, ляжешь вот тут в подъезде, умрешь, переступят тебя, и никто тебе не поможет, ничего.** Раньше знали, живем в подъезде, там все друг друга знали, да, как звать, какая семья, какая что, что у них, какие проблемы, и помогали, и там это, а сейчас живет человек сколько вот напротив, и как там живет, и я не знаю, кто там живет, что там, как. Только никто ни с кем не общается. Никто тебе сейчас руку помощи не протянет, мало таких. Видишь?* (Шевелев)

(14) – *А что бы Вы хотели вернуть?*

– *Ну, вот именно эта коллективная жизнь какая-то, человек человеку друг, все это как-то вместе, друг другу помогали, помощь была нормальная, в беде никого не... ну старались не оставить в беде* (Находнев).

Апеллируя к проблеме взаимоотношений, интервьюируемые говорят уже не об отдельных совершаемых совместно действиях,

а о характеристиках (а) образа жизни ((3) *потому что дружно народ жил, особо шикавать не было возможности*; (9) *Все-таки как мы ни жили, может быть, и голодно, и по карточкам часто и всё, но жили дружно, во-первых*; (7) *И мы жили очень дружно*; (11) *При всём при том и должна сказать, что жили дружно*; и т. д.) или (б) людей ((5) *такие все какие-то были дружные*; (8) *у нас народ же дружелюбный... дружная деревня была*; (10) *У нас был очень дружный тоже коллектив*). Включённость в коллектив и построенные на взаимной приязни отношения с людьми в данном коллективе концептуализируются говорящими как постоянные характеристики, неотъемлемые составляющие жизни (характеристика приписывается не конкретному действию, а процессу существования вообще). Именно поэтому для говорящих оказывается важна идея общего пространства жизни: (15) *И всё стало появляться: и продукты, и это самое... и люди были не такие, понимаешь, люди были не такие, ходили друг к другу в гости по-соседски, все праздники справляли как-то и на демонстрацию ходили, весело было, придёшь на демонстрацию, там все свои, под музыку пройдёшь вот так, что это... и чувствуешь, что это праздник* (Иванова).

Говоря о коллективизме, интервьюируемые избирают следующие способы номинации субъекта:

– местоимение *все* со значением всеобщности ((5) *у нас был завод Куйбышева же, все заводчане жили, это же от завода Куйбышева... такие все какие-то были дружные, ...всегда все вместе как-то это*; (2) *А раньше как-то все были дру... дружнее были, дружнее, вот*);

– нарицательные существительные, обозначающие неопределённую группу лиц: *люди*¹⁶, *народ*, *взрослые*, *дети* ((12) *Но, есть замечательные вещи, которых теперь не повторить. Это дружба людей*; (6) *народ как-то вообще жил дружно*; (11) *И мы вот так вот вся... и взрослые, и дети всегда вместе*);

– нарицательные существительные, обозначающие определённую группу лиц, объединённых общей деятельностью, общими интересами, местом проживания и т. п. : *коллектив*, *деревня* ((10) *У нас был очень дружный тоже коллектив*; (8) *дружная деревня была*);

¹⁶ Форма единственного числа этого существительного также используется в обобщённом смысле в (13) и (14).

– мы-инклюзивное ((8) *мы вот так вот вся... и взрослые, и дети всегда вместе; (10) и куда мы только не ездили; это таки друг другу помогаем, помогаем, помогаем, не бросаем мы, в общем, не бросаем друг друга*).

Кроме того, интервьюируемые используют неопределённо-личную конструкцию: (2): *Ты знаешь, в чем-то позитивный, вот, жили дружной, жили хуже материально, но дружной*. Следовательно, интервьюируемые стремятся, с одной стороны, включить себя в группу лиц, объединённых взаимной приязнью, а с другой – обозначить данную группу максимально обобщённо (использование обобщённых и неопределённых номинаций и неопределённо-личных конструкций свидетельствует о том, что говорящие в своих представлениях объединяют максимально большую группу людей).

Важной оказывается мысль об исчезновении феномена коллективизма в современности (см. использование формы сравнительной степени прилагательного, наречий *раньше, тогда, сейчас*): (1) *а раньше как-то все были, дру... дружнее были, дружнее, вот; (2) Ты знаешь, в чем-то позитивный, вот, жили дружной, жили хуже материально, но дружной; (4) Ну тогда...как-то дружнее народ был, все это, сплоченной, ну а сейчас как-то все по отдельности... как-то коллективней на улице*. На основании существующей в сознании говорящих оппозиции «тогда ↔ сейчас» коллективизм в прошлом осмысливается как открытость людей, их стремление к общению, готовность помочь другому ((8) *у нас народ же дружеский, это таки друг другу помогаем, помогаем, помогаем, не бросаем мы, в общем, не бросаем друг друга; (12) Но, есть замечательные вещи, которых теперь не повторить. Это дружба людей. Вот, ты знаешь, нужно человека выручить*) и противопоставляется закрытости современного человека, его отъединённости от коллектива, сосредоточенности на собственных интересах ((4) *Ну тогда весело праздновали, да, как-то коллективно тогда, как-то дружнее народ был, все это, сплоченной, ну а сейчас как-то все по отдельности: магнитофоны там, телевизоры, никого никуда не вытаскивать, как-то коллективней на улице, больше общались, больше это все было* – интересно, что в данном примере исчезновение коллективности связывается с появлением новой техники, способной заполнить досуг).

Идея современного обособленного существования людей оказывается для говорящих связанной с представлениями о равнодушии и эгоизме, противопоставленным альтруизму, взаимопомощи и взаимовыручке в прошлом. В дискурсивном пространстве формируется оппозиция «вместе↔один», при этом люди, объединённые в коллектив (в прошлом), включаются в личную сферу говорящего, осознаются как «свои» ((15) *придёшь на демонстрацию там все свои*), а современные люди, не объединяющиеся в коллектив, как «чужие» ((12) *Пойди-ка сейчас, сейчас все чужие! Никто никому не поможет!*). Имплицитно представленная информация 'раньше коллективизм как взаимовыручка и взаимопомощь были залогом безопасности' в высказывании (13) *Раньше был человек человеку друг, как и говорили, а сейчас...сами видите, за... могут за какой-то телефон человека за ... этот самый, тут же вон убьют тебя, разденут, и никому ничего не надо* позволяет сформулировать вывод о том, что отсутствие у современных людей стремления к коллективизму, единению связывается субъектами дискурса с представлением об опасности.

Коллективизм как феномен советского прошлого концептуализируется не только через апелляцию говорящих к представлениям о дружбе, но и с помощью метафоры семьи:

(1) *Что меня привлекало в Советском Союзе? Мы все были друг другу как братья, это нагнеталось в течение семидесяти лет, это настолько укоренилось, что иного житья мы не могли представить. Когда Союз рухнул, действительно, это был шок для всех* (Кочкова).

(2) *Люди были доброжелательны, не было какого-то... не знаю... собирались в большие шумные компании на улице. Я как-то один раз, семьдесят четвёртый год, семьдесят пятый мы встречали, я попала на сквер Кирова в новогоднюю ночь. Ну, мне кажется, там все люди братья были. Сейчас как-то вот бывает, что какая-то агрессивность бывает среди людей очень часто, вспышки агрессивности. А тогда, я не знаю, ну вот просто все **побратимы** на этом сквере Кирова. <...> Весело справлялись праздники, то есть не скажешь, что там что-то, а сейчас тоже как бы бывает, но вот я даже удивляюсь: **среди соседей как бы некоторых людей даже и не знаешь. Вот. А раньше такого не было*** (Жукова).

В данном случае основой для метафорического переноса (*Мы все были друг другу как братья; все люди братья были*) становится представление о родственных связях как степени наибольшей сплочённости между людьми, что позволяет говорящим представить отношения между посторонними людьми как отношения, основанные на очень сильной взаимной приязни, характеризующиеся большой степенью близости. Ключевой становится идея максимального единства, сплочённости:

Вот, знаешь, я даже не могу вот так как-то вот сейчас, думаю, как это может быть, вот такое что-то вдруг объединяло нас всех здесь людей! Вот мне казалось, что мы сидим в этом зале, дышим одним дыхом, как говорится, какие-то одни мысли, что-то такое вот витает, такое родное... (Жмур).

В приведённом выше примере говорящий использует антропоцентрическую метафору (*что мы сидим в этом зале, дышим одним дыхом, как говорится, какие-то одни мысли*): идея единства дыхания и мыслей позволяет представить всех людей, сидящих в одном зале, как один организм, тело (*дышим одним дыхом*) и единое сознание (*какие-то одни мысли*). Следовательно, для интервьюируемого важна солидаризация с определённой группой, общность переживания, единство представлений (см. *какие-то одни мысли*), единение, доходящее до предельной степени.

С представлением о коллективизме как «общей жизни» связана и идея равенства, столь же часто репрезентируемая в текстах интервью. Равенство в данном случае концептуализируется как одинаковый для всех и этим объединяющий уровень материального достатка:

(1) *Видите, как одеты мы были плохо, одеты тогда были ужасно, конечно, сейчас вот молодым, но, конечно, деньги, опять же, деньги, деньги, денег нет – и тоже будешь как... а мы вроде как все одинаковые были, все одинаково плохо были одеты* (Аевструева).

(2) *Что вернуть... ну вот... более отношения к друг другу были... намного были теплее, дружнее народ жил. Потому что мы жили тогда почти все одинаково, уровень наших был доходов одинаков, не было таких олигархов и не было таких... бедноты такой. Все жили...ммм..да... были у нас после войны нищенки, но только это те сироты, и то как-то уже потом народ... об... А*

сейчас-то очень трудно как-то, и школах вот дети, дети. Одни дети учатся в элитных школах, где много денег надо заплатить за них... (Выборова).

(3) Ну, я говорю, люди пережили все, казалось бы, почему бы сейчас не жить так дружно, как тогда жили? А люди были дружные, не обижались, и никто ни над кем не смеялся, что ты, примером, бедная, а я богатая. Никто ни над кем, и детей не презирали, и детей не презирали, что ты, вот, плохо одетый, а я-то, вот, хорошо одета, такого не было. Вот так. (Куцко).

(4) Я не могу понять, какая жизнь. Одни наживаются, а другие голодуют. И нету работы. А если где-то устроился, то копейки платят по сравнению с чиновниками, я не осуждаю, но я правильно говорю, вот. Потому что это неправильно, это неправильно, должна какая-то уравниловка. При Сталине, при советской власти не было не то что миллионеров, а даже тысячников, и тысячников не было, вот. А миллионеров-то даже и в помине не было. А сейчас миллионеры, миллиардеры, да. А простой этот, Иван этот ничего не стоит, вот понимаешь (Куцко).

Все приведенные высказывания опираются на существующее в дискурсивном пространстве представление о том, что в советское время все люди находились в рамках одного социального пространства, уровень их доходов был одинаков.

В высказывании (1) уравнивающим всех фактором становится материальное неблагополучие: *а мы вроде как все одинаковые были, все одинаково плохо были одеты.* В высказывании (2) интервьюируемый указывает на существование некоторого общего уровня достатка: *потому что мы жили тогда почти все одинаково, уровень наших был доходов одинаков, не было таких олигархов и не было таких... бедноты такой.* Именно с этим говорящий связывает наличие в прошлом положительно оцениваемых им взаимоотношений: *Потом, что вернуть... ну вот... более отношения к друг другу были, намного были теплее, дружнее народ жил. Потому что мы жили тогда почти все одинаково.* Данное высказывание было бы невозможным, если бы в сознании человека не существовала установка 'если в обществе есть социальное расслоение, то люди в нём не смогут жить дружно'. В высказывании (3), наоборот, тот факт, что люди

были дружные, становится, по мнению говорящего, основой для нивелирования различий в материальном положении: *а люди были дружные, не обижались, и никто ни над кем не смеялся, что ты, примером, бедная, а я богатая.* При этом существующее сейчас социальное расслоение оценивается говорящими отрицательно: (2) *а сейчас-то очень трудно как-то, и школах вот дети, дети... Одни дети учатся в элитных школах, где много денег надо заплатить за них...;* (4) *Потому что это неправильно, это неправильно, должна какая-то уравниловка. При Сталине, при Советской власти не было не то что миллионеров, а даже тысячников, и тысячников не было, вот. А миллионеров-то даже и в помине не было. А сейчас миллионеры, миллиардеры, да. А простой этот, Иван этот ничего не стоит, вот понимаешь.* В этом высказывании интервьюируемый эксплицирует отрицательную оценку появления в современном социуме богатых людей: *При Сталине, при советской власти не было не то что миллионеров, а даже тысячников, и тысячников не было, вот* – идеальным, «эталонным» временем, где представлен образец социального устройства, оказывается период *при Сталине*, при этом основной характеристикой данного периода становится отсутствие *миллионеров* и *тысячников* (следовательно, имплицитруется мысль ‘наличие в обществе миллионеров и тысячников – это плохо’). Говорящий при этом эксплицирует представление о нивелировании в современном мире ценности человека, не обладающего высоким социальным статусом и большим количеством материальных благ: *А простой этот, Иван этот ничего не стоит, вот понимаешь.*

Интересно, что наряду с представлением о всеобщем равенстве говорящие эксплицируют идею о существовании определённого социального расслоения и в Советском Союзе, никак при этом не осознавая данного противоречия:

(1) *Я, между прочим, советскую власть люблю, я любила и люблю до сих пор, и сожалею, что она ушла, но, конечно, виноваты партийцы заевшиеся, они испортили все, если бы, как говорится, не хамали, хапали и не дрались бы за эти чины, то можно было б, можно было б с такой властью жить. Вот. А то начали делить* (Верхозина).

(2) *А в Советском Союзе это было совершенно безопасно, совершенно безопасно. В любое время дня и ночи, я гово-*

рю, мы могли по городу гулять, мы могли, ну, видимо, **это тоталитарное государство, это вся система, видимо, сказывалась. В нашей стране не могло быть проституции, хотя она и была, не могло быть наркомании, наркомания была в высших кругах, у кого были деньги, а остальным просто было недоступно, наверное** (Кочкова).

(3) **В наше время вот такая была молодёжь, нет, во все вр... во все времена люди есть люди, есть хорошие не от нас ... не от недостатка, единственное, что сейчас резкий контраст, что богатые и бедные, вот раньше, наверное, не было такого контраста, но мы не знаем, потому что мы в низах, а, ну может быть, вот так, где эти чиновники, может быть, у них там всё это было побогаче и жизнь получше** (Горбунова).

(4) **Конечно, кто-то радовался, кто-то, номенклатура, конечно, они радовались, потому что они были на местах, сидели крепко, жизнь была неплохая для них. А в общем, народ, мне кажется, по-разному воспринимал** (Сериков).

(5) **Господи, услышали бы это коммунисты, конечно. По-иному если интерпретировать все эти принципы морального кодекса строителей коммунизма, ну, в принципе, так оно и сходится. Но сами, сама верхушка этого, конечно, не придерживалась, им было это выгодно. Но мы были именно так воспитаны. По-иному я и не могу относиться к жизни, потому что это в меня укоренилось именно с детства, это вросло в меня корнями** (Кочкова).

(6) **Верхняя часть, она, наверно, и наживалась. Эй, золото партии, куда оно делось? А нижняя часть нищенствовала. Так что первое впечатление от развала СССР, поскольку мы были воспитаны вот в таком радужном, идеалистическом восприятии к миру, что наша страна самая хорошая, самая лучшая, а загнивающий Запад эээ козни свои, строит козни против нас. Вот первое впечатление, наверно, такое – это козни Запада** (Кочкова).

В приведённых выше высказываниях эксплицирована оппозиция «свои ↔ чужие», реализующаяся как противопоставление людей, приближённых к властным структурам (номенклатура, руководство КПСС – (1) *партийцы*) и всех остальных жителей

СССР. При этом возникает пространственная метафора, реализующаяся как противопоставление «верх ⇔ низ»: (2) *не могло быть наркомании, наркомания была в **высших кругах**, у кого были деньги*; (3) *вот раньше, наверно, не было такого контраста, но мы не знаем, потому что мы в **низах***; (5) *но сами, сама **верхушка** этого, конечно, не придерживался, им было это выгодно*; (6) ***верхняя часть**, она, наверно, и наживалась. Эй, золото партии, куда оно делось? А **нижняя часть** нищенствовала*. Говорящие эксплицируют представление о социальном расслоении, о существовании в СССР некоторой группы людей с более высоким социальным статусом, чем у остальных, чья жизнь кардинальным образом отличается от жизни *низов*: они обладают гораздо большим количеством материальных благ и различных возможностей ((2) *в нашей стране ... не могло быть наркомании, наркомания была в **высших кругах**, у кого были деньги*; (3) *ну может быть, вот так, где эти чиновники, может быть, у них там всё это было побогаче и жизнь получше*; (4) *номенклатура, конечно, они радовались, потому что они были на местах, сидели крепко, жизнь была неплохая для них*; (6) *верхняя часть она, наверно, и наживалась*), они не придерживаются общих для всех остальных моральных принципов ((5) *все эти принципы морального кодекса строителей коммунизма, ну, в принципе, так оно и сходится. Но сами, сама верхушка этого, конечно, не придерживалась, им было это выгодно. Но мы были именно так воспитаны*). Данная группа лиц оценивается субъектами советского дискурса отрицательно, концептуализируется как относящаяся к области «чужого»: см. использование лексем с прагматическим компонентом *заевшиися*, *хапали* (1), *наживалась* (6), использование указательных местоимений, выражающих значение пейоративного отчуждения *эти чиновники... у них там всё это было побогаче и жизнь получше*.

На данную группу лиц интервьюируемые возлагают ответственность за распад СССР ((1) *Я, между прочим, советскую власть люблю, я любила и люблю до сих пор, и сожалею, что она ушла, но, конечно, виноваты партийцы заевшиися, они испортили все*) и исчезновение *золота партии* ((6) *Верхняя часть, она, наверно, и наживалась. Эй, золото партии, куда оно делось?*), а также связывают с ней представление о явлениях, негативно оцениваемых социумом ((2) *наркомания была в высших кругах, у кого были деньги*; (5) *но сами, сама верхушка этого,*

конечно, *не придерживалась*, им было это *выгодно* – желание выгоды; *партийцы завешиваясь...* если бы, как говорится, *не хамали, хапали и не дрались бы за эти чины* – ожесточённое стремление к власти). При этом говорящие включают себя в группу *низов* (см. использование «мы-инклюзивного»): (5) *но мы были именно так воспитаны*; (3) *вот раньше, наверное, не было такого контраста, но мы не знаем, потому что мы в низах, а, ну может быть, вот так*).

Положительная оценка феноменов советского прошлого в текстах интервью пожилых людей, как правило, связана с опытом жизни в Советском Союзе. При этом особого внимания заслуживает специфика концептуализации представлений о событиях, относящихся не только к биографии конкретного субъекта речи, но и к жизни некоторого коллектива, региона, страны. Память о подобных событиях будет определённым образом конструироваться в дискурсе социума.

Обратимся к анализу специфики концептуализации воспоминаний о демонстрациях в текстах интервью. Значимым для субъектов дискурса оказывается как массовость, характерная для данного явления, так и его повторяемость, имеющая ритуальный характер: ежегодное празднование, с одной стороны, было связано с определённым эмоциональным переживанием, а с другой – именно благодаря своей повторяемости было привычной составляющей жизни.

Как следует из анализа текстов интервью, описание феномена демонстраций в Советском Союзе для говорящих всегда связано с идеей праздника, торжества. При этом необходимым элементом праздника для говорящих является внешняя атрибутика: то, чем украшали улицы (*И вот выйдешь на улицу 7 Ноября или 1 Мая – в каждом здании, в каждом здании флаг. Улицы, ну и сейчас, конечно, сейчас-то чище улицы стали. Сейчас-то гораздо без флагов чище улицы, ну все равно как-то чувствовалось, что готовился город к празднику*), и то, что несли в руках:

(1) *Ну в общем, определённое там было место, украшали свою колонну: или шарики, или цветы делали, или транспаранты там закрепляли за нашими* (Бахтина).

(2) *Украшали? Ну, знаете, ее особенно не украшали. Там временную трибуну строили, а все украшение в руках несли.*

эти плакаты, транспаранты, портреты, значит, цветы, шарики (Полегаева).

Значимым оказывается не только сама ситуация праздника, но и подготовка к нему (создание реквизита):

Школам давали поручение что-то из себя изобразить на демонстрации. Ну, ходили, конечно, старшеклассники – класс десятый, вот одиннадцатый мы ходили. Последний особенно парад, эту демонстрацию помню. Наша школа сорок пятая изображала из себя клумбу. Полгода, можно сказать, после Нового года и до самых майских праздников крутили цветы из бумаги. Гвоздики красные, розовые, белые. Все было весело и здорово (Калошин).

Время после демонстрации также осмысляется как праздник (при этом показателем торжества становится особый, *праздничный беспорядок*, тоже являющийся для говорящего частью внешней атрибутики праздника):

Музыка такая, собирались все... да... все. С какими-то там шарами, с цветами, с веточками, предварительно готовились. После парада все собирались. И вот такой праздник. Там шарик валяется, там вот цветы ... валяются там. Даже вот этот беспорядок праздничный и то был на радость людям такой (Эстрина).

Важным атрибутом демонстрации становится и её музыкальное сопровождение, а также песни и танцы:

(1) *Ну, песни пели, плясали, особенно когда уже вот так вот по Сурикова шли колонны долго тут* (Бахтина).

(2) *Ну, всегда ходили на демонстрации и на парады, с удовольствием ходили. У меня муж был ещё музыкант, у него тут целый коллектив был целый музыкальный – и на эту на площадь когда вот ходили на демонстрацию, он всегда ходил со своим коллективом... иии... приглашали их, они собирались ...иии много народу собиралось, очень много, и все такие, все довольные* (Глызина).

(3) *Раньше у каждого крупного производства, каждый клуб имел свой оркестр духовой. Можно представить, как они друг с другом соревновались в колоннах, кто лучше, кра-*

сивей сыграет. Марши, вальсы, всякие там танцы, а уж про гармошки и говорить нечего. Народ с собой гармошки нес, так такие танцы устраивали, частушки пели (Калошин).

Важно, что идея праздника в текстах воспоминаний прежде всего связана с представлением о демонстрации как о месте встречи знакомых и друзей, месте общения, при этом феномен демонстрации связывается с идеей совместности, единения:

– *Ольга Васильевна, а помните, как ходили на демонстрации?*

– *Конечно, это были прекрасные праздники, и это было прекрасное время. Время, когда общение с людьми... Выразился как бы энтузиазм всех. Ну, не знаю, я с удовольствием вспоминаю это время. Демонстрации. С удовольствием или. И как-то общались, и весело было. Нормально. Очень жаль, что такое время ушло* (Васюхина).

Интересно, что в данном случае представление о взаимодействии с людьми (*время, когда общение с людьми...*) связано с идеей энтузиазма ('сильное воодушевление, душевный подъем, увлеченность чем-л.' [МАС]). См. подобный пример из этого же интервью:

Ну, субботники были. Ага. Были, были субботники. Ну и что. И нормально приходили, с удовольствием. Как бы выразили энтузиазм свой и преданность делу и так далее. И там, может, не столько работали, сколько общались вместе. Нормально. Ну и хорошо, что эти традиции остались. Нормально (Васюхина).

Следовательно, для говорящего, репрезентирующего собственные воспоминания о субботниках, наиболее значимым оказывается не труд (который, по мнению субъекта, выражал *преданность делу*), а общение: *И там, может, не столько работали, сколько общались вместе*. Таким образом, душевный подъем в данном случае обусловлен встречей с людьми, общением с ними. Важной при этом оказывается массовость демонстраций, присутствие на них большого количества людей:

(1) *Ну, это был праздник. Это все. Вот это отмели. Вот это был такой праздник! Это праздник был души и единения всех... всех, со всего города. Все встречали знакомых, соседей, всех, кого нету, шли с песнями, радостно шли. Музыка такая, собиались все... да... все...* (Эстрина).

(2) *И все такие, все довольные, наоборот, ждали, потому что работали много тогда, суббот не было, субботы не так уж давно стали свободные, а то один выходной день, и все старались выйти на улицу, подышать воздухом, повстречаться с людьми* (Глызина).

(3) *Ну, песни пели, плясали, особенно когда уже вот так вот по Сурикова или колонны долго тут. Вливаются, значит, один район, иногда в две колонны или. Октябрьский, допустим, и Свердловский район, а Свердловский-то район, вообще все предприятия или. И жиркомбинат, и «Холодильник», и железная дорога. Тут вливался в него Ленинский район, да. Ну, короче, настолько это всё массово было* (Бахтина).

Интересно, что субъекты советского дискурса при воспоминании используют не только языковые средства, позволяющие им передать идею массовости, всеобщности (см. использование местоимений со значением всеобщности (*это праздник был души и единения всех... всех, со всего города. Все встречали знакомых, соседей, всех, кого нету, или с песнями, радостно или. Музыка такая, собирались все... да... все...* (Эстрина); *вообще все предприятия или* (Бахтина); *все старались выйти на улицу, подышать воздухом, повстречаться с людьми* (Глызина)), использование квантора много в сочетании с интенсификатором очень (*приглашали их, они собирались... или... много народу собиралось, очень много* (Глызина), использование лексемы *массово* (*Ну, короче, настолько это всё массово было* (Бахтина))), но и лексемы, выражающие идею объединения, сплочённости людей во время демонстрации: *Это праздник был души и единения всех* (единение – ‘тесная связь, союз; сплоченность’ [МАС]). Именно сплочённость, как следует из анализа текстов воспоминаний, становится поводом для сильного эмоционального переживания, душевного подъёма (*праздник души*). Идея объединения передаётся и с помощью глагола *вливаться* (несов. к *влиться* – 2. перен. ‘Войти, включиться, пополнив состав кого-, чего-л.’ [МАС]): *Вливаются, значит, один район, иногда в две колонны или... И жиркомбинат, и «Холодильник», и железная дорога. Тут вливался в него Ленинский район, да.* Следовательно, носитель дискурса представляет демонстрацию как объединение, слияние нескольких групп людей, представляющих разные организации, предприятия, в единое целое.

При этом феномен демонстрации в сознании связан не только с идеей массового праздника, объединяющего большое количество людей, но и с представлением о празднике семейном, встрече с небольшой группой близких друзей. См. пример:

*Мы ходили 7 Ноября и ходили 1 Мая. Это был праздник, праздник **вот для души, для общения**, для весной... вот весна. Ну как-то вот к этому готовились, дома сначала все это к празднику. Потом мы шли на демонстрацию уже, ну, **коллеги там, вот наши друзья семей. Эти друзья.** После этого мы ... **обязательно 1 Мая мы после демонстрации переплывали уже на пароходике через Ангару на эту сторону, и у кого-то мы собирались.** Нас была такая небольшая, но группа семейных, где мы... **дети росли вместе, и мы дружили и дружим до сих пор.** И вот так вот. У кого-нибудь мы собирались и отмечали этот праздник... И уже застолье у нас, значит, ну, было. Вот так вот. И дети все это помнят. **Было хорошо, это было интересно, это была семья** (Владимирцева).*

В приведённом выше фрагменте также подчёркивается связь общения с душевным подъёмом, некоторым сильным положительно оцениваемым переживанием: *праздник **вот для души, для общения***. Важным для интервьюируемого оказывается повторение определённых действий (см. использование глаголов несовершенного вида), связанных с подготовкой к празднику и с времяпрепровождением после демонстрации (см. эксплицируемую с помощью наречия *обязательно* идею долженствования: *После этого мы ... **обязательно 1 Мая мы после демонстрации переплывали уже на пароходике через Ангару на эту сторону, и у кого-то мы собирались***). Следовательно, значимым для говорящего оказывается не только официальный праздник, но и его обязательное продолжение в кругу семьи и друзей.

Как уже было отмечено выше, подобное массовое объединение, слияние для субъектов дискурса связано с сильным эмоциональным переживанием, при этом переживание часто эксплицируется с помощью лексем, называющих ощущение:

(1) *Вначале, может быть, это был совсем хороший праздник, потом... ну, народ с **удовольствием** шёл, потому что **пообщаться, покричать, почувствовать**, вот. Ну, то есть я считаю, что это было интересно (Сериков).*

(2) *Что вот сейчас 1 Мая? Я вообще вот одна дома сидела. Дочь уехала на дачу. Тут вообще, да это не чувствуется ни праздник... э... убрали, это убрали, ничего мы не чувствуем, а раньше-то даже э... Это такая была радость, особенно после парада идешь, пустые улицы, все сидят за столами... (Эстрина).*

(3) *Ну как сказать, мне, например, очень нравилось все эти парады, нравилось, **чувствовалось, праздники**, а вот что отменили это... (Латышева).*

(4) *Уже под конец, можно сказать, демонстрации стали безобразными. Ну, собирались как бы... **ну с удовольствием**, но вроде как по инерции. Той... того **накала эмоционального** [не было. – авт.], который был вот в послевоенные годы, в пятидесятые, шестидесятые, даже начало вот семидесятых (Калошин).*

(5) *Парады... **с удовольствием** ходили. У меня муж был ещё музыкант, у него тут целый коллектив был целый музыкальный (Глызина).*

(6) *Ну, не знаю, я **с удовольствием** вспоминаю это время. Демонстрации. **С удовольствием** шли. И как-то общались, и весело было. Нормально. Очень жаль, что такое время ушло (Васюхина).*

(7) *И вот, пока они нам что-то там готовят и концерты, можно было застолье. Было интересно, и потом **с удовольствием** (Владимирцева).*

Во всех приведённых выше фрагментах говорящие эксплицируют представления о положительных эмоциях, связанных с демонстрациями или воспоминанием о них (*Ну, не знаю, я **с удовольствием вспоминаю** это время. Демонстрации. **С удовольствием** шли* (Васюхина)). Испытываемые сильные положительные эмоции осмысляются как обязательная составляющая демонстрации: *Уже под конец, можно сказать, демонстрации стали безобразными... Той... того **накала эмоционального** [не было. – авт.], который был вот в послевоенные годы...* (в данном высказывании в форме речевой имплицатуры представлена информация ‘для положительно оцениваемой демонстрации необходим эмоциональный накал’). При этом многие из субъектов дискурса проговаривают идею ощущения праздника (*нравилось,*

*чувствовалось, праздники; Тут вообще, да это не чувствуется ни праздник), следовательно, праздник в этом случае осмысливается как нечто материально осязаемое, доступное для сферы чувств (нечто абстрактное с помощью метафоры концептуализируется как конкретное, чувственно воспринимаемое). Интересно, что наряду с экспликацией представлений об испытываемых на демонстрации положительных эмоциях и, следовательно, личном, добровольном желании присутствовать на ней (*ну, народ с удовольствием шёл*), субъекты дискурса проговаривают идею обязательности присутствия на демонстрации, что для большинства говорящих никак не противоречит представлениям о празднике и удовольствии, связываемым с данным феноменом:*

(1) Ну, как. Даже потом уже, когда работать стала, тоже вам расскажу про демонстрации. Ну, в обязательном порядке. Не дай Бог, если ты не придёшь! Мы, это, собирались тоже выстраивались там где-нибудь – или на Литвинова, или ещё где-нибудь (Бахтина).

(2) Какие были в то время демонстрации и парады! Это уже мы сами захватили, во-первых, вот работая в институте, ну, муж был обязан со студентами всегда ходить на все демонстрации. И мы ходили с детьми, и это был тоже великий праздник (Владимирцева).

(3) Вот так. Причем обязаловка была. Студент если не пойдет на демонстрацию, его даже могут до сессии не допустить. Такая строгость была. Некоторым домой надо было съездить. Что-нибудь привести из продуктов, из одежды – отпрашивались, петиции писали, по какой причине. Ой, строгость какая была! Даже в школе вот не придешь, так тут загоняют вообще. Вот. Так что мы дисциплину знали. Дисциплину мы знали (Полетаева).

Во всех приведённых выше высказываниях субъекты советского дискурса репрезентируют идею обязательности посещения демонстраций, поддерживаемую всей государственной системой (*Студент если не пойдет на демонстрацию, его даже могут до сессии не допустить; муж был обязан со студентами всегда ходить на все демонстрации*), причём подобная обязательность осмысливается как нечто само собой разумеющееся, необходимое: *Ой, строгость какая была! Даже в школе вот не при-*

дешь, так тут загоняют вообще. Вот. Так что мы дисциплину знали. Дисциплину мы знали. Обязательность посещения демонстраций и возможная ответственность за отсутствие на них для говорящего является залогом подчинения дисциплине (имплицитно представлена информация ‘дисциплине необходимо подчиняться’); следовательно, подобная обязательность не получает отрицательной оценки, а концептуализируется как нечто само собой разумеющееся, как то, что должно быть. При этом идея обязательности для интервьюируемых никак не противоречит идее праздника: *муж был обязан со студентами всегда ходить на все демонстрации. И мы ходили с детьми, и это был тоже великий праздник.* Только в одном из анализируемых примеров обязательность присутствия на демонстрации получает отрицательную оценку:

Ой, мне не нравилось ... э... 1 Мая и 7 Ноября. Хотя это патриотические праздники, и сейчас они мне нравятся. А тогда не нравились тем, что я вот вчера прилетел, устал, а мне нужно утром встать и идти на демонстрацию. И вот иди в обязательном порядке. Дома сидеть нельзя. На демонстрацию собирают по списку, если ты не явился, так прямо дезертир. И вот поэтому мне 7 Ноября и 1 Мая, это мы тогда со злости берем бутылку, где-нибудь в подворотне, пьяные идем, «Ура!» кричим [смеется] (Алексеев).

Субъект в данном случае эксплицирует своё отрицательное отношение к праздникам *Первое мая* и *Седьмое ноября*, объясняя это собственным нежеланием подчиняться определённым императивам (*Ой, мне не нравилось... э... 1 Мая и 7 Ноября <...> А тогда не нравились тем, что я вот вчера прилетел, устал, а мне нужно утром встать и идти на демонстрацию. И вот иди в обязательном порядке. Дома сидеть нельзя. На демонстрацию собирают по списку, если ты не явился, так прямо дезертир*). Интервьюируемый осмысляет свои действия (употребление алкоголя: *это мы тогда со злости берем бутылку, где-нить в подворотне, пьяные идем, «Ура-а-а!» кричим*) именно как противостояние не устраивающей его системе (см. *со злости берем бутылку*, т. е. поводом для употребления алкоголя становятся негативные эмоции, вызванные обязательностью посещения демонстраций), при этом сам всё-таки подчиняется её требованиям (идёт на демонстрацию и кричит там *Ура* (‘восклицание, выражающее воодушевление, восторженное одобрение’ [МАС])).

Отдельный интерес для нас представляет изменение отношения интервьюируемого к праздникам: *Ой, мне не нравились... э... 1 Мая и 7 Ноября. Хотя это патриотические праздники, и сейчас они мне нравятся.* Исчезновение данного феномена в реальности (сейчас нет масштабного празднования этих дат) становится причиной изменения оценки: то, что раньше оценивалось отрицательно, теперь исчезло и оценивается положительно именно в связи со своей причастностью к прошлому (прошлое переконструируется в сознании субъекта, это не реальность, когда-то освоенная субъектом, а некоторый конструкт, идеализированно представляющий тот период; при этом некоторые феномены, относящиеся к периоду существования Советского Союза, осмысляются как утраченные, но необходимые).

Ощущение утраты чего-то важного в связи с отсутствием демонстраций формирует в дискурсивном пространстве субъекта оппозицию «тогда ↔ сейчас»:

(1) *Ну, не знаю, я с удовольствием вспоминаю это время. Демонстрации. С удовольствием шли. И как-то общались, и весело было. Нормально. Очень жаль, что такое время ушло* (Васюхина).

(2) *Ну, то есть я считаю, что это было интересно. Ну, то, что они исчезли, я не знаю, может, трансформируется в какие-то другие, вот... я смотрю, там молодёжь сейчас что-то новые какие-то вещи, но пока ещё нет вот такого вот всеобщего... всеобщего какого-то восторга, который был. Пока этого ещё не сумели вот на таком уровне сделать праздники* (Сериков).

(3) *Музыка такая, собирались все... да... все. После парада все собирались. А что вот сейчас 1 Мая? Я вообще вот одна дома сидела. Дочь уехала на дачу. Тут вообще, да это не чувствуется ни праздник. Э... убрали, это убрали, ничего мы не чувствуем, а раньше-то даже э... Это такая была радость, особенно после парада идешь, пустые улицы, все сидят за столами... Даже вот этот беспорядок праздничный и то был на радость людям такой. А сейчас... нету праздника* (Эстрина).

Во всех приведённых выше фрагментах существование демонстраций в прошлом оценивается положительно (*И как-то*

общались, и весело было. Нормально; Ну, то есть, я считаю, что это было интересно; Это такая была радость), а их отсутствие (или замена другими массовыми мероприятиями) в современности осмысливается как потеря чего-то ценного, важного (т. е. оценивается отрицательно): **Очень жаль, что такое время ушло.** Интересно, что во втором примере основанием для оценки качества массовых мероприятий оказывается *всеобщий восторг*: *молодёжь сейчас чё-то, новые какие-то вещи, но пока ещё нет вот такого вот, всеобщего, всеобщего какого-то восторга, который был.* Следовательно, необходимым и утраченным феноменом, связанным с демонстрациями, по мнению говорящих, является сильное коллективное переживание, объединявшее большое количество людей. Обратимся к другому контексту: *Музыка такая, собирались все...да...все... Я вообще вот одна дома сидела. Тут вообще, да это... не чувствуется ни праздник. Э... убрали, это убрали, ничего мы не чувствуем, а раньше-то даже э... Это такая была радость.* Возникает оппозиция «все вместе ⇔ одна» (см. использование местоимения *все* со значением всеобщности и глагола, обозначающего совместное действие, *собирались* для экспликации представления о советском прошлом и лексемы *одна* для репрезентации представления о том, как субъект речи проводит этот день после распада СССР), при этом для говорящего также принципиально важна утрата коллективного эмоционального переживания, связанного с демонстрациями: **ничего мы не чувствуем.**

Таким образом, демонстрации в рамках исследуемого дискурсивного пространства осмысливаются интервьюируемыми как массовый праздник с обязательной внешней атрибутикой, проходящий по определённому сценарию, объединяющий всех в сильном эмоциональном переживании. При этом обязательность посещения демонстраций воспринимается как нечто должное, как необходимость подчинения дисциплине (и следовательно, сама дисциплина и всякое внешнее давление системы осмысливается как нечто само собой разумеющееся, как то, что должно существовать), а исчезновение данного феномена концептуализируется как невозполнимая утрата. Следовательно, для субъектов дискурса важнейшей составляющей демонстрации становится ощущение объединённости с некоторым коллективом в сильном переживании, причастности к некоторой идентичности, разделённому восторгу праздника.

Труд

Тема труда является одной из ключевых в текстах интервью. Умение и желание трудиться позиционируется носителями дискурса как одна из самых важных характеристик человека:

(1) Я до сих пор считаю что, вот эта политика ленинизма, что учиться, работать, кто не работает, тот не ест, ли каждому по способностям – от каждого по труду, по способностям – это очень правильно. Дётся возможность проявить себя и получить, но не отбирай то, что... или сейчас даже он семи пядей во лбу. А его ни во что не ставят (Бубнова).

(2) Вот таким путём меня приобщали к труду, и в принципе, я считаю, чему меня родители больше всего научили – это трудиться. Это самое главное качество для человека, если он понимает и любит труд, значит, это нормальный человек и для семьи, и для государства (Сериков).

Интересно, что в обоих примерах данное представление концептуализируется в форме универсального высказывания (дидактичность и максимальная обобщённость), следовательно, говорящие осмысляют любовь к труду как необходимое для любого человека качество. В примере (1) интервьюируемый эксплицирует свои представления (см. маркёр личного мнения *я считаю*) с помощью лозунгов, прецедентных для времени существования СССР (*кто не работает, тот не ест. Или каждому по способностям – от каждого по труду, по способностям*). При этом ключевую роль в формировании у людей положительной оценки труда и желания трудиться, по мнению говорящего, играет политическое, идеологическое воздействие: (1) *вот эта политика ленинизма, что учиться, работать, кто не работает, тот не ест* (следовательно, любовь к труду, по мнению субъекта речи, должна прививаться на государственном уровне, должна быть связана с политикой (см. использование лозунгов для экспликации личного мнения)). В примере (2) идея воспитания любви к труду связывается с влиянием родителей: *я считаю, чему меня родители больше всего научили – это трудиться*. При этом умение и желание работать осмысляется как самое важное качество человека: *Это самое главное качество для человека, если он понимает и любит труд, значит, это нормальный человек и для семьи, и для государства*. В данном высказыва-

вании субъект речи обозначает сферы реализации человека (и для семьи, и для государства), в рамках которых, по его мнению, любовь к труду является критерием соответствия норме (если он понимает и любит труд, значит, это нормальный человек и для семьи, и для государства).

Экспликация представлений о важности умения работать подкрепляется репрезентацией примеров собственного трудолюбия:

(1) Конечно, конечно, ну в детстве, что ты, конечно, какой там, да потому что некогда, бежишь с работы, а там уже улица собралась, вот заскочишь как во всем в грязном, ну тут и бузуюешь. Танцуешь, попляшешь, а пока пляшешь, эвон там рассветает, собираешься, опять бежишь, уже опять на работу, некогда было... Ой работали, ой работали! Не покладая рук! Я сейчас вот погляжу на этих работников, думаю, ух вас бы сейчас в нашу жизнь бы, хоть вас бы научили работать. Ой, ну не хочет работать, да и всё. Вот нету работы! Как нету работы?! Кто хочет работать, у того там, у всех работа есть! Вот в эту пьянку углубились, а ей, а ня... а пить есть когда (Кузнецова).

(2) Обычно не убираются в наших купейных вагонах, мы там все пропылесосим, уберем, ну мы же молодые, господа, мы работали на совесть. Вообще, они были очень довольны, говорили, вообще, говорит, нам нравится, когда, говорит, работают молодые, молодые люди, студенты. Потому что мы сто процентов отдавали себя делу. Ну, так уж были воспитаны (Кочкова).

(3) Комсомольцами, конечно, и значки носили мы с гордостью, и закончив школу, хм, у нас, закончив школу, я работала еще два года дояркой. Потому что не поступила. И у нас в селе сохранялась комсомольская организация. Клич, девиз нашей организации был такой: «Помогать обездоленным, помогать Родине, помогать совхозу, помогать... эмм... в любых чрезвычайных ситуациях: при пожарах». При пожарах, там лес у нас горел, мы выезжали. В общем, в любых чрезвычайных ситуациях. Этих субботников было, я не знаю, там ленинские субботники были, просто так у нас субботники были. Но одно слово «субботник»: комсомольский субботник, всесоюзный субботник, коммунистический субботник – мы были первыми. Кололи дрова, скла-

дывали целые поленницы, не знаю для кого, может, для совхоза, но кому оно шло. Целые сеновалы мы, это самое, убирали, ммм целые силосные ямы. Помогали утрамбовывать, помогали бездол ээ обездоленным, одиноким. С одной стороны, оно еще за школу шло – тимуровская команда помогать. Ходили просто безвозмездно помогать, дрова раскалывали, в основном др...дрова раск... раскалывали, складывали поленницы одиноким старухам. Теперь я такая старуха, а кто, кто сейчас, вряд ли кто ко мне придет, поможет (Кочкова).

(4) Дак и нра, ну вообще, знай, я работать любила, я любила, я выполняемая была, я, было, придём на работу, когда если вот так, ещё до доярок-то, до доярки-то я работала-то. Ну, прибежишь раз на работу, кого посылают, тот не идёт, другой. «Дядь Митиша, я пойду!» Ну вот. «Да куда ж ты, господи, стоишь, такая крошечка!» – я это всегда, скажет, я пойду. Вот я работать любила... «Я, дядь Митиша, я пойду». «Господи, да куда ты, вот есть какая-то выполняемая работа». Ну какая выполняемая, когда такие молоденькие были. А работа, у нас совхоз же, у нас работа-то тяжёлая была. Он всё скажет: «Нюрка! Что ты делаешь, что ты делаешь, ты будешь при старости болеть!» Я говорю: «Ну хорошо, я пришла на работу, стала, говорю, буду стоять, а кто будет делать, я за что буду деньги получать?» Он говорит: «Хорошо, внутри будешь убирать». Работала там, надо же человека работать, ну если не работать, то не ходить, а как не ходить, вышел из годов – надо идти работать, всё. Там у нас не посидишь. Потому что совхоз, совхоз у нас, у нас богатый был. И был на первом месте, потому что мы дружелюбные, народ был, работать все любили. Если вышли работать, то выполняемые, выполнимый народ-то был (Кузнецова).

Во всех приведённых выше фрагментах текстов интервью ключевой становится идея интенсивного труда, работы с высокой степенью самоотдачи: (1) *собираешься, опять бежишь, уже опять на работу, некогда было... Ой работали, ой работали! Не покладая рук!*; (2) *мы работали на совесть. Потому что мы сто процентов отдавали себя делу. Ну так уж были воспитаны*; (3) *Но одно слово «субботник»: комсомольский суб-*

ботник, всесоюзный субботник, коммунистический субботник – мы были первыми. Кололи дрова, складывали целые поленицы, не знаю для кого, может, для совхоза, но кому оно шло. Целые сеновалы мы, это самое, убирали, ммм... целые силосные ямы – лексема *целый* в данном примере передаёт идею большого объёма выполненной работы ('употребляется при указании на очень большой, чрезмерный срок, количество и т. п. (обычно в гиперболических выражениях)' [МАС]); (4) *Дак и нра, ну вообще, знай, я работать любила, я любила, я выполняемая была, я, было, придём на работу, когда если вот так, ещё до дояркто, до доярки-то я работала-то... А работа, у нас совхоз же, у нас работа-то тяжёлая была.* Таким образом, субъект дискурса демонстрирует любовь к труду, несмотря на его тяжесть).

Для интервьюируемых более значим не результат труда, а сам процесс работы, см. пример (3): *Кололи дрова, складывали целые поленицы, не знаю для кого, может для совхоза, но кому оно шло* (говорящий не знает, для кого предназначался результат его работы, это информация не представляется ему важной). См. также в примере (4): *Работала там, надо же человека работать, ну если не работать, то не ходить, а как не ходить, вышел из годов – надо идти работать, всё* (обязательной оказывается именно трудовая занятость человека, факт работы, а не, в частности, получаемая заработная плата). Если и появляется в высказываниях представление о некотором результате, достижении, то оно всегда оказывается связано с некоторым коллективом, организацией (субъект речи включает себя в группу, получившую признание): (3) *Клич, девиз нашей организации был такой: «Помогать обездоленным, помогать Родине, помогать совхозу, помогать...эмм... в любых чрезвычайных ситуациях: при пожарах»... Но одно слово «субботник»: комсомольский субботник, всесоюзный субботник, коммунистический субботник – мы были первыми;* (4) *Потому что совхоз, совхоз у нас, у нас богатый был. И был на первом месте, потому что мы дружелюбные, народ был, работать все любили.*

Кроме того, значимыми с точки зрения субъектов дискурса оказывается воспитание ответственного отношения к труду ((2) *потому что мы сто процентов отдавали себя делу. Ну так уж были воспитаны*) и возраст деятелей ((2) *ну мы же молодые, господа, мы работали на совесть;* (4) *Ну какая выполняемая, когда такие молоденькие были*). При этом интервьюируемые

отмечают отсутствие в современности подобного отношения к работе (создаётся оппозиция «тогда↔сейчас»): *Я сейчас вот погляжу на этих работников, думаю, ух вас бы сейчас в нашу жизнь бы, хоть вас бы научили работать. Ой, ну не хочет работать, да и всё. Вот нету работы! Как нету работы?! Кто хочет работать, у того там, у всех работа есть! Вот в эту пьянку углубились, а ей, а ня... а пить есть когда* (с помощью указательного местоимения *эти* выражено значение пейоративного отчуждения (отрицательное отношение к современным работникам), при этом говорящий использует притяжательное местоимение *наш*, эксплицируя тем самым включённость периода существования СССР в свою личную сферу (оппозиция «тогда↔сейчас» концептуализируется как противопоставление «своего» и «чужого» времени); в форме имплицатур в данном высказывании представлена информация ‘в прошлом умели работать’ и ‘сегодня работать не умеют’); (3) *Помогали утрамбовывать, помогали бездол ээ бездоленным, одиноким. С одной стороны, оно еще за школу шло тимуровская команда помогать. Ходили просто безвозмездно помогать, дрова раскалывали, в основном др...дрова раск раскалывали, складывали поленицы одиноким старухам. Теперь я такая старуха, а кто, кто сейчас, вряд ли кто ко мне придет, поможет* (отсутствие действий в пользу нуждающихся осмысляется говорящим как личная проблема, так как себя он включает в одну из категорий, нуждающихся в помощи: *Теперь я такая старуха, а кто, кто сейчас, вряд ли кто ко мне придет, поможет*).

Ещё одним важным аспектом концептуализации представлений о труде становится идея сильных положительных эмоций, связанных с работой:

(5) *Помню, как сейчас... эээ... зав. ОБЛОНО, ещё тогда молодой симпатичный мужчина, уговаривал меня...он сказал мне, что для того чтобы в аспирантуру поступить, (а мы пошли в ОБЛОНО), что это надо готовиться к этому, и работу, и всё прочее, а я тогда не знала ничего этого. Он говорит: «Поезжай-ка работать в Тихвин, город Тихвин под Ленинградом, вот там. Я тебе буду приезжать, помогать антирелигиозную работу проводить». Там Тихвинская Божья Матерь, вот она сейчас возвратилась, эта икона. Вот, видишь, какие чудеса... И я там...приехала, я действительно поехала туда, я проработала семь лет, тоже на*

второй год была завучем, а потом от завучества отказалась, но работала...ну в радость! Вообще, в радость мне работалось всегда (Жмур).

(6) Любить надо всё, всё надо любить. Особенно где работаешь, там всю работу надо любить. И жить хорошо, и жить весело. Право, а я какая-то была бешеная на работу, вон я любила работать, на какой бы работе работала, я никакой работы не боялась. И это, а теперь вот не боюсь, охота мне, ну уже мочи-то нету (Кузнецова).

Если в примере (5) с представлением о работе говорящий связывает чувство радости (*но работала...ну в радость! Вообще, в радость мне работалось всегда* – наречие *всегда* позволяет представить данную характеристику процесса как постоянную, связанную для субъекта речи со всей его профессиональной деятельностью), то в примере (6) репрезентировано представление о любви к любой форме труда: *Любить надо всё, всё надо любить. Особенно где работаешь, там всю работу надо любить. И жить хорошо, и жить весело. Право, а я какая-то была бешеная на работу, вон я любила работать, на какой бы работе работала, я никакой работы не боялась.* Жизненная установка (*всю работу надо любить*) категорично озвучивается как некоторый императив: *любить надо всё, всё надо любить. Особенно где работаешь, там всю работу надо любить*, подкрепляется апелляцией к личному опыту информанта: *вон я любила работать, на какой бы работе работала, я никакой работы не боялась.* Интересно, что любовь к работе становится для интервьюируемого условием получения положительных эмоций от жизни вообще: *там всю работу надо любить. И жить хорошо, и жить весело.*

Энтузиазм

Отдельный интерес для нашего исследования представляет концептуализация представлений, существующих в сознании субъекта дискурса, об энтузиазме, связываемом с идеей трудовой деятельности, работы:

(1) Сейчас более напряжённая жизнь. Тогда была более как-то она такая, очень занятая, но она была кипучая. Она была на энтузиазме, как я уже говорила, построена.

Люди отдавали себя работе и чувствовали удовлетворение, чувствовали радость в том, что они нужны, что их труд нужен, что люди радуются тому, что очень быстро сдавались дома, и люди получали жильё. Сейчас, сейчас более каждый человек больше задумывается о себе. Вот. Сейчас нет такого уже массового, что ли, порыва. Да, наверное, сейчас нет уже и одиночного порыва, потому что люди думают, наверное, больше всего о себе (Александренко).

(2) Вот почему так? Это же ужас один! Все рушится! Во время войны было целое, а сейчас рушится. Вот поэтому из прошлого хотелось бы вернуть энтузиазм людей и бескорыстность. Вот как мы вот эти трамвайные линии строили. Ты представляешь, мы работали, шесть дней работаешь, а седьмой день – воскресенье – отдыхаешь. Так вот, этот седьмой день, мы на комсомольском собрании проголосовали, подняли руки, для того чтобы бесплатно ходить по воскресеньям строить. И вот с утра, с восьми часов до обеда, строишь, после обеда остается время для отдыха за всю неделю. И причем работали до кровавых мозолей, носилки старались нагрузить как можно больше, тащить, потому что ну надо же много сделать, успеть. За благодарность от райкома комсомола, больше ничего. Бесплатно. И никто... Было стыдно уклониться от этой работы. Понимаешь как? Это уже нечестно будет. Одни будут работать, а другие отдыхать. Это будет некрасиво. А вот сейчас этого нету. Вот мне вот это хотелось бы вернуть (Алексеев).

(3) А после института зато, вот тогда был знаменитый год, пятьдесят шестой, я в пятьдесят пятом закончила... Пятьдесят пятый, шестой, пятьдесят четвертый даже, тогда началось: новосёлы поехали на Алтай поднимать земли вот эти целинные. Вот. И мы все, студенты, рвались на Алтай. И нас послали, целую группу, на Алтай. Вот... Мы, я помню, «едем мы, друзья, в дальние края, станем новосёлами – ты и я». Это было какое-то счастливое, лучезарное такое вот время, не знаю. В институте я была секретарем комсомольской организации, занималась спортом, я была перворазрядницей по волейболу. Ездил на

соревнования. Ну, это ещё даже в школе я начала играть в волейбол (Жмур).

Анализ специфики репрезентации представлений о труде в приведённых выше примерах позволяет увидеть некоторые общие черты в концептуализации описываемых ситуаций: наиболее значимыми для говорящих оказываются представления о массовом действии (или общем желании), объединявшем всех ((1) *Люди отдавали себя работе и чувствовали удовлетворение, чувствовали радость в том, что они нужны, что их труд нужен, что люди радуются тому, что очень быстро сдавались дома... Сейчас нет такого уже массового, что ли, порыва* – см. использование лексемы *люди* без квантора; (2) *Вот поэтому из прошлого хотелось бы вернуть энтузиазм людей и бескорыстность; И никто...* Было стыдно уклониться от этой работы. Понимаешь как? Это уже нечестно будет. *Одни будут работать, а другие отдыхать* – идея всеобщего действия репрезентируется с помощью отрицания существования группы лиц, не участвовавших в строительстве (см. использование местоимения-существительного *никто*); (3) *новосёлы поехали на Алтай поднимать земли вот эти целинные. Вот. И мы все, студенты, рвались на Алтай. И нас послали, целую группу, на Алтай* – говорящий от называния наиболее абстрактной и многочисленной группы деятелей переходит к всё более конкретным номинациям: *новосёлы* – *все студенты* – *группа студентов*). Кроме того, чрезвычайно важным оказывается представление о бескорыстности труда ((1) *люди...чувствовали удовлетворение, чувствовали радость в том, что они нужны, что их труд нужен* – в качестве пресуппозиции представлена информация ‘самым важным для людей в работе было ощущение нужности их труда’; (2) *За благодарность от райкома комсомола, больше ничего. Бесплатно. И никто...* Было стыдно уклониться от этой работы), высокой степени самоотдачи ((1) *люди отдавали себя работе и чувствовали удовлетворение; (2) и причем работали до кровавых мозолей, носилки старались нагрузить как можно больше, тащить, потому что, ну надо же много сделать, успеть*), сильных положительных эмоций, связанных с деятельностью ((1) *люди чувствовали радость в том, что они нужны, что их труд нужен, что люди радуются тому, что очень быстро сдавались дома; (3) Это было какое-то счастливое, лучезарное такое вот время, не знаю*). Труд при этом оказывается в

той или иной мере ориентирован на окружающих людей, перед которыми деятель несёт ответственность): (1) *чувствовали удовлетворение, чувствовали радость в том, что они нужны, что их труд нужен, что люди радуются тому, что очень быстро сдавались дома, и люди получали жильё* – радость от труда, с одной стороны, связывается, с представлением о нужности этого труда (ориентация на востребованность обществом), а с другой – с возможностью получения другими людьми жилья, т. е. с пользой, которую приносит данная деятельность социуму; (2) *И никто... Было стыдно уклониться от этой работы. Понимаешь как? Это уже нечестно будет. Одни будут работать, а другие отдыхать. Это будет некрасиво* (идея ответственности перед другими людьми, работавшими вместе с субъектом речи, связывается с возможным чувством стыда перед ними).

Феномен энтузиазма приобретает для говорящих особую значимость в связи с представлением об утрате этого явления в современном мире: (1) *Вот. Сейчас нет такого уже массового, что ли, порыва. Да, наверное, сейчас нет уже и одиночного порыва, потому что люди думают, наверное, больше всего о себе;* (2) *Вот поэтому из прошлого хотелось бы вернуть энтузиазм людей и бескорыстность... А вот сейчас этого нету. Вот мне вот это хотелось бы вернуть*). Таким образом, создаётся оппозиция «тогда ⇔ сейчас»: готовность трудиться на благо общества в прошлом сменяется сосредоточенностью на собственных интересах.

Безопасность

Как уже было отмечено выше, представление о разобщённости людей, существующей сегодня, связано для интервьюируемых с идеей опасности жизни в современном мире. С прошлым же, наоборот, оказывается связано представление о безопасности, причём данный феномен осмысливается в интервью различными способами:

- безопасность как отсутствие преступности;
- безопасность как уверенность в качестве продукции;
- безопасность как уверенность в завтрашнем дне (стабильность).

Обратимся к анализу способов представленности указанного феномена.

▪ **Безопасность как отсутствие преступности**

(1) *И в этом году, ну, там прямо целое замки строятся, красиво. Потом, в этом году около бракосочетания на сквере, Декабрьских Событий, вот там тоже были постройки, и очень красивые. Ну, то есть сейчас администрация всему этому много внимания уделяет. А тогда сквер Кирова только оформлялся. Но постройки никто не ломал. Вот они так все каникулы всегда стояли. И дети ходили на санках кататься, сами, без родителей. **Никто их не шибибал, шапки ни у кого не воровали, никого никто не бил,** и катались вот с этих горок. **Спокойно было. Родителям было спокойно** (Владимирцева).*

(2) *Вот такой раньше Студгородок. Это сам по себе студенческий городок, полно студентов. И настолько было спокойно, хотя вся была молодежь. Они ходили и песни пели, и гуляли здесь. Ну все общежития были заняты студентами. Под каждый факультет было свое общежитие. **И мы никогда ничего не боялись.** Даже из города, помню, поздно едешь, **даже не было мысли, что на тебя кто-то нападет и тебя кто-то ограбит, или с тебя сорвут серьги, или сорвут там цепочки или что-то.** Сейчас тот же самый Студгородок... вот я, допустим, вот когда с подругами, мы встречаемся летом, то ладно, светло. А вот зимой в 6 часов уже темно. Меня всегда вот муж встречает. Или вообще на машине дочери, сына, кто-нибудь меня привозит домой. **Я боюсь идти по своему Студгородку, потому что тут безобразие уже идут. Ну а они, безобразия-то, по всему городу. Куда ни сунься, везде вот беспокойствие.** Вот это, конечно, совсем. Ну и вот это такое... **И вот это такое вот неблагоустройство нашего Студгородка.** Это нету торговых таких площадей хороших. Жителей-то у нас здесь все-таки много, и нам бы необходимо такое вот базарчик или базар, рыночек. Но вот такое вот. Ну что еще про рынок сказать? Что еще? Лучшие спросите меня (Владимирцева).*

(3) – Дядь Сережа, давайте о праздниках поговорим, о весельях. Как раньше молодежь отмечала праздники, ну тот же День города? Вы ходили на демонстрации?

– Так раньше все время были эти, и демонстрации были, и всякие и концерты, и интересно было вообще жить и

жить, даже вот у нас, жили мы в общежитии, вот у нас и среда, и суббота, и воскресенье, красный уголок, и танцы, и все, и ни такой уж и пьянки не было сильно, как сейчас, и уже не говоря об этих всяких других преступлениях, все было открыто, все было, это самое, ни воровства никакого не было, ни грабежа, ничего, всю ночь хоть ходи по городу до утра, с одного конца на второй, да, и никто никогда, встретят, если кто тебя встретит, там даже и подскажут, если чего надо, и все там, это самое, и все двери были открыты, ни решеток, ни железных дверей, ничего. На первых этажах люди спали летом, жара, с открытыми окнами, никто не лазал, ничего такого не было. Может, и были единые случаи, не знаю, вот.

– А сейчас как?

– Ну, сейчас сама видишь, что сейчас. Раньше был человек человеку друг, как и говорили, а сейчас...сами видите за могут за какой-то телефон человека заэтот самый, тут же вон убьют тебя, разденут, и никому ничего не надо. Каждый за себя сейчас, каждый за себя, вот, ляжешь вот тут в подъезде, умрешь, переступят тебя, и никто тебе не поможет, ничего. Раньше знали, живем в подъезде, там все друг друга знали, да, как звать, какая семья, какая что, что у них, какие проблемы, и помогали, и там это, а сейчас живет человек сколько вот напротив, и как там живет, и я не знаю, кто там живет, что там, как. Только никто ни с кем не общается. **Никто тебе сейчас руку помощи не протянет**, мало таких. Видишь? (Шевелев)

(4) Ну да, это точно. А вы можете вспомнить, как отмечала молодежь праздники? День города, Новый год, ну вот, когда вы сама были молодая, там были прямо шумные гулянки или все тихо-спокойно себе дома сидели?

– Ну, почему? Были на площади, люди выходили и гуляли, тогда не боялись, это сейчас боятся высунуть лишний раз нос, чтоб не получить по голове, а в то время все люди, какой был праздник, все выходили на улицу, все соседи друг друга знали, отмечали праздники, как правило, вместе, и с соседями накрывали столы, и в Новый год собирались все на площади, и...ну любой праздник, это всегда была массовое гуляние, тогда было в удовольствии, а сейчас (Береснева).

(5) *А в Советском Союзе это было совершенно безопасно, совершенно безопасно. В любое время дня и ночи, я говорю, мы могли по городу гулять, мы могли, ну видимо, это тоталитарное государство, это вся система, видимо, сказывалась. В нашей стране не могло быть проституции, хотя она и была, не могло быть наркомании, наркомания была в высших кругах, у кого были деньги, а остальным просто было недоступно, наверное* (Кочкова).

(6) *Вот я тебе говорила, я тебе говорила. Сейчас, говорю, время изменилось. На любом перроне могут стоять эти наркоманы, те же самые скинхеды. Вот почему я тебя отговаривала-то ехать. А в наше время было совсем по-другому. Ой, господи, мы в любое время дня и ночи выходили, к нам и все люди разных национальностей проходили. Ой, господи, мы были так уверены в себе, мы, а сейчас я не знаю, сейчас страшно. Сейчас очень страшно ехать* (Кочкова).

(7) – Скажите, какие воспоминания о детстве сохранились?

– Ага... Сейчас я все найду... Ну, во-первых, я очень любила ходить в цирк. Мне нравилась дрессура.

– Угу.

– Но у мамы не всегда были деньги, чтобы дать – я пристраивалась. Какую-нибудь тетеньку поплотнее, покрасивее, потолще выберу...

– Угу.

– И, значит, с ней рядом с ней мимо контролеров пройду. Где-нибудь присяду – смотрю... Вот. Вот когда война началась, мне было шесть лет всего. И в городе появилось жулья очень много.

– Угу.

– Очень много – карманники эти, воры-домушники... Мы никогда не закрывали свой подвал.

– Угу.

– Вот взрослые уходили, ребятня где-то носилась... И никто ничего не крал. Когда началась война, понаехало это жулье – невозможно было ничего вывешивать на улицу.

– Угу.

– Все тащили. Забирали из квартиры. Ужас один. И вот однажды у нас, значит, вот это вот в последнем доме ... ладно... (Полетаева)

(8) Ну сейчас надо быть очень, вот я так думаю, что, в принципе, вот, я в хорошее время жила. То есть я уже войны не застала, ну подумаешь, там немножко, ничего страшного. Нас было мало, но нас так любили все, лелеяли, хоть и бедные, и плохо одеты, но нас любили, нам хорошо было. **Время было спокойное, время тихое. Никто, никаких наркоманов не было, никто тебя не грабил, решеток не было на окнах. Золотое было время, а семидесятые годы, вот они говорят, что ужасе, но зато и материально получше жили: что-то стали из барахла привозить. Ну вот, мне кажется, страшнее истории, чем у России, нету. Может быть, Европа и пережила это когда-то в Средние Века, да, но чтобы как у нас, и сейчас неизвестно сколько, сколько народ может вытерпеть. Потом народу же надо, нужны традиции, а они в нас последовательно уничтожали же, уничтожали. Я говорю, что у меня мама боялась, что, не дай бог, кто-то что-то узнает. Вот от отца ящик писем был в подполье, и так и сожгла она его, и так до конца дней своих она боялась. Она боялась рассказывать кто, что, откуда. Лучше не знать ничего** (Аевструева)

Интервьюируемые стремятся представить советское прошлое как время отсутствия преступности, и, соответственно, отсутствия страха стать жертвой преступления ((4) **были на площади, люди выходили и гуляли, тогда не боялись, это сейчас боятся высунуть лишний раз нос, чтоб не получить по голове;** (2) **И мы никогда ничего не боялись;** (1) **спокойно было. Родителям было спокойно**). Представление о безопасности жизни в СССР становится для говорящих, с одной стороны, причиной открытости людей, их стремления к общению, к совместному выполнению действий (например, к коллективному празднованию): (4) **были на площади, люди выходили и гуляли, тогда не боялись, это сейчас боятся высунуть лишний раз нос, чтоб не получить по голове, а в то время все люди, какой был праздник, все выходили на улицу, все соседи друг друга знали;** (6) **Сейчас, говорю, время изменилось. На любом перроне могут стоять эти наркоманы, те же самые скинхеды. Вот почему я тебя отговаривала-то ехать. А в наше время было совсем по-другому. Ой, господи, мы в любое время дня и ночи выходили, к нам и все люди разных национальностей проходили. Ой, господи, мы были так уверены в себе.** С другой сторо-

ны, именно существование коллективизма в прошлом осмысляется как причина отсутствия преступности в Советском Союзе: (3) *раньше был человек человеку друг, как и говорили, а сейчас...сами видите, за могут за какой-то телефон человека за ... этот самый, тут же вон убьют тебя, разденут, и никому ничего не надо* – отсутствие дружеских взаимоотношений с окружающими, по мнению говорящего, является причиной возможности стать жертвой преступления.

Важной особенностью концептуализации интервьюируемыми представления о безопасной жизни в Советском Союзе становится идея всеобщности, всеохватности этого феномена (стратегия генерализации). Репрезентация данного представления осуществляется не только с помощью местоимений со значением всеобщности ((2) *Куда ни сунься, **езде** вот беспокойствие*; (3) ***все** было открыто, **все** было, это самое*; (4) ***все** выходили на улицу, **все** соседи друг друга знали*; (6) ***все** люди разных национальностей проходили*), но и с помощью отрицательных местоимений, позволяющих представить совокупность определённых объектов (ситуаций) как «нулевое множество»: «общее отрицание анализируемого типа совмещает отрицание признака (предиката) с отрицанием бытия его носителя ... Удвоение отрицания как бы совмещает утверждение об отсутствии носителей данного признака с утверждением об отсутствии признака у отсутствующих носителей. Отрицание в отрицательных местоимениях прочитывается как отрицание бытия предмета, характеризуемого предикатным признаком» [Арутюнова, 2002, с. 374]. Происходит исключение носителей определённого признака из конструируемой субъектом речи действительности (эксплицируется мысль «их не существовало») и, как следствие, отрицание возможности существования в прошлом определённого типа ситуаций (в данном случае, преступлений). При этом субъекты советского дискурса отмечают не только отсутствие носителей определённых признаков (как преступников, так и жертв преступлений: (1) ***никто** их не шибал, шапки **ни** у кого не воровали, **никого** **никто** не бил*; (3) ***никто** не лазал*; (7) *и **никто** **ничего** не крад*; (8) ***никто**, **никаких наркоманов** не было, **никто** тебя не грабил*) и определённых ситуаций ((3) ***ни** **воровства** **никакого** не было, **ни** **грабежа**, **ничего**), но и отсутствие периода, когда эта ситуация могла иметь место: (2) ***И** мы **никогда** **ничего** не боялись*; (3) *с одного конца на второй, да, и **никто** **никогда**, встретят, если кто**

тебя встретит, там даже и подскажут; (7) мы **никогда** не закрывали свой подвал. Многократное повторение идеи отсутствия (см. **ни воровства никакого не было, ни грабежа, ничего, всю ночь хоть ходи по городу до утра, ...и никто никогда, встретят, ...и все двери были открыты, ни решеток, ни железных дверей, ничего...никто не лазал, ничего такого не было**) связано с потребностью представить свою личную сферу (в прошлом) как лишённую каких-либо отрицательно оцениваемых явлений (см. (6) *А в **наше** время было совсем по-другому* – притяжательное местоименное прилагательное как маркёр включения определенного временного отрезка в личную сферу говорящего). Именно поэтому особенно болезненно интервьюируемым ощущается «вторжение» преступности в его личную сферу: *Я боюсь идти по **своему Студгородку**, потому что тут безобразие уже идут... И вот это такое вот неблагоустройство **нашего Студгородка*** (притяжательные местоименные прилагательные как маркёры личной сферы).

Особый интерес для нас представляет не осознаваемое интервьюируемыми противоречие между декларируемой ими мыслью об отсутствии преступности и проговариваемыми воспоминаниями. Данное противоречие может быть выражено как сомнение в истинности эксплицитированного представления ((3) *и все двери были открыты, ни решеток, ни железных дверей, ничего ...никто не лазал, ничего такого не было. **Может, и были единые случаи, не знаю, вот***), и как представление о существовании негативно оцениваемых явлений за пределами личной зоны говорящего (т. е. в области «чужого», всегда оцениваемой отрицательно: (5) *в нашей стране не могло быть проституции, хотя она и была, не могло быть наркомании, наркомания была в высших кругах, у кого были деньги, а остальным просто было недоступно, наверное*), и как несоответствие личного опыта декларируемым идеям (см. рассказ интервьюируемого о собственном правонарушении (проход в цирк без билета: *Но у мамы не всегда были деньги, чтобы дать – я пристраивалась. Какую-нибудь тетеньку поплотнее, покрасивее, потолще выберу... и, значит, с ней рядом с ней мимо контролеров пройду*) в примере (7) и последующий рассказ об отсутствии в городе преступности до войны; см. также представление об отсутствии опасностей в прошлом в примере (8) *(время было спокойное, время тихое. Никто, никаких наркоманов не было, никто тебя*

не грабил, решеток не было на окнах. **Золотое было время**) и репрезентацию воспоминаний о страхе матери: *Я говорю, что у меня мама боялась, что, не дай бог, кто-то что-то узнает. Вот от отца ящик писем был в подполье, и так и сожгла она его, и так до конца дней своих она боялась. Она боялась рассказывать кто, что, откуда).*

▪ **Безопасность как уверенность в качестве продукции**

(1) *Вот заходили с той, с этой стороны, и вот торговали молоком, торговали рыбой. И я помню, что я в 10 лет меня мама отправляла. **Я покупала рыбу свежую, то есть она настолько была уверена, что рыба была свежая. И я, как ребенок...мне она доверяла. Я могла идти купить эту рыбу. И вот маленького брата кормить, там готовить ему, потому что мама работала, не была. Молоко мы покупали тоже так же, мясо там. Ну вот мама мясо покупала уже. Не я то есть. Вот такое** (Владимирцева).*

(2) *Ягодой как таковой никогда не торговали почему-то. Хотя наверняка были у кого-то сады же свои, но, видимо, настолько мало было этих кустиков, что они только себя обеспечивали. Но зато в магазине продавались всегда в баночках всякие варенья, которые тоже можно было. **Повидла, которые покупали и ели безбоязно. А сейчас...***(Владимирцева).

(3) *Фармфабрики тоже вот... фармацевтическая в Усолье была. **У нас здесь фармфабрика была и лекарства были без подделок всяких. Мы их покупали. Мы знали, что ими можно пользоваться, можно было употреблять, лечиться. А теперь одни же подделки*** (Владимирцева).

В фрагментах из интервью с Г. М. Владимирцевой эксплицируется представление о существовании в прошлом качественных продуктов, при этом наиболее важным для говорящего оказывается отсутствие опасности (и, следовательно, страха), связанной с их употреблением: (1) *Я покупала рыбу свежую, то есть она настолько была уверена, что рыба была свежая. И я, как ребенок...мне она доверяла. Я могла идти купить эту рыбу;* (2) *Повидла, которые покупали и ели безбоязно;* (3) *У нас здесь фармфабрика была и лекарства были без подделок всяких. Мы знали, что ими можно пользоваться, можно было*

употреблять, лечиться. При этом создаётся оппозиция «тогда ⇔ сейчас» (наличие качественных продуктов в прошлом противопоставляется их отсутствию в настоящем; следовательно, имплицитно представлена информация ‘сегодня существует опасность, связанная с причинением вреда здоровью некачественными продуктами’): (2) *Повидла, которые покупали и ели безбоязно. А сейчас...*(3) *Мы знали, что ими можно пользоваться, можно было употреблять, лечиться. А теперь одни же подделки.*

■ **Безопасность как уверенность в завтрашнем дне (стабильность)**

(1) *Так что, ну, оглядываясь назад, что бы я хотела вернуть, я хотела бы вернуть вот эту стабильность, это чувство уверенности, я, я должна жить, я должна жить в своем государстве с уверенностью в завтрашнем дне, я должна быть уверена, что сегодня ночью, вечером не ограбят... не убьют, не пырнут ножом, не отнимут мои, господи, в сумочке-то денег-то, у учителей откуда они, они пожизненно не были, не отнимут сумочку с документами, самое главное, потом документы восстанавливать – это такое нудное дело. Вот я бы хотела бы вот эту стабильность, эту уверенность в завтрашнем дне (Кочкова).*

(2) *Нет глобального внутреннего перестро... перестройства страны, переустройства. Нет того, чтобы человек почувствовал, да, вот, вот, вот мне уже, я спокоен за свою семью, я спокоен за своих детей, у меня впереди прекрасное будущее. Вот этого чувства как не было, было похожее на это чувство во времена царствования коммунизма на нашей стране, в нашей стране, но это было такое поверхностное восприятие предмета, а по глубинному вот чувству никогда в России, особенно сейчас, вот нет уверенности в завтрашнем дне, и это плохо (Сериков).*

(3) *И люди не были так суетными, вот этими... Была уверенность в завтрашнем дне, да, была уверенность в завтрашнем дне. И вот именно, что не были суетными, то есть мы всё планировали. Вот даже и мы, поженившись, на что нам было рассчитывать – ну вроде бы только на свои стипендии. Жили, и нам хватало. Ну, у него [мужа. –*

авт.], как у горного... на горном факультете самая высокая была тогда стипендия. А у меня стипендия 22 рубля была по тем временам или 220. В общем, и у него 500 там с лишним. **Нам хватало** (Владимирцева).

(4) *И я считаю, что зря, что ликвидировали и потеряли мы вот эти вот производства, как обувную фабрику, в Черемхово чулочно-носочную. Потом у нас была трикотажная фабрика – тоже мы ее потеряли. Но и много, так сказать, было фабрик, которые обеспечивали и рабочими местами жителей нашего города. И поэтому люди были как-то спокойны. Вот именно, как муж говорит: уверенность в завтрашнем дне, что вот у них есть рабочее место, будет аванс, будет зарплата. И планировали, что купить в этот раз, что купить в следующий раз. И будущи даже мы молодыми, тогда это как-то было принято и удобно, мы покупали все в кредит, когда начинали вот жить. Мы все покупали в кредит, и от зарплаты прямо на работе высчитывали определенную сумму. Нам хватало. Мы каждый год куда-то ездили с детьми. Сначала с одним ребенком, потом с двумя детьми мы каждый год ездили везде. И мы побывали во многих городах. Мы были и в Москве, и в Прибалтике в нескольких городах. Мы были в Казахстане. Мы были на Востоке. Ну, и на Украине. Мы много объездили, потому что билеты были дешевые, доступные, получали отпускные. Ну к этому немножко где-то подкапывали и ехали. Ну, хорошо. Не гнались ни за какими границами, и нас они не устраивали, на юге сколько и хорошо было. Я думаю, что это было лучшее, спокойствие было, и стабильность была* (Владимирцева).

(5) *Вернуть коллективизм того времени, взаимопомощь. Вспомнить только «Моральный кодекс» в стро.ой, как то? «Моральный кодекс строителей коммунизма»... этот «Моральный кодекс» был списан практически полностью с нагорной проповеди Иисуса Христа, десять заповедей. Была и взаимовыручка, уверенность в завтрашнем дне, уверенность в том, что дети достойную работу, учебу получают, могли учиться, где хотели, как хотели* (Калошин).

(6) *То есть был ммм сравнивая то и прошлые годы, хоть и там трудно жилось, но люди если получали, допустим,*

заканчивали какие-то институты, получали, они были уверены, что им предоставят место работы, квартиру, а сейчас вот это образование, даже два имеют, люди не могут устроиться никуда, вот что это за жизнь? (Полякова)

В данном случае для субъектов наиболее значимым в прошлом оказывается уверенность как отсутствие чувства страха перед будущим, как наличие в будущем некоторых социальных гарантий ((1) *я должна жить с своим государстве с уверенностью в завтрашнем дне, я должна быть уверена, что сегодня ночью, вечером не огра... не ограбят, не убьют... Вот я бы хотела бы вот эту стабильность, эту уверенность в завтрашнем дне;* (3) *была уверенность в завтрашнем дне, да, была уверенность в завтрашнем дне. И вот именно, что не были суетными, то есть мы всё планировали. Вот;* (4) *и поэтому люди были как-то спокойны. Вот именно, как муж говорит: уверенность в завтрашнем дне, что вот у них есть рабочее место, будет аванс, будет зарплата... Я думаю, что это было лучшее, спокойствие было, и стабильность была;* (5) *уверенность в завтрашнем дне, уверенность в том, что дети достойную работу, учебу получают, могли учиться, где хотели, как хотели;* (6) *заканчивали какие-то институты, получали, они были уверены, что им предоставят место работы, квартиру).*

Интересно, что говорящие куда чаще используют не краткую форму прилагательного (*я должна быть уверена; люди были как-то спокойны*), а отадективные существительные (*была уверенность в завтрашнем дне, да, была уверенность в завтрашнем дне; я бы хотела бы вот эту стабильность, эту уверенность в завтрашнем дне; уверенность в завтрашнем дне, что вот у них есть рабочее место, будет аванс, будет зарплата... Я думаю, что это было лучшее, спокойствие было, и стабильность была*), что позволяет утверждать: интервьюируемые концептуализируют данную ситуацию как максимально неопределённую (не назван субъект, которому приписывается данный признак, уверенность и спокойствие осмысляются как характеристики, присущие всем жившим в СССР).

Уверенность в будущем как дискурсивный феномен связана прежде всего с получением ряда возможностей и материальных благ (жильё, место работы, образование). При этом иные возможности, которые стали доступны после распада Советского Союза, оцениваются отрицательно: (4) *Не гнались ни за какими*

границами, и нас они не устраивали, на юге сколько и хорошо было – форма мн. ч. выражает пейоративное отчуждение (субъект дискурса относит данную реалию к области «чужого», оценивает её отрицательно). Важными оказываются представления об отсутствии преступности (см. пример (1)), получении достаточного количества материальных средств ((3) *на что нам было рассчитывать – ну вроде бы только на свои стипендии. Жили, и нам хватало*), возможности планирования расходов ((4) *И планировали, что купить в этот раз, что купить в следующий раз*). Значима и идея спокойствия: (2) *нет того, чтобы человек почувствовал, да, вот, вот, вот мне уже, я спокоен за свою семью, я спокоен за своих детей, у меня впереди прекрасное будущее*; (4) *и поэтому люди были как-то спокойны... я думаю, что это было лучшее, спокойствие было, и стабильность была*.

Надо отметить, что уверенность концептуализируется как чувство ((1) *это чувство уверенности*; (2) *Нет того, чтобы человек почувствовал, да, вот, вот, вот мне уже, я спокоен за свою семью, я спокоен за своих детей, у меня впереди прекрасное будущее. Вот этого чувства как не было, было похожее на это чувство во времена царствования коммунизма на нашей стране, в нашей стране*). Следовательно, уверенность в будущем осмысляется не как отрефлексированная оценка ситуации, а как некоторое психофизическое ощущение (или душевное переживание). Отдельного рассмотрения заслуживает специфика репрезентации представления об уверенности в высказывании (2). Интервьюируемый говорит о поверхностности уверенности в будущем, существовавшей у людей, живших в СССР: *во времена царствования коммунизма на нашей стране, в нашей стране, но это было такое, поверхностное восприятие предмета*. Следовательно, субъект речи отрицает подлинность данного феномена, утверждает, что истинной уверенности в будущем никогда не было: *а по глубинному вот чувству никогда в России, особенно сейчас, вот нет уверенности в завтрашнем дне, и это плохо*.

Идеалы

Осмысление субъектами речи советского как феномена осуществляется через призму определённой системы ценностей, так или иначе детерминированной советским дискурсом. Представления об этой системе ценностей могут быть явлены в тексте эксплицитно, декларированы самим говорящим:

(1) *Вернуть коллективизм того времени, взаимопомощь. Вспомнить только «Моральный кодекс» в стро..ой, как это? «Моральный кодекс строителей коммунизма»... этот «Моральный кодекс» был списан практически полностью с Нагорной проповеди Иисуса Христа, десять заповедей. Была и взаимовыручка, уверенность в завтрашнем дне, уверенность в том, что дети достойную работу, учебу получают, могли учиться, где хотели, как хотели (Калошин).*

(2) *Но с другой стороны, конечно, в СССРе мы жили как единая семья, у нас были свои принципы, у нас были свои идеалы, мы были воспитаны так по заповедям, сейчас я скажу, именно, мы были воспитаны хоть в коммунистическом государстве, но мы были воспитаны по заповедям Божьим: не укради, не убий, не желай зла другому, не возлюби друга сво эээ жены друга своего и так далее, все вы знаете эти заповеди. Так что [улыбается], мне так интересно сопоставлять принципы нашего соцгосударства с заповедями Божьими. Мы действительно тогда в нашем государстве жили по заповедям Божьим, но не все, конечно (Кочкова).*

(3) *Это родители, которые, сейчас дети девяносто третьего, восемьдесят пятый год, это родители, которые не знали, что такое советское государство, не знали, что такое Комсомол, не прошли через пионерскую организацию, это, в сущности, люди, которые воспитаны были сугубо как индивидуумы. Каждый родитель видит в своем ребенке талантливого человека. И плюс к этому у родителей нету вот таких крепких моральных основ, чтоб привить их к своему ребенку. И поэтому, я считаю, в СССР, в нашем родном Советском Союзе, детей-то воспитывали именно по этим десяти заповедям Божьим. Господи, услышали бы это коммунисты, конечно. По-иному если интерпретировать все эти принципы «Морального кодекса строителей коммунизма», ну в принципе, так оно и сходится (Кочкова).*

(4) *Я вспоминаю, что и фестивали были, и всё... Вот, в педучилище у нас. Ходили по местам боевых сражений наших партизан, где-то...сибирских. Ходили, собирали материалы о людях, героях труда, героях войны... Вот, настолько, вот, в*

педучилище на первом месте была патриотическая работа. Патриотическая. И я сама, как завуч... вот, это... самое важное – воспитать любовь к своему народу, к своей Родине, к своему городу, к своей стране. А сегодня, я думаю, немножко это всё расплывчато (Жмур).

(5) И с другой стороны я отношусь к развалу СССР отрицательно почему, потому что с развалом СССР не... не осталось ничего такого идеального. Вот мы жили в советское время, у нас был идеал. Жить честно, жить справедливо, поступать справедливо, и отец вот... эээ... поэтому я могу сказать, отец мой – коммунист, сталинист, я уже говорила, он нас всегда учил: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». И идея у него была такая тоже, как в песне поется: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Вот мы по таким критериям, можно сказать, и жили. По-моему, вся Россия так и жила. Мы брали пример с героев Гражданской войны, мы знали все эти патриотические песни, мы были октябрятами, мы давали верность Октябрю (Кочкова).

(6) И всё стало появляться: и продукты, и это самое, и люди были не такие, понимаешь, люди были не такие, ходили друг к другу в гости по-соседски, все праздники справляли как-то, и на демонстрацию ходили, весело было, придёшь на демонстрацию – там все свои, под музыку пройдешь, вот, так что это... И чувствуешь, что это праздник, что это 1 Мая, что это 7 Ноября, да здоровствует Великая Октябрьская революция, пионерами мы были, комсомольцами были, ну не знаю, совесть была, а сейчас все наглые, бессовестные сейчас, у нас царь – это деньги, деньги, алчность уже всех заела, проституция развита (Иванова).

Интересно, что экспликация определенного набора идеальных ценностей [(1) коллективизм того времени, взаимопомощь... взаимовыручка, уверенность в завтрашнем дне; (2) у нас были свои принципы, у нас были свои идеалы; (3) воспитать любовь к своему народу, к своей Родине, к своему городу, к своей стране; (4) вот мы жили в советское время, у нас был идеал. Жить честно, жить справедливо, поступать справедливо; (5) совесть была] оказывается связана с апелляцией к прецедентным текстам – «Моральному кодексу строителя комму-

низма» [см. фрагменты (1) и (3)] и Библии [см. фрагменты (1), (2) и (3)]. Субъекты дискурса стремятся сопоставить два этих текста, отметить тождество системы ценностей, декларируемой в них, никак не комментируя (и, видимо, не ощущая) противоречия: религиозный и коммунистический (т. е. атеистический) тексты признаются тождественными по своим содержательным характеристикам (набору нравственных императивов). Прецедентными оказываются и тексты песен [см. фрагмент (5): *И идея у него была такая тоже, как в песне поется: «Раньше думай о Родине, а потом о себе»; мы знали все эти патриотические песни*]. Субъекты дискурса концептуализируют названные ими тексты как первоисточник тех принципов и представлений, носителями которых, по их мнению, являлись люди, жившие в Советском Союзе.

Другой основой для формирования у людей идеальных ценностей становятся различные социальные институты: (3) *родители, которые не знали, что такое советское государство, не знали, что такое Комсомол, не прошли через пионерскую организацию... И плюс к этому у родителей нету вот таких крепких моральных основ, чтоб привить их к своему ребенку* (имплицитируется мысль ‘только у родителей, которые были пионерами и комсомольцами, есть крепкие моральные основы’); (4) *мы были октябрятами, мы давали верность Октябрю*; (5) *Вот настолько вот в педучилище на первом месте была патриотическая работа. Патриотическая*; (6) *пионерами мы были, комсомольцами были, ну не знаю, совесть была*. Важной оказывается и идея ориентации на образцы, как существующие для говорящего лишь в качестве прецедентного имени ((5) *мы брали пример с героев Гражданской войны*), так и имеющие к нему непосредственное отношение (*отец вот... эээ... поэтому я могу сказать, отец мой – коммунист, сталинист, я уже говорила, он нас всегда учил: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»*).

Субъекты дискурса эксплицитируют представление о смене системы ценностей, утрате значимости прежних идеалов, формируя тем самым оппозицию «тогда ⇔ сейчас»):

(1) *Жили, ну более, так сказать, возвышенным, что ли, каким-то тонусом. Вообще, чувство долга, чувство Родины – это... это действительно было. Оно, может быть, навязчиво порой было вот этими лозунгами, но во всяком случае, в этом плане... А сейчас-то ни чувства долга, ни чувства Родины, ни чувства ответственности. Ничего*

нет. Что хочу, то ворочу. Это мне не нравится. С другой стороны, конечно, вот то, что дали возможность людям все-таки воспользоваться ну теми же, допустим, квартирами, теми же участками и так далее свободно... выезд за рубеж. Пожалуйста, есть у тебя желание и возможности – езжай, посмотри (Шарлова).

(2) Телевидение, все средства массовой информации нагнетают этот разврат, террор, безнаказанность. Вообще, конечно, все идет от средств массовой информации. Вот они, в основном, и развращают молодежь. Вот действительно говорят, посмотрят этих фильмов, не только американских, теперь и наши ради ...эээ ...больших денег...ради больших денег, ради бизнеса, ради карьеры идут на всё. Я вот что хочу сказать (Кочкова).

Для экспликации представления о системе ценностей прошлого интервьюируемые используют лексемы, обозначающие реалии, положительно оцениваемые социумом [(1) *взаимопомощь, взаимовыручка*; (2) *любовь к своему народу, к своей Родине, к своему городу, к своей стране*; (5) *совесть*; (7) *чувство долга, чувство Родины*], тогда как представления о современной системе ценностей репрезентированы с помощью лексем, обозначающих реалии, отрицательно оцениваемые социумом [(6) *наглые, бессовестные сейчас, у нас царь – это деньги, деньги, алчность уже всех заела, проституция развита*; (8) *разврат, террор, безнаказанность*]. Значимым оказывается не только существование явлений, отрицательно оцениваемых говорящим, но и отсутствие явлений, оцениваемых положительно: (7) *а сейчас-то ни чувства долга, ни чувства Родины, ни чувства ответственности. Ничего нет – что хочу, то ворочу*. При этом ключевую роль в формировании системы ценностей говорящие отводят СМИ и кинематографу (в отличие от советского прошлого, где значимыми были прецедентные тексты, социальные институты и личный пример других людей, см выше): (8) *телевидение, все средства массовой информации нагнетают этот разврат, террор, безнаказанность; Вообще, конечно, все идет от средств массовой информации. Вот они в основном и развращают молодежь. Вот действительно говорят, посмотрят этих фильмов, не только американских, теперь и наши...* Интервьюируемый использует глагол *развращать* (несов. к *раз-*

вратить – ‘довести до морального разложения’ [МАС]), позволяющий ему представить некоторую группу людей (*молодежь*) как пассивный объект воздействия со стороны СМИ, причём данное воздействие приводит к определённому результату – моральному разложению. Ориентация на идеальные ценности, по мнению интервьюируемых, вытесняется стремлением к накоплению материальных благ: (6) *у нас царь – это деньги, деньги, алчность уже всех заела*; (8) *ради ... эээ... больших денег... ради больших денег, ради бизнеса, ради карьеры идут на все*.

Однако определённая система ценностей не всегда находит эксплицитное выражение в текстах интервью. Гораздо более показательны примеры, где ценностные ориентиры представлены в пресуппозиции. Интервьюируемые в этом случае не декларируют набор нравственных императивов (что подразумевает некоторую рационализацию, попытку осмыслить нечто на рациональном уровне), а концептуализируют данные представления как нечто само собой разумеющееся, единственно правильное. Анализ материала позволяет выявить апелляцию к следующим ценностям:

- необходимость достижения цели, несмотря на жизненные трудности;
- значимость признания достижений/достоинств субъекта другими людьми;
- признание в качестве определяющей профессиональной/учебной деятельности человека;
- причастность к жизни государства.

Рассмотрим подробнее специфику концептуализации представлений в каждом из перечисленных фрагментов.

(1) *Я в 47-ом году кончала, нас тринадцать человек весь физмат был. Закончили. Во время войны же никто не хотел, не мог учиться. Просто не могли учиться. А мы вот преодолевали эти трудности, раз уж мы попали в такую струю, видимо, надо было преодолеть. Теперь-то ты должен, должен до конца довести свое дело. Вот и мы... мы в колхозы...у нас ни одной... свободного лета не было ни одного!* (Васильева)

(2) *А вы знаете, как-то вот наше детство, мать у нас была безграмотная. Как-то мне очень хотелось именно вот работать в бухгалтерии. Почему-то мне так сильно хоте-*

лося. Как-то вот я ходила в детстве платить за электроэнергию. Приду в бухгалтерию, мне казалось, такие там люди сидят, настолько было приятно на них посмотреть, что они вот именно работают с бумагами, с цифрами работают. Я вот своё в детстве вот это всё запечатлила и дала свою цель, что я, может быть, тоже пост когда-нибудь буду сидеть, также буду писать, буду считать. **И свою цель, конечно, я это свою цель как поставила свою цель, так и к этой цели шла, свою цель я и добила.** Мне, конечно, было очень интересно работать в совхозе «Ангарском». Я работала главным экономистом. Мне очень интересно было считать рентабельно хозяйство (Трегубова).

В приведённых выше фрагментах для интервьюируемых единственно возможным сценарием поведения является преодоление жизненных трудностей для достижения поставленной цели. При этом в высказывании (1) интервьюируемый репрезентирует представление о ситуации (учёбе в университете во время Великой Отечественной войны) в рамках деонтической модальности: *А мы вот преодолевали эти трудности, раз уж мы попали в такую струю, видимо, надо было преодолеть. Теперь-то ты должен, должен до конца довести свое дело.* Следовательно, для субъекта речи достижение поставленной цели, преодоление некоторых трудностей является чем-то необходимым (имплицитно представлена информация 'нельзя отступать перед трудностями').

В высказывании (2) субъект речи репрезентирует представление о последовательности действий, служащих для достижения поставленной цели (*поставила, шла, добила*), глагол *идти* позволяет концептуализировать процесс достижения желаемого через метафору пути (представление о постепенном, пошаговом движении). Для экспликации представления о результате своей деятельности интервьюируемый использует глагол *добиться* ('достичь поставленной цели или каких-л. результатов путем усилий и стараний' [МАС]). В семантике данного глагола в качестве пресуппозиции представлена информация 'приложить какие-либо усилия и старания'. Следовательно, говорящий не мыслит возможность получения желаемых результатов без каких-либо усилий, направленных на преодоление трудностей.

Другую группу фрагментов объединяет идея значимости для человека признания его достоинств / достижений окружающими:

(3) Конечно, даже сейчас, когда она ушла из жизни, её очень жалко и тяжело было с ней расставаться, потому что она всё всю жизнь отдала нам. Она двадцать семь лет осталась одна с двумя детьми, с нами, и так всю жизнь прожила. **И, конечно, мы у ней были гордость. Она за нас никогда не краснела, ей было всегда приятно, что мы были трудолюбивые** (Трегубова).

(4) А у нас этого не было. Нам родители из каких-то из тряпочек нам нашили кукол небольших. Мы ходили по... по лужайкам, собирали стеколушки, это у нас была вроде как посуда, этим мы самым занимались, играли. **За нас родители были очень спокойные, что мы не какими-то... из нас не выросли ни преступники, ни хулиганы. Мы выросли все ответственными, хорошими людьми. Гордостью наших родителей выросли мы** (Трегубова).

(5) Но сейчас, конечно, у нас мечта и, как говорится, заложено, чтоб у нас дети были так же, всё у детей было прекрасно, и так же наши внуки, такие же были **ответственные, как мы были ответственные перед своими родителями** (Трегубова).

(6) Ну, знаешь, когда работаешь, то тебя все любят, в нача... в начальники, я всегда была у начальника в по... в почёте, что я всегда выполняла, я же работала, а вот, а за это же любят, а не любят за то, что не работаешь. **Работу не выполняют, а если выполняют работу, любой будет любить** (Кузнецова).

(7) «Вы ворвались в наши души, как ураган, как неизбежный запас энергии, которой Вы заразили всех учеников нашей школы. С Вашим приходом в нашу школу как бы произошла революция по отношению к прекрасному. С Вами мы почувствовали себя значимее и востребованнее во всех сферах. Ну а о самостоятельности и говорить не стоит. В этой области вы произвели фурор!» – ну, Людмила Николаевна как всегда. Даже не удивительно! И до сих пор не изменились (Жмур).

(8) – Грамот у Вас много...

– Да что же мне. **Для того и работала** (Говорина).

Фрагменты (3), (4) и (5) иллюстрируют ориентацию субъекта речи на мнение родителей: они оказываются нравственным ориентиром, их положительная оценка концептуализируется как нечто необходимое для положительной оценки себя самим говорящим: (3) *и, конечно, мы у ней [у матери. – авт.] были гордость. Она за нас никогда не краснела, ей было всегда приятно, что мы были трудолюбивые;* (4) *За нас родители были очень спокойные, что мы ни какими-то, из нас не выросли ни преступники, ни хулиганы. Мы выросли все ответственными, хорошими людьми. Гордостью наших родителей выросли мы.* Если как необходимое отношение родителей к детям мыслится *гордость* ('чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-л.' [МАС]), то от детей в отношении родителей требуется *ответственность* ((4) *и так же наши внуки, такие же были ответственные, как мы были ответственные перед своими родителями*). Прилагательное *ответственный* с предлогом *перед* может употребляться только в своём первом значении (1. 'такой, который несет ответственность (в 1 знач.) за кого-, что-л.'; ответственность – 1. 'обязанность, необходимость давать отчет в своих действиях, поступках и т. п. и отвечать за их возможные последствия, за результат чего-л.'), следовательно, родители являются для интервьюируемого субъектом, не только наделённым правом оценивать его действия, но и таким, которому он обязан давать отчёт в своих поступках, на мнение которого он должен ориентироваться в первую очередь.

В фрагментах (6), (7) и (8) оценка окружающих связана уже не с личностью человека, а с его профессиональными качествами и достижениями. В фрагменте (8) субъектом оценки, на который ориентируется говорящий, является руководство: *когда работаешь, то тебя все любят, в нача... в начальники, я всегда была у начальника в по... в почёте, что я всегда выполняла, я же работала, а вот, а за это же любят... если выполняют работу, любовью будет любить*. Наиболее весомым качеством, определяющим положительное отношение к тебе руководителя, по мнению интервьюируемого, является трудолюбие. Интересно, что представление о положительном отношении руководства к подчинённым интервьюируемый репрезентирует с помощью глагола *любить* ('испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л.' [МАС]) и существительного *почёт* ('уважение, оказываемое кому-л. об-

ществом, окружающими людьми? [МАС]). Следовательно, для говорящего важно уважение и субъективное расположение, симпатия руководства как признание собственного трудолюбия.

В фрагменте (7) интервьюируемый зачитывает цитату из вручённого ему благодарственного письма: *с Вами мы почувствовали себя значимее и востребованнее во всех сферах*. Особую ценность приобретает ощущение человеком собственной значимости и востребованности, основанное на участии в ситуации оценки ещё одного субъекта (ориентация на окружающих, на коллектив, на авторитеты, в нём существующие). В данном примере именно интервьюируемый становится ориентиром для оценки, а её субъектом является адресант благодарственного письма.

Субъектом оценки могут быть не только конкретные люди. В фрагменте (8) интервьюируемый в качестве цели своей работы называет получение грамот: – *Грамот у Вас много... – Да что же мне. Для того и работала*. В данном случае грамота осмысливается говорящим как некоторый знак, свидетельствующий о признании его профессиональных качеств и достижений. При этом грамота как знак репрезентирует уже не некоторую личную, субъективную оценку, а безлично-объективное признание заслуг адресата. Именно подобное признание оказывается для интервьюируемого основной целью профессиональной деятельности: *для того и работала*.

Представления о важности профессиональной и учебной деятельности в жизни человека отражены в следующей группе примеров:

(9) *Вот. Вот это, вот эти годы мне забыть очень сложно, очень трудно, потому что вот тяжело. Вот кому не дано, Даша, тому не дано. Вот медицина, говорю, мне дана. Видимо, я мечтала с детства, папа медик был все-таки, мама тоже. Меня тянуло в это дело. А на завод, вот как мне, как идти на завод – меня тошнит. Вот ты знаешь, вот самым настоящим образом. Вот тошнит. Вот гарь, запах гари. К заводу подходишь, и вот эти станки, они же режут металл все время. Вот запах гари все время чувствовался около Дворца пионеров уже. Вот подходишь к Дворцу пионеров, начинает подташнивать. Думаю, ну как избавиться от этого завода! Вот, ну никак! А что делать? На работу приходила, честно же работали. Это*

сейчас шаляй-валяй где-то. А раньше же нет. Отдавали все свои силы. Ну, и в общем, это... (Рютина).

(10) *Наше студенчество. Ну, я работала и училась заочно. Ну, знаете, да, настолько это всё было серьёзно, как-то вот мы относились к учёбе со всей серьёзности. Как раньше говорили: Ой, надо учиться на... на заочно. А вы знаете, как интересно учиться на заочном! Я всё совмещала, свою всю работу со своей работы, что я работала, то на такой факультет я и поступила. Мне было очень легко учиться и работать. Я зако... я за... защитила диплом, конечно, на отлично, и из меня, как я считаю, получился неплохой специалист. Я своё всё, как говорится, то, что мне страна доверила, то, что я закончила вуз, я знаю, что св... свои все знания оправдала на работе* (Трегубова).

(11) *Я считала, что он действительно жизнь прошел, про... прожил более э... с большей отдачей для Родины, чем я. Я э... хоть боролась со всеми трудностями жизни, но я все-таки не воевала, не... не... оказалась...я в мирное время сюда... прожила: здесь над нами бомбы не взрывали, так сказать, военных действий не наблюдали непосредственно. Поэтому я как-то отдавала ему предпочтение всегда в жизни, что он у меня в семье герой, и он мне помог, конечно, своим вот отношением к делу, которое он после войны получил, занимался которым. Он действительно очень сильное влияние оказал на моих детей. Ну... а в общем-то, надо сказать, конечно, я не безучастна была, естественно, для своих детей. Я тоже труженица, я всю жизнь трудилась. Я проработала после ухода на пенсию еще шестнадцать лет* (Васильева).

(12) *Ну, из этих всех выпускников у нас всего было двое выпускников среднего образования, остальные все были с высшим образованием. Наш один, один наш шко... наш одноклассник, это он был рождения Савватеевка Иркутского района, он уже стал генералом, уже служит в Москве, генерал, и вот он приехал на выпускной... на встречу выпускников. Конечно, наши учителя были очень нашим выпускком довольны, что вот такие... такой сильный класс, такие сильные ученики. Конечно, из нас получились неплохие изо всех специалисты. Мы очень ответствен-*

ные люди, очень так... и у нас как-то, нас ценили, уважали, что мы свои знания, мы оправдали. Свои знания в работе применили, и были все лучи... хорошие специалисты (Трегубова).

(13) **И вот, слава богу, что у всех наших друзей выросли очень приличные, достойные граждане нашей Родины и нашего города. И тоже занимают приличные всякие там посты. И работают, и нет у нас ни тунеядцев, ни таких каких-то (Владимирцева).**

(14) **Дочь у меня занимается коммерческой службой, она сейчас уже ра...открыла фирму по туризму, и рекламное бюро, фирму рекламного бюро открыла, и сейчас уже помогает ей во всем дочь в работе. Внуки у меня учатся прекрасно, у меня внучка – лучшая студентка института. А внук – лучший ученик лицея восьмого класса, закончил лучший ученик в классе (Трегубова).**

(15) **Дети остались в Иркутске. Младший сын служил под Москвой в кавалерии. Зовут его Игорь. Игорь Валентинович Полетаев. Вот. Видите, какие у него перекрещенные сабли и подкова. Вот. Служил в кавалерии, снимался в кинофильмах. Вот. Старший сын у меня служил на границе с Китаем. Зовут его Павел Валентинович Полетаев. Танкистом был. Значит, у нас как бы это... эстафета. Старший мой дядя... Ой, он не старший... Подождите... Почему это старший... У меня четыре дяди. Дмитрий артиллеристом был, Константин служил на границе с Китаем, Георгий водил Катюшу, а Павел танкистом был. И вот мой Павел тоже служил в танковых войсках. Досталось ему жутко. Как раз эти китайцы всё время нарушали границу. Несколько раз вырезали заставы полностью. И однажды с танков сняли всю видеотехнику. Ой, это, наверное, не надо (Полетаева).**

Идея важности определённой профессиональной или учебной деятельности в жизни человека для интервьюируемых оказывается напрямую связанной с представлением о долге, ответственности перед некоторым неопределённым субъектом. См. фрагмент (9): **А на завод вот как мне, как идти на завод – меня тошнит. Вот ты знаешь, вот самым настоящим образом. Вот**

тошнит. Вот гарь, запах гари... Вот подходишь к Дворцу пионеров, начинает подташнивать. Думаю, ну как избавиться от этого завода! Вот, ну никак! А что делать? На работу приходила, честно же работали. Это сейчас шалляй-валяй где-то. А раньше же нет. Отдавали все свои силы (представление о необходимости работать с полной отдачей, несмотря на плохое физическое самочувствие). В фрагментах (10) и (11) в качестве субъекта, перед которым ощущает себя ответственным говорящий, осмыслиется государство: (10) *Я зако... я за защитила диплом, конечно, на отлично, и из меня, как я считаю, получился неплохой специалист. Я своё всё, как говорится, то, что мне страна доверила, то, что я закончила вуз, я знаю, что св... свои все знания оправдала на работе;* (11) *Я считала, что он [муж. – авт.] действительно жизнь прошел, про... прожил более э... с большей отдачей для Родины, чем я. Я э... хоть боролась со всеми трудностями жизни, но я все-таки не воевала, не... не... оказалась...я в мирное время сюда... прожила: здесь над нами бомбы не взрывали, так сказать, военных действий не наблюдали непосредственно.* В приведённых выше высказываниях идея выражена имплицитно (представлена как пресуппозиция (фрагмент (10): ‘получение высшего образования – это доверие государства, которое затем необходимо оправдать в своей работе’; фрагмент (11): ‘жизнь человека должна быть прожита с максимальной отдачей для государства’)). Представление о полученном образовании как о доверии государства, которое затем необходимо оправдать (подтвердить своё право на уже полученное образование) появляется и в высказывании (12): *Конечно, из нас получились неплохие изо всех специалисты. Мы очень ответственные люди, очень так и у нас как-то нас ценили, уважали, что мы свои знания, мы оправдали. Свои знания в работе применили, и были все лучш... хорошие специалисты* (пресуппозиция ‘хороший работник должен применить в работе полученные знания’). Следовательно, в высказываниях (10) и (12) предметом, за который субъект несёт ответственность перед государством, является полученное образование, а в высказывании (11) идея ответственности перед государством концептуализируется шире: вся жизнь человека (а не только его профессиональная деятельность) должна быть направлена исключительно на пользу государству (см. (11): *Я считала, что он [муж. – авт.] действительно жизнь прошел, про... прожил более*

э... *с большей отдачей для Родины, чем я*. При этом, в отличие от высказываний (10) и (12), не назван предмет, за который несёт ответственность субъект.

Высказывания (13), (14) и (15) объединяет стремление говорящих представить значимых для них субъектов (собственных младших родственников или младших родственников друзей) через их род деятельности: (13) *у всех наших друзей выросли очень приличные, достойные граждане нашей Родины и нашего города. И тоже занимают приличные всякие там посты;* (14) *Дочь у меня занимается коммерческой службой, она сейчас уже ра...открыла фирму по туризму... Внуки у меня учатся прекрасно, у меня внучка лучшая студентка института. А внук лучший ученик лицея восьмого класса, закончил лучший ученик в классе;* (15) *Младший сын служил под Москвой в кавалерии. Зовут его Игорь. Игорь Валентинович Полетаев. Вот. Видите, какие у него перекрещенные сабли и подкова. Вот. Служил в кавалерии, снимался в кинофильмах. Вот. Старший сын у меня служил на границе с Китаем. Зовут его Павел Валентинович Полетаев. Танкистом был.* Как следует из приведенных фрагментов, наиболее значимой для интервьюируемых характеристикой субъекта оказывается его род занятий и служебное положение. В фрагменте (13) субъект речи характеризует детей своих друзей как *приличных, достойных граждан (достойный – 3*. ‘вполне соответствующий кому-, чему-л., обладающий требуемыми достоинствами; 1. *приличный – ‘соответствующий приличиям; пристойный’ [МАС] – в значениях обоих прилагательных ключевой оказывается идея соответствия некоторой норме, эталону, образцу, устанавливаемому некоторым авторитетом*). При этом лексема *граждане* (3. *высок. ‘человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий родине, народу’ [МАС]*), используемая для номинации субъекта в сочетании с существительными *Родина* и *город*, позволяет говорящему актуализировать наиболее значимую, по его мнению, социальную роль человека (человек как гражданин, ответственный перед своим городом и – шире – своей страной). При этом для интервьюируемого, с одной стороны, важно обозначить причастность названных субъектов к органам власти, их высокое социальное положение (указать на успехи субъектов, включённых в личную сферу говорящего: *и тоже занимают приличные всякие там посты*), а с другой стороны, субъект речи им-

плицитно выражает отрицательную оценку данной ситуации (см. использование местоименного прилагательного *всякий* и наречия *там* для выражения пейоративного отчуждения). По всей видимости, это связано с отрицательной оценкой говорящим всех людей, занимающих высокое социальное положение или причастных к власти (см. отрицательную оценку власти в связи с темой равенства, представление о людях, обладающих властью, как о виновниках распада СССР). Следовательно, возникает коллизия: с одной стороны, говорящий оценивает ситуацию причастности к власти отрицательно, с другой – считает необходимым положительно оценить достижения близких ему людей.

В фрагменте (14) для говорящего наряду с успехами в учёбе внуков (*Внуки у меня учатся прекрасно, у меня внучка – лучшая студентка института. А внук – лучший ученик лицея восьмого класса, закончил лучший ученик в классе*) важно отметить профессиональные достижения дочери (*Дочь у меня занимается коммерческой службой, она сейчас уже ра...открыла фирму по туризму, и в рекламное бюро, фирму рекламного бюро открыла*). Интересно, что субъект речи для обозначения рода деятельности дочери использует словосочетание *коммерческая служба* (2. ‘работа, занятия, должность служащего (в 3 знач.), а также место такой работы и само пребывание на ней’ [МАС]), концептуализируя таким образом роль дочери не как руководителя самостоятельно основанной организации, а как лицо кому-либо подчинённое, несамостоятельное, перед кем-либо ответственное (следовательно, именно эти представления связаны для говорящего с идеей какой-либо профессиональной деятельности).

В фрагменте (15) интервьюируемый представляет своих сыновей, называя место их военной службы и род войск, в которых они служили: *Младший сын служил под Москвой в кавалерии. Зовут его Игорь. Игорь Валентинович Полетаев. Вот. Видите, какие у него перекрещенные сабли и подкова... Старший сын у меня служил на границе с Китаем. Зовут его Павел Валентинович Полетаев. Танкистом был.* Значимым для говорящего оказывается не только факт военной службы сыновей (то, что говорящий использует для репрезентации представления о своих детях именно эту их социальную роль, свидетельствует о её наибольшей значимости для субъекта речи), но и идея преемственности службы в их семье: *У меня четыре дяди. Дмитрий артиллеристом был, Константин служил на границе с Ки-*

таем, Георгий водил Катюшу, а Павел танкистом был. И вот мой Павел тоже служил в танковых войсках.

Последняя группа анализируемых высказываний репрезентирует ощущение говорящими причастности к жизни собственного государства:

(16) *Потом улица Терешковой, я за свой район говорю. Терешковой – это была улица Кругобайкальская, единственная в мире, которая шла вокруг Байкала дорога сейчас. Ее нельзя было переименовывать. Пусть Терешковой бы назвали что-то. Это тогда комсомольцы, коммунисты макаронной фабрики, когда Терешковой. Это при мне все было. Мы же... я Нинку рожала в ту ночь, когда Терешкова рожала свою дочь. Родились они у меня в одну ночь, наши дочки, вот я помню это все прекрасно* (Флоренцева).

(17) *Это... вот в тридцать седьмом году мясокомбинату. В тридцать седьмом году мясокомбинат только открылся, вот.... А я... Как раз я родилась. Вот семьдесят лет было мясокомбинату – и мне семьдесят лет. И вот я пришла в комбинат, комбинату только пятнадцать лет было – и мне пятнадцать лет было... И, конечно, оборудование-то...это...все...все...мои колбасы с моей бригады.... А где-то не тут, однако, сосисочки. Хотела Вам показать, не тут, наверное... Как сейчас автоматы работают... Только стой вот, следи и все...* (Говорина).

В обоих примерах интервьюируемые соотносят события своей личной жизни либо с событиями жизни личностей, сыгравших важную роль в истории страны, либо с событиями истории города, значимыми для субъектов речи. В примере (16) для говорящего оказывается значимым совпадение даты рождения её дочери и дочери В. В. Терешковой (**Мы же... я Нинку рожала в ту ночь, когда Терешкова рожала свою дочь**). Идея «совпадения» в одной временной точке двух событий [значимого лично для говорящего и значимого для личности, сыгравшей важную роль в истории страны (идея важности личности Терешковой для истории выражена в форме запрета (отрицательной оценки) возможности переименования улицы, названной в её честь: *Терешковой – это была улица Кругобайкальская, единственная в мире, которая шла вокруг Байкала дорога сейчас. Ее нельзя было переименовывать. Пусть Терешковой бы назвали что-то*)] имеет

настолько большое значение для говорящего, что он включает совершенно незнакомых ему людей (В. В. Терешкову и её дочь) в свою личную сферу (см. использование маркёров личной сферы: *родились они у меня в одну ночь, наши дочки*).

В фрагменте (17) идея связи жизни человека и судьбы государства концептуализируется как сопоставление момента рождения субъекта речи и времени открытия мясокомбината, на котором интервьюируемая проработала всю жизнь: *В тридцать седьмом году мясокомбинат только открылся, вот... А я... Как раз я родилась*. Говорящий продолжает ряд сопоставительных конструкций, отмечая наиболее значимые для него «точки пересечения» с жизнью комбината (год начала работы, последний юбилей): *Вот семьдесят лет было мясокомбинату – и мне семьдесят лет. И вот я пришла в комбинат, комбинату только пятнадцать лет было – и мне пятнадцать лет было...* Подобный параллелизм позволяет утверждать, что субъект речи не мыслит свою жизнь как нечто отдельное, автономное, собственная жизнь только тогда приобретает для него ценность, когда жизнь оказывается связана с судьбой предприятия, а через него – с судьбой государства.

Дискурсивный анализ позволяет выделить основные черты конструируемой в процессе воспоминаний реальности, артикулируемые в интервью. Коллективизм мыслится как общественный императив и одновременно как компонент структуры личности. Для представителя советского дискурса необходимо чувствовать принадлежность к некоторому коллективу, это обусловлено желанием субъекта солидаризироваться с определённой группой людей, объединённых общими переживаниями, представлениями, ценностями. При этом субъекты мыслят такую группу как состоящую из людей, находящихся в рамках одного социального пространства. Равенство в данном случае концептуализируется как следствие существования одинаковой для всех степени материальной обеспеченности. В рамках указанного представления действительности субъекты анализируемого дискурса относят лиц с более высоким уровнем материального достатка к сфере чужого.

Одной из ключевых оказывается также идея интенсивного труда, работы с высокой степенью самоотдачи: для субъектов дискурса более значим не результат труда, а сам процесс работы,

воспитание ответственного отношения к труду, любовь к которому становится также важным смыслообразующим фактором.

Анализ специфики репрезентации представлений о труде позволяет обнаружить, что наиболее значимыми для субъектов советского дискурса оказываются представления о массовом действии (общем желании такого действия), объединявшем всех. Труд в той или иной мере ориентирован на окружающих, перед которыми субъект дискурса чувствует себя ответственным.

Кроме того, чрезвычайно важным оказывается представление о бескорыстности труда, высокой степени самоотдачи, сильных положительных эмоциях, связанных с деятельностью.

Радость от труда, с одной стороны, связывается с представлением о нужности этого труда (ориентация на востребованность обществом), а с другой – с возможностью и необходимостью приносить пользу социуму.

Феномен безопасности осмысляется как отсутствие преступности, отсутствие сомнений в качестве продукции; уверенность в завтрашнем дне (стабильность).

Важной особенностью концептуализации интервьюируемы́ми представления о безопасной жизни в Советском Союзе становится идея всеобщности, всеохватности этого феномена, таким образом проявляет себя одна из основных стратегий советского дискурса – стратегия генерализации. Особый интерес представляет не осознаваемое субъектами противоречие между декларируемым ими тезисом об отсутствии преступности и теми разнообразными примерами более или менее серьёзных нарушений закона, которые эксплицируют говорящие в воспоминаниях.

Представление о безопасности жизни в СССР становится для говорящих причиной открытости людей, их стремления к общению, к совместному выполнению действий: именно существование коллективизма в прошлом осмыляется как причина отсутствия преступности в Советском Союзе.

Для участников советского дискурса наиболее значимым в прошлом оказывается уверенность как отсутствие чувства страха перед будущим, как наличие некоторых социальных гарантий. Уверенность в будущем как дискурсивный феномен связана прежде всего с получением ряда возможностей и материальных благ (жильё, место работы, образование).

Как следует из проведенного анализа, субъекты советского дискурса концептуализируют артикулируемые представления

как единственно правильные, апеллируя при этом к следующим ценностям: необходимость достижения цели, несмотря на жизненные трудности; значимость признания достижений/достоинств субъекта другими людьми; признание в качестве определяющей профессиональной/учебной деятельности человека; причастность к жизни государства.

2.2.2. Концептуализация представлений о феноменах советского субъектами дискурса современного социума

Описание способов репрезентации феноменов, связываемых с советским прошлым, в интервью субъектов советского дискурса с неизбежностью заставляет обратиться к вопросу о специфике осмысления советского субъектами дискурса современного социума. Предметом анализа и сопоставления в данном случае становится не сам набор феноменов, а специфика концептуализации тех или иных представлений о советском в современном дискурсе.

Коллективизм

Как и субъектам советского дискурса, субъектам дискурса современного социума свойственно представление о коллективизме как одной из основных характеристик жизни в Советском Союзе.

(1) Я вот все описывала, я описывала как бы внешний фактор, но по сути-то здесь можно было сказать и о внутреннем факторе. Как бы советские люди, они более добрее, наверное, друг к другу были, более компанейские, может, даже чего-то не боялись. А вот уже постсоветский, там такой разгильдяйство идет, на все как бы без разницы, что будет дальше, что есть сейчас. Главное, что мне хорошо, мне весело, как бы вот так вот (Шпехт).

(2) – Да, какое-то производство, цивилизация. Но отношения между людьми уже не те. Люди стали озлобленные...

– Ага...

– Многие не доверяют друг другу, боятся... в общем...

– Да. А из советского времени...наверно, отношение к людям...

– Взять, да?

– Да, взять, но не то отношение, ко...которое было, да, в период раскулачивания, репрессий и так далее, да, **а то отношение, когда люди объединялись, когда люди помогали друг другу** (Курбатова).

(3) – А чтобы ты хотела взять из советского периода, если могла бы?

– Я бы хотела взять **эту дружескую обстановку, эту теплую атмосферу, ну, надежность вещей, качество вещей, качество людей, это бы я хотела взять** (Шпехт).

(4) А уже родители, они вообще в другой росли обстановке. Они **росли двором, друзьями, была взаимопомощь** (Шпехт).

(5) Вот, у меня, получается, мама раньше, да, жили когда в общаге, **они дружили семьями. Когда не было никаких... между ними никакой зависти, да, делились всегда раньше, чем могли. Последними, можно сказать, одни сапоги на двоих носили, да** (Курбатова).

(6) – Ну девер... более доверчивое отношение к людям.

– Да... ммм... есть такое мнение, вот мне говорят, дедушка, и бабушка в своё время говорила. **Все, все жили бедно, спокойно, честно, открыто, не было ни зависти, никаких вот современных бытовых...**

– Ну как в выражении, да, все равны в бедности?

– Да, все равны в бедности...

– Иши...

– Им было... **им было душевно, они знали, что никто там сверху не вылезит, да, никто ничего не кичится, то есть все живут ровно, не было зависти** (Рязанцев).

(7) – Ну то есть доверия между людьми было больше.

– Да-да-да, говорит...говорит [бабушка. – авт.], **жили тяжело, но как-то более весело и дружно** (Бельков).

(8) – Я не знаю, вот, как жили когда в Советском Союзе, да? Ну, по рассказам, по крайней мере, жили с соседями, то есть соседи это были не как сейчас. Ты вот, например, знаешь своих соседей?

– Нет.

– Ты с ними здороваешься?

– Да, но я их помню.

– *А вот раньше жили с соседями. <...> Но они, получается, росли всем подъездом, всем домом дети. Родители дружили всей площадкой. Они, собственно, и работали-то как бы на одном предприятии и все равно там, ну, как бы не пересекались ещё что-то. Они дружили всем предприятием. Там если радость, то весь дом радуется, если печаль, то весь подъезд печалится и собирается. Ну, то есть это такое время, эта теплая обстановка не только в каком-то конкретном городе, а во всей стране* (Шпехт).

Если субъекты советского дискурса, эксплицируя представления о коллективизме, стремятся так или иначе подтвердить факт существования данного феномена своим личным опытом, то субъекты дискурса современного социума ввиду отсутствия такового иллюстрируют тезис о коллективизме советских людей трансляцией воспоминаний старших родственников: (4) *а уже родители, они вообще в другой росли обстановке. Они росли двором, друзьями, была взаимопомощь*; (5) *вот, у меня, получается, мама раньше, да, жили когда в общаге, они дружили семьями. Когда не было никаких... между ними никакой зависти, да, делились всегда раньше, чем могли*; (6) *Да... ммм... есть такое мнение, вот мне говорят, дедушка, и бабушка в своё время говорила.*

Как видно из приведённых выше фрагментов, идея объединённости общим пространством жизни (и следовательно, включённости людей в определённый коллектив) и здесь находит своё выражение: (4) *а уже родители, они вообще в другой росли обстановке. Они росли двором, друзьями, была взаимопомощь* (коллектив – дети, живущие в одном дворе); (5) *вот, у меня, получается, мама раньше, да, жили когда в общаге, они дружили семьями* (коллектив – все жители общежития); (6) *но они, получается, росли всем подъездом, всем домом дети. Родители дружили всей площадкой... Они дружили всем предприятием. Там если радость, то весь дом радуется, если печаль, то весь подъезд печалится и собирается* (коллектив – жители одного дома, работающие на одном предприятии). В анализируемых фрагментах текстов интервью используется конструкция «глагол+сущ. в Тв. п.» (*росли двором, друзьями; дружили семьями; росли всем подъездом, всем домом дети. Родители дружили всей площадкой... Они дружили всем предприятием*), позволяющая представить некоторую группу или группы людей объе-

динёнными участием в одном и том же процессе. Интересно, что говорящие чаще связывают своё представление не с конкретной группой людей (окружение родителей в тот или иной период), а с максимально неопределённой и обобщённой группой лиц, о чем свидетельствует использование неопределённо-личной конструкции, позволяющей не называть конкретных участников ситуации ((7) *жили тяжело, но как-то более весело и дружно; (8) а вот раньше жили с соседями*), использование лексемы *люди* без уточняющего определения либо с определением, позволяющим обозначить максимально широкую группу лиц (см. *советские люди* – т. е. все люди, жившие в Советском Союзе: (1) *как бы советские люди они более добрее, наверное, друг к другу были, более компанейские, может даже чего-то не боялись; (2) но отношения между людьми уже не те. Люди стали озлобленные... А из советского времени...наверно, отношения к людям... Да, взять, но не то отношение, ко...которое было, да, в период раскулачивания, репрессий и так далее, да, а то отношение, когда люди объединялись, когда люди помогали друг другу...*), использование местоимений со значением всеобщности ((6) *Все, все жили бедно, спокойно, честно, открыто, не было ни зависти, никаких вот современных бытовых...*), использование отрицательных местоимений ((6) *что никто там сверху не вылазит, да, никто ничего не кичится, т. е. все живут ровно, не было зависти* – отрицание совершения в прошлом действий, негативно оцениваемых говорящим, и отрицание существования в прошлом субъектов, совершавших данное действие). Абстрактные существительные, используемые для характеристики ситуации, свидетельствуют о ещё большей степени неопределённости и обобщённости представлений: (3) *я бы хотела взять эту дружескую обстановку, эту теплую атмосферу.*

В данных примерах находит отражение стратегия генерализации, чрезвычайно характерная для концептуализации представлений о советском, репрезентируемых в текстах интервью: субъекты концептуализируют данную ситуацию как объединение максимально широкой группы лиц.

Показателен в этом смысле фрагмент (8): основанием для оппозиции «тогда ⇔ сейчас» в данном случае становится противопоставление отношений с соседями: *Ну, по рассказам, по крайней мере, жили с соседями, то есть соседи это были не как сейчас.* Говорящий ссылается на мнение людей, имеющих

опыт жизни в Советском Союзе (*ну, по рассказам, по крайней мере*), использует местоимения всеобщности *весь* ('полный, без изъята, целиком' [СОШ]) для выражения идеи объединённости людей в некоторый коллектив, их сплочённости (подобное использование местоимения *весь* позволяет представить совокупность людей как нечто единое: *весь дом, весь подъезд, всем предприятием*). При этом субъект речи выстраивает восходящую градацию, располагает группы людей в зависимости от увеличения их численности: сначала говорит об объединённости людей в рамках лестничной площадки, подъезда, дома (*росли всем подъездом, всем домом дети. Родители дружили всей площадкой*), затем говорит о дружеских взаимоотношениях, объединявших людей, работавших на одном предприятии (*они дружили всем предприятием*), а завершает градационный ряд утверждением об объединённости всех людей, живших в Советском Союзе: *Ну, то есть это такое время, эта теплая обстановка не только в каком-то конкретном городе, а во всей стране*. Таким образом, интервьюируемый в данном фрагменте обобщает личный опыт старших родственников до опыта всех людей, живших в СССР.

Представление о коллективизме (так же, как и в случае с субъектами советского дискурса) оказывается связано с идеей дружеских взаимоотношений ((5) *вот, у меня, получается, мама раньше, да, жили когда в общаге, они дружили семьями*; (7) *жили тяжело, но как-то более весело и дружно*; (8) *они дружили всем предприятием*)), взаимопомощи (*а то отношение, когда люди объединялись, когда люди помогали друг другу...* – единственный пример из интервью с субъектом дискурса современного социума, где находит отражение идея единства, столь характерная для субъектов советского дискурса; (4) *они росли двором, друзьями, была взаимопомощь*; (5) *делились всегда раньше, чем могли*). При этом субъект современного дискурса, в отличие от субъекта дискурса советского, для концептуализации своих представлений о коллективизме не использует метафору семьи.

Говорящие не просто осмысляют данный феномен как утраченный, исчезнувший – в рамках подобного дискурсивного порядка формируется оппозиция «тогда ⇔ сейчас»: (1) *как бы советские люди, они более добрее, наверное, друг к другу были, более компанейские, может, даже чего-то не боялись* – идея изменения ситуации выражена с помощью использования формы сравнительной степени прилагательных; (2) *но отношения меж-*

ду людьми **уже не те. Люди стали озлобленные...** – в форме речевой имплицатуры представлена информация ‘раньше между людьми были другие отношения’ и ‘раньше люди не были озлоблены’; (7) *да-да-да, говорит...говорит [бабушка. – авт.], жили тяжело, но как-то **более весело и дружно*** – сравнительная степень наречия позволяет эксплицировать представление об изменении характеристик ситуации; (8) ***а вот раньше жили с соседями***). Среди причин изменения ситуации информанты отмечают отсутствие опасностей, связанных с взаимодействием с другими людьми ((1) *как бы, советские люди, они более добрее, наверное, друг к другу были, более компанейские, может, **даже чего-то не боялись***) и всеобщее равенство ((6) *они знали, **что никто там сверху не вылезит, да, никто ничего не кичится, то есть все живут ровно, не было зависти***). Однако чаще всего говорящие связывают отсутствие феномена коллективизма в современности с развитием технологий, создающих новые возможности для времяпрепровождения (см. фрагмент (11)) и новые способы коммуникации (см. фрагменты (9) и (10)).

(9) *И началось это все с девяностых годов, и продолжается по нынешнее время, потому что уже сейчас видно, что люди меньше общаются друг с другом в реальной жизни, больше общаются по телефону, через интернет и так далее, и тому подобное* (Глинский).

(10) – *Раньше не было, да, такого... не было какой-то ...
– А есть ты в «Вконтакте»?*

– *А есть ты в «Вконтакте»? Да. **Раньше не было интернета, раньше не было социальных сетей, раньше всё было намного проще*** (Курбатова).

(11) *Ну, конечно, ну что, может, она отличалась, у них не было столько каналов по телевизору [смеётся], поэтому у них больше времени занимало какие-то другие развлечения. Больше времени пр...проводили, общаясь. Вот. Ну, у нас сейчас не так* (Шелковникова).

Интересно, что для субъектов дискурса оказывается значимым не наличие, а отсутствие определённых феноменов в прошлом. Именно с их появлением они связывают уменьшение количества времени, которые люди тратят на общение в реальной жизни ((9) *люди меньше общаются друг с другом в реальной*

жизни, **больше** общаются по телефону, через интернет и так далее, и тому подобное), усложнение взаимоотношений (см. речевую импликацию 'социальные сети усложняют отношения между людьми' в фрагменте (10): *раньше не было интернета, раньше не было социальных сетей, раньше всё было намного проще*), изменение форм досуга (*у них не было столько каналов по телевизору [смеется], поэтому у них больше времени занимали какие-то другие развлечения. Больше времени пр...проводили, общаясь* – интересно, что говорящий концептуализирует общение как форму развлечения (в интервью субъектов советского социума коллективизм всегда осознается как способ существования)).

Равенство

Тесно связанная с темой коллективизма идея всеобщего равенства находит выражение только в двух фрагментах из интервью субъектов современного дискурса:

(1) – *Ну девер... более доверчивое отношение к людям.*

– *Да... ммм... есть такое мнение, вот мне говорят, дедушка, и бабушка в своё время говорила: все, все жили бедно, спокойно, честно, открыто, не было ни зависти, никаких вот современных бытовых...*

– *Ну как в выражении, да, все равны в бедности?*

– *Да, все равны в бедности...*

– *Иии...*

– *Им было... им было душевно, они знали, что никто там сверху не вылезит, да, никто ничего не кичится, то есть все живут ровно, не было зависти (Рязанцев).*

(2) – *Не по любви, а по расчету, да. Дети раньше были намного проще, чем сейчас...*

– *Потому что ра... равны все были, наверно...*

– *Ну да (Курбатова).*

В фрагменте (1) равные условия жизни (представление о равенстве связывается с одинаковой степенью материального неблагополучия), по мнению интервьюируемого, определяют нравственные качества людей (*все, все жили... честно, открыто... не было ни зависти*) и отсутствие между ними конфликтов (*все, все жили ... спокойно*). Генерализация представления в данном случае происходит благодаря использованию местоимения *все* в

позиции подлежащего, что позволяет приписать данные характеристики жизни всем людям, жившим в СССР. Кроме того, как уже было отмечено выше, использование отрицательных местоимений в фрагменте (1) сочетается с употреблением отрицательной частицы *не*: отрицается как факт действия, негативно оцениваемого социумом (*кичиться, вылазить*), так и факт существования субъекта, совершавшего данное действие (*никто там сверху не вылазит*), что также позволяет максимально генерализовать эксплицируемое представление. Интересно, что подобное отрицание противоречит репрезентируемому в текстах интервью субъектов советского дискурса представлению о качественно иной жизни людей, имевших доступ к власти.

В фрагменте (2) в форме речевой имплицатуры представлена информация ‘дети сейчас не такие простые, как раньше’, при этом следующая реплика содержит пресуппозицию ‘раньше все были равны’. Использование вводного слова *наверно*, по всей видимости, позволяет субъекту речи выразить неуверенность по поводу причинно-следственной связи (*дети раньше были намного проще, потому что все были равны*), а не по поводу концептуализируемого в качестве причины тезиса (в данном случае асертивная информация, поданная как пресуппозиция, свидетельствует о том, что данное представление осмысливается говорящим как безусловно истинное, не требующее аргументации).

Труд

Интересно, что столь широко представленная в текстах интервью с субъектами советского дискурса идея трудолюбия, любви к труду и испытываемых в связи с осуществлением деятельности положительных эмоций не находит отражения в интервью субъектов дискурса современного социума. Идея трудолюбия трансформируется в представление о *работоспособности*:

– *А вот если бы тебе предложили что-то взять из Советского Союза, из тех времен, что бы ты перенесла, может быть, что-то из вещей или какие-то повадки людей, может быть?*

– *Ну да, наверное, такое качество, как работоспособность, просто сейчас нынешних спрашиваешь детей, например, возьмем мою сестру, спрашиваешь ее, кем ты хочешь*

стать, а она говорит, что ой, я вообще не хочу работать, то есть зачем мне работать, я и учиться не хочу (Гкаченко).

Работоспособность (1. ‘свойство по прил. работоспособный (в 1 знач.)’; работоспособный – 1. ‘обладающий способностью работать (в 1 знач.); трудоспособный’ [МАС]) оказывается связана с идеей возможности выполнения какой-либо работы (тогда как в интервью субъектов советского социума данное представление концептуализируется именно как личное желание субъекта трудиться). При этом чаще всего интенсивная трудовая деятельность связывается только с определённым периодом – Великой Отечественной войной:

(1) Вот, ну конечно, я вообще поражаюсь, как они терпели эту войну. Бабушка моя, ну, в тылу, да, вот, работала. Это тоже такой труд, такие усилия надо было приложить к этому. Это все было без всяких машин, это все вручную все это вспахивалось, копалось (Шелковникова).

(2) Нет, я не буду называть имена и фамилии, история им уже все припомнит, а из современного, более-менее, то, что важный период был во Вторую Мировую, когда все сплотились единым порывом...а... отбить фашистские нападки, то есть...э...чтобы...м...победить, были брошены все силы, в принципе... м... заводы строили, люди пахали, мягко говоря, по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов (Глинский).

Представление о счастье, связанном с всеобщей профессиональной занятостью, концептуализируется как получение возможностей в связи с наличием определённых потребностей: *А...собственно, особых таких затруднений они [родители. – авт.] не помнят, таких серьезных. Почему? Потому что все работали, все были счастливы, все учились. Кому нужно было учиться, учился, кому надо было работать, работал, всё было здорово, почему, потому что по субботам-воскресеньям они ходили в кино, они гуляли в парке, в общем, хорошее, счастливое детство. Да, собственно, машин тогда таких, прямо.* В данном примере отсутствуют обязательные для субъекта советского дискурса указания на высокую степень самоотдачи деятеля и получения удовольствия от самого процесса труда.

Обращает на себя внимание избираемый представителями молодого поколения способ назвать субъекта действия. Так, в фрагменте (1) *Это все было без всяких машин, это все вручную все это вспахивалось, копалось* говорящий использует безличную конструкцию, устраняя субъекта действия, дезактуализируя действующее лицо, изменяя коммуникативный фокус, фокус эмпатии, демонстрируя тем самым собственную отстраненность от описываемого процесса.

Энтузиазм

Отдельного внимания заслуживает анализ способов концептуализации субъектами дискурса современного социума феномена энтузиазма:

(1) – *А насчет духа эпохи... Допустим, когда ехали на БАМ... Когда осваивали новые пространства... В этом что-то есть.*

– *Энтузиазм?*

– *Да, энтузиазм. И желание выше, дальше, сильнее, в плане в космос. Это очень интересно (Скворцова Е.).*

(2) *Я бы захотел взять энтузиазм советского времени, светлый взгляд, гордый, в будущее, потому что главное поражение... эээ... вообще которое существует – это поражение в духе. Ааа... Иии... то есть, на самом деле, почему человек не работает там, да?, а спивается, деградирует там, потому что вот, собственно, у него такая вот именно ущербность и оскудение этой веры. У советских людей таких проблем не было, я бы очень хотел это взять (Учитель).*

(3) *Ну как? Сейчас стало в моей молодости лучше. Я вообще себя чувствую гораздо более молодым, чем был там лет пять назад. Вот. Как-то не знаю, нашему народу энтузиазма, возможно, не хватает, но хотя сейчас энтузиазма появляется больше. В Советском Союзе говорили: «Жить стало лучше, жить стало веселей», «Жизнь хороша, и жить хорошо», сейчас в основном какая-то вот такая привычка девяностых – социальная апатия, поэтому я очень с большой радостью смотрю на то, что это время проходит, и слава богу, что проходит (Учитель).*

Если представления об энтузиазме ('душевный подъём, сильная увлечённость' [СОШ]) в текстах интервью субъектов советского дискурса связываются прежде всего с определённым родом трудовой деятельности, то субъектами дискурса современного социума энтузиазм осмысливается ещё и как характеристика жизни (некоторый способ существования вообще) людей в Советском Союзе: (2) *я бы захотел взять энтузиазм советского времени, светлый взгляд, гордый, в будущее*; (3) *как-то не знаю, нашему народу энтузиазма, возможно, не хватает, но хотя сейчас энтузиазма появляется больше. В Советском Союзе говорили: «Жить стало лучше, жить стало веселей», «Жизнь хороша и жить хорошо».*

В фрагменте (1) говорящий связывает идею энтузиазма с совершением некоторой неопределённой группой людей действий (см. использование неопределённо-личных конструкций (*ехали на БАМ... Когда осваивали новые пространства...*) и номинализаций (*И желание выше, дальше, сильнее, в плане в космос*), что позволяет не называть конкретных деятелей (в данном случае – никак не ограничивать группу субъектов, совершавших действие), связанных с трудовой деятельностью в неосвоенном пространстве (*допустим, когда ехали на БАМ... Когда осваивали новые пространства...*).

В фрагменте (2) интервьюируемый репрезентирует своё представление об энтузиазме с помощью лексем и устойчивых словосочетаний, обозначающих абстрактные понятия (*светлый взгляд, гордый, в будущее, потому, что главное поражение... эээ... вообще которое существует – это поражение в духе... потому что вот собственно у него такая вот именно ущербность и оскудение этой веры*). Субъект дискурса современного социума связывает представление об энтузиазме с оптимистическим отношением к будущему (*я бы захотел взять энтузиазм советского времени, светлый взгляд, гордый, в будущее*), т. е. как сам собой разумеющийся факт говорящий мыслит наличие в советский период чувства энтузиазма и возможности *светлого, гордого взгляда*: см. пресуппозицию данного высказывания 'советскому времени свойствен энтузиазм и светлый, гордый взгляд в будущее'. В предложении *и то есть, на самом деле, почему человек не работает там, да?, а спивается, деградирует там, потому что вот, собственно, у него такая вот именно ущербность и оскудение этой веры* содержится импликатура 'только

наличие веры в будущее заставляет человека работать, не даёт ему спиваться, деградировать’.

Таким образом, энтузиазм осмысливается говорящим как вера в светлое будущее, при этом он связывается не с трудовой деятельностью, а с жизнью человека вообще. В качестве номинации субъекта используется лексема *человек*, имеющая здесь максимально обобщённое значение – ‘любой, всякий’ (*почему человек не работает там, да?, а спивается, деградирует там, потому что вот собственно у него такая вот именно ущербность и оскудение этой веры*). Использование словосочетания *советские люди* в предложении *У советских людей таких проблем не было* позволяет субъекту речи имплицитно представить информацию ‘все люди, жившие в СССР, верили в светлое будущее’.

В фрагменте (3) говорящий связывает понятие энтузиазма с представлением об ощущении радости жизни, при этом репрезентирует он это представление, цитируя прецедентные для советского времени тексты: *В Советском Союзе говорили: «Жить стало лучше, жить стало веселей», «Жизнь хороша, и жить хорошо»* (для экспликации своего представления говорящий использует цитаты из прецедентных для советского дискурса текстов). Возникает трёхчленная временная оппозиция «время существования СССР ↔ девяностые годы ↔ настоящее время», в рамках которой время существования СССР оценивается положительно, а девяностые годы – отрицательно, так как для этого периода, по мнению говорящего, характерно отсутствие социальной активности (*сейчас в основном какая-то вот такая привычка девяностых – социальная апатия, поэтому я очень с большой радостью смотрю на то, что это время проходит, и слава богу, что проходит*). Появление энтузиазма в современном обществе связано для говорящего с ощущением собственной молодости: *Я вообще себя чувствую гораздо более молодым, чем был, там, лет пять назад*. Отдельно следует отметить стремление интервьюируемого к исключению субъекта действия: говорящий использует безличные и неопределённо-личные конструкции (*Как-то не знаю, нашему народу энтузиазма, возможно, не хватает, но хотя сейчас энтузиазма появляется больше. В Советском Союзе говорили: «Жить стало лучше, жить стало веселей», «Жизнь хороша, и жить хорошо»*), а также репрезентирует свои представления с помощью предложений, где в позиции подлежащего находятся абстрактные существительные (в

основном какая-то вот такая **привычка** девяностых – социальная апатия, поэтому я очень с большой радостью смотрю на то, что это **время** проходит, и, слава богу, что проходит).

Стремление концептуализировать ситуацию как максимально неопределённую и обобщённую свидетельствует о том, что данный феномен существует для говорящего как нечто исключительно дискурсивное, абстрактное. Представление об энтузиазме как оптимистическом отношении к жизни (а не воодушевлении, связанном с трудом, – см. анализ концептуализации данного феномена в текстах субъектов советского дискурса) позволяет говорить об определённой дискурсивной «деформации» феномена: представление об испытываемых положительных эмоциях связывается уже не с трудом, а с существованием человека.

Безопасность

В отличие от субъектов советского дискурса, субъекты современного дискурса связывают представление о безопасности только с отсутствием преступности.

(1) **Раньше люди вообще оставляли дома открытые, да, то есть не замыкали. Раньше такого не было, чтобы к тебе кто-то залез и что-то утащил, а сейчас, сколько, да, то есть, если у тебя нет сигнализации, если нет решёток, то, ну, вряд ли к тебе никто не залезет, поэтому это, конечно, хотелось перенести, именно... Правоохранительные органы, может быть, работали тогда лучше. Просто сейчас даже, наверно, дело не в правоохранительных органах, а вообще, может быть, в правительстве, а поскольку преступность сейчас, ну, сейчас совершенно другое, то есть сейчас криминал связан... практически во всех сферах он есть, то есть, причём это на законном уровне, как говорят, воры в законе, то есть **раньше такого не было**, и понятно дело, что в этом плане было легче (Литвяк).**

(2) – Ну вот не было такого в семье, что, например, дедушка тебе говорил, вот раньше было лучше, например?

– Наверно, что раньше было лучше – нет, но стоит отметить такие моменты, что **раньше было душевней**. Да, то есть это отмечает и он, рассказывая о том, как они ещё в деревне закрывали дом: досточку поставили и ушли.

Не боялись ни воровства, никаких там таких вот действий (Рязанцев).

(3) – *Принципиальной разницы нету, а вот если брать молодость бабушки и бабушек – дедушек моих, то тогда там уже... ну, другая молодость. То есть там бабушка рассказывает, в молодости, допустим, они жили ну... э... **в деревяшке, ну, в деревяшках жили, то есть люди даже не закрывались, сейчас трудно представить, да? Там все две двери ставят.***

– Да.

– Да, то есть... э... ну, **то есть воровства не было, ну, криминал был, ну, он всегда был криминал** (Бельков).

(4) *Иркутск их молодости мне представляется очень **спокойным и безопасным городом.** И вот, по рассказам бабушки, как я смог составить впечатление... ааа... не было общественного транспорта, вот она проходила огромные расстояния пешком, возвращаясь с работы домой, часто поздно, когда гуляла с подружками... э... **Никогда не боялась возвращаться после полуночи, потому что город был безопасный, то есть преступности не было вообще** (Учитель).*

(5) *Сколько ни думала... ну, я думаю, всегда прихожу к выводу о том, что люди забыли, какой ценой им удалось то, что они получили. Какой ценой было дано это государство. Пока были живы наши прапра...прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой они ц... отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достойное образование, медицину, **безопасность.** Когда если и были какие-то по-настоящему воры или маньяки... один этот случай гремел... на весь Советский Союз, пока его не отлавливали* (Крупович).

Идею отсутствия преступности интервьюируемые связывают в первую очередь с представлением об отсутствии страха квартирной кражи и, следовательно, с представлением о возможности не предпринимать особые меры предосторожности: (1) **Раньше люди вообще оставляли дома открытые, да, то есть не замыкали.** Раньше такого не было, чтобы к тебе кто-то залез и что-то утащил; (2) **Раньше было душевней.** Да, то есть это отмечает и он, рассказывая о том, как они ещё в

деревне закрывали дом – досточку поставили и ушли. **Не боялись ни воровства, никаких там таких вот действий**; (3) Бабушка рассказывает, в молодости, допустим, они жили... ну... э... **в деревяшке, ну, в деревяшках жили, то есть люди даже не закрывались, сейчас трудно представить, да?**

Говорящие, эксплицируя представление об изменении данной ситуации, угрозе безопасности жилья, существующей сегодня, формируют оппозицию «тогда ⇔ сейчас»: (1) **раньше** такого не было, чтобы к тебе кто-то залез и что-то утащил, а **сейчас**, сколько, да, то есть, если у тебя нет сигнализации, если нет решёток, то, ну, вряд ли к тебе никто не залезет... **Правоохранительные органы, может быть, работали тогда лучше. Просто сейчас даже, наверно, дело не в правоохранительных органах, а вообще, может быть, в правительстве, а поскольку преступность сейчас, ну, сейчас совершенно другое, то есть сейчас криминал связан, практически во всех сферах он есть, то есть... причём это на законном уровне, как говорят, вора в законе.** Субъект перечисляет предполагаемых виновников изменения ситуации, причём указывает на максимально неопределённую группу ответственных (*правоохранительные органы, правительство*, затем – люди, связанные с криминалом *практически во всех сферах*); (2) что **раньше** было **душевней** – интересно, что представление о безопасности связывается с идеей душевности (*душевно* – нареч. к душевный; душевный – 2. ‘искренний, откровенный, сердечный’ [МАС]), т. е. говорящий осмысляет безопасность как следствие доверительных взаимоотношений); (3) **бабушка рассказывает, в молодости, допустим, они жили... ну... э... в деревяшке, ну, в деревяшках жили, то есть люди даже не закрывались, сейчас трудно представить, да?, там все две двери ставят... ну то есть воровства не было, ну, криминал был, ну, он всегда был криминал** – интервьюируемый отмечает отсутствие воровства в прошлом, но при этом говорит о существовании в тот период криминала (‘то, в чем есть признаки преступления; уголовное дело’ [МАС]). Следовательно, субъект дискурса связывает с представлением о жизни в СССР не отсутствие преступности вообще, а отсутствие воровства.

В фрагменте (3) идея отсутствия преступности связывается с возможностью передвигаться по городу в тёмное время суток, не испытывая при этом чувства страха: **никогда не боялась возвращаться после полуночи, потому что город был безопасный, то**

есть преступности не было вообще. Говорящий использует отрицательное местоименное наречие *никогда*: отрицается как факт существования в прошлом ситуации, в которой деятель испытывал чувство страха при указанных условиях (*не боялась возвращаться после полуночи*), так и факт наличия какого-либо временного промежутка, в течение которого это действие было возможным (*никогда*). Интервьюируемый использует наречие *вообще* (в значении ‘совсем’) для экспликации представления о максимально возможной степени безопасности жизни в Советском Союзе.

В фрагменте (5) (*пока были живы наши прапра... прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали... этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой, они ц... отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достойное образование, медицину, безопасность*) имплицитно передается информация ‘цена за победу рабочего класса, возможность иметь зарплату, достойное образование, медицину, безопасность – революция’. Предложение *Когда если и были какие-то по-настоящему воры или маньяки... один этот случай гремел... на весь Советский Союз, пока его не отлавливали* содержит импликацию ‘появление вора или маньяка было очень редким событием, и его обязательно отлавливали’. Интересно, что идею исключительности данной ситуации субъект речи связывает с его широкой оглаской: *один этот случай гремел... на весь Советский Союз*.

Идеалы

Среди представлений о советском, эксплицируемых интервьюируемыми в рамках дискурса современного социума, в качестве особой группы следует выделить представления о некоторой ценностной системе, характерной для людей, живших в Советском Союзе. Одним из предметов осмысления и оценки в интервью субъектов современного дискурса становятся нравственные качества людей в прошлом:

(1) – *Люди на... были намного лучше, мне кажется, жили веселее... ааа... Не было того, что творится сейчас. Раньше люди, даже мужчины, были честнее, да?*

– *Думаешь?*

– *Нет, но всё равно как-то большинство людей женились, и я думаю, что женились по любви, не ради материальных ценностей, да, как сейчас...*

- Ну да...
- **Большинство девушек выходят замуж...**
- *Не по расче... а, ну тогда...*
- **Не по любви, а по расчету, да** (Курбатова).

(2) *Но, несмотря на это, поколения не сдавались, поколения продолжали жить. Совсем был другой менталитет у людей. Эээ... воспитывали детей смелыми, сильными, не такие, как сейчас люди растут. В основном люди сейчас у нас, как мы знаем, мелочные, трусливые, готовые предать, не знаю, за пятьдесят рублей. Вот. Раньше были... были люди намного лучше. Ну, это моё мнение* (Курбатова).

В данных фрагментах в рамках экспликации оппозиции «тогда ↔ сейчас» с прошлым связываются представления о честности людей ((1) **раньше люди, даже мужчины, были честнее, да?**), отсутствии корыстолюбия ((1) **большинство людей женились, и я думаю, что женились по любви**), смелости и силе ((2) **воспитывали детей смелыми, сильными**), при этом с настоящим субъект дискурса связывает представления о свойствах людей ((2) **в основном люди сейчас у нас, как мы знаем, мелочные, трусливые, готовые предать, не знаю, за пятьдесят рублей**) или ситуациях (*как сейчас... большинство девушек выходят замуж... не по расче... не по любви, а по расчету, да*), негативно воспринимаемых социумом. Всё это позволяет говорящему отрицательно оценивать изменения нравственных качеств людей: в выражении *Раньше были... были люди намного лучше* имплицитно мыслится мысль ‘сейчас люди намного хуже’. При этом представления о свойствах характера, положительно оцениваемых социумом, интервьюируемый связывает с воспитанием (**воспитывали детей смелыми, сильными, не такие, как сейчас люди растут**). Избранная говорящим неопределённоличная конструкция позволяет ему не называть субъекта, осуществлявшего воспитание: представитель современного дискурса мыслит обобщенно. Интересно и то, что одной из самых значимых для субъекта речи жизненных ситуаций, по всей видимости, является вступление в брак, ведь именно с мотивами данного поступка интервьюируемый связывает представления о корыстолюбии/бескорыстности людей.

Однако куда чаще субъекты дискурса современного социума эксплицируют представления не о нравственных качествах лю-

дей, живших в СССР, а о некоторой иной системе ценностей и ориентиров, детерминированной коммунистической идеологией.

(1) – *Они что-нибудь рассказывали вот о городе, о том, что как бы в их времена было, изменилось ли что-нибудь сейчас, то есть во времена молодости и в данные времена?*

– *Ну, думаю, да, безусловно, изменилось, ну то есть у нас бабушки же любят говорить, что вот молодежь сейчас пошла другая, и вот у нас все было хорошо, а вот у вас сейчас все плохо. Ну, моя бабушка, кстати, так не считает, единственно, она говорит, что был вот этот массовый культурный дух, что мы готовы там трудиться на благо Родины и все такое. Они очень демонстрации любили, вот как странно. Я вот, например, этого не понимаю, чтобы мы сейчас вышли там тысячи человек на площадь там, кричали там «Ээй, за Советский Союз!» и тому подобное. А вот они это любили, чтобы выйти там флажками помахать и тому подобное (Ткаченко).*

(2) – *А какие ассоциации ты могла бы связать с понятием Советский Союз?*

– *Ну, во-первых, как я уже сказала, работоспособность, во-вторых, вот этот дух, мне кажется, только в нашей стране люди там, ну взять ту же Великую Отечественную войну, да, когда люди бежали по фронту и кричали там «За Сталина», и умирали ради...*

– *За Сталина.*

– *Да, ради вождя, и потом, когда как быстро восстановилась наша экономика, то, что люди работали не только за деньги, ну и вот этот энтузиазм, который был присущ им. Люди работали за идею, они понимали, что страну надо восстанавливать, что им еще растить новое поколение, и это на самом деле потрясающе. Я не знаю, было бы сейчас бы это, если бы мы столкнулись с такой вот ситуацией, вот в нынешнее время (Ткаченко).*

(3) – *А может быть, есть еще воспоминания вот такие, ммм, ну были личные, а ммм... об общем настроении людей в тот период, о каких-то...*

– [перебивает] *Какие настроения, какие недостатки, главная задача была – победить. Никто не думал о недос-*

татках, никто не думал о себе. Нужно было защищать свою Родину.

– *Так тебе, то есть, говорили твои близкие?...*

– *[перебивает] Это был факт [пауза].*

– *Так они тебе и говорили, что все думали именно о победе...*

– *Да.*

– *Ничего больше не замечалось...?*

– *Да (Крупович).*

(4) – *А как, по-твоему, должен выглядеть советский мужчина и... советская женщина?*

– *Я думаю, что это люди своего времени. Люди сильные, волевые.*

– *А как они примерно выглядят, помимо внутренних качеств? Какие у них принципы? Как вообще их жизнь проходит?*

– *Нуу... Я думаю, что советские мужчины и советская женщина, они сильные люди. Знают, чего хотят. Знают, ради чего работают... Не знаю, Яна, ты очень сложные вопросы задаешь!... Наверно, советский мужчина – это все-таки...такие люди, как мой отец. Или мой дед. Так же, как и советская женщина – это человек типа моей прабабушки. Люди, которые готовы были работать и осознавать, что работают ради своего государства, ради всего народа (Крупович).*

(5) *Тогда у людей другие были ценности, всё равно, то есть, это именно общественная жизнь такая и деятельность на благо Родины. Сегодня у нас, да, говорят о патриотизме, но, наверно, наверно, такого, именно такого патриотического воспитания, может быть, не хватает (Литвяк).*

(6) – *У них была возможность быть счастливыми. Они знали, ради чего они работали; у них были принципы, у них были цели.*

– *А у тебя их нет?*

– *Вот ради чего раньше работали? Ради Родины. В каком смысле ради Родины? Ты знаешь, что если ты не будешь подводить, то... вся система, грубо говоря, будет идти как отлаженный механизм.*

– *То есть ты винтик.*

– Да. Это не говорит о том, что ты ничтожество. Это говорит о том, что ты часть... чего-то... очень большого. Но за счет вот этой маленькой части... работает все. Одна часть вылетела – и полетела вся система. **Люди ради этого работали, ради этого жили. Это была их цель. Они знали... чего это стоило. Сколько жизней унесла революция... причем... ну, как сказать... сколько жизней она унесла и какой ценой далась... но цель-то была великая!** (Крупович)

(7) – А сейчас ты чувствуешь, что у тебя... нет...

– [перебивает] Понимаешь, ааа... Создавали почти век. Разрушили... почти за три года [смех].

– То есть ты чувствуешь: отличие от твоих предков в том, что у тебя нет великой цели и нет такого... самопонимания как важной части...

– Чего-либо. Да. **Я работать могу только ради себя... ради семьи... но не больше** (Крупович).

(8) И началось это все с девяностых годов и продолжается по нынешнее время, потому что уже сейчас видно, что люди меньше общаются друг с другом в реальной жизни, больше общаются по телефону, через интернет и так далее, и тому подобное, они уже тянутся больше к деньгам, они о душе, собственно говоря... ну, иногда приходят мне в голову такие нематериальные ценности... а... они тянутся к своей власти, к своей собственной силе... а... **а раньше это немножко по-другому было: у всех была цель и идея, с которой хотели достигнуть, а сейчас уже, увы, увы и ах, эту цель и идею сложно... м... представить, задать, чтобы люди... м... жили только ради нее** (Глинский).

Ключевым в приведённых выше примерах становится представление о мотивах деятельности людей, живших в Советском Союзе. В качестве одного из мотивов интервьюируемые называют идею ((2) люди работали за идею; (8) а раньше это немножко по-другому было, у всех была цель и идея, с которой хотели достигнуть), имея в виду, по всей видимости, ценности, являющиеся базовыми для коммунистической идеологии.

Другим основным мотивом деятельности для людей того времени, по мнению субъектов дискурса современного социума, была любовь к родной стране ((1) единственно, она говорит,

что был вот этот массовый культурный дух, что мы готовы там трудиться на благо Родины и все такое; (3) Никто не думал о недостатках, никто не думал о себе. Нужно было защищать свою Родину; (4) Люди, которые готовы были работать и осознавать, что работают ради своего государства, ради всего народа; (5) общественная жизнь такая и деятельность на благо Родины; (6) Вот ради чего раньше работали? Ради Родины). Таким образом, по мнению субъектов дискурса современного социума, основной ценностью для людей, живших в СССР, был патриотизм, концептуализируемый как деятельность, приносящая пользу государству.

Интересно, что только в фрагменте (1) эксплицируется представление о ценности для людей, живших в СССР, коллективного действия, участия в объединяющем их мероприятии (см. концептуализацию феномена демонстраций в текстах субъектов советского дискурса): Ну, моя бабушка, кстати, так не считает, единственно, она говорит, что был вот этот массовый культурный дух, что мы готовы там трудиться на благо Родины и все такое. Они очень демонстрации любили, вот как странно. Я вот, например, этого не понимаю, чтобы мы сейчас вышли там тысячи человек на площадь там, кричали там «Ээй, за Советский Союз!» и тому подобное. Как следует из текста, говорящий эксплицирует неприятие, непонимание данного явления (Они очень демонстрации любили, вот как странно. Я вот, например, этого не понимаю).

Следует отметить, что в фрагментах (2) и (3) интервьюируемые связывают представление о патриотизме как главном мотиве деятельности только с определённым периодом существования Советского Союза – Великой Отечественной войной: (2) Ну, во-первых, как я уже сказала, работоспособность, во-вторых, вот этот дух, мне кажется, только в нашей стране люди там, ну взять ту же Великую Отечественную войну, да, когда люди бежали по фронту и кричали там «За Сталина», и умирали ради... – субъект речи эксплицирует представление о собственной принадлежности к Советскому Союзу, включает его в свою личную сферу (в нашей стране), при этом отмечает исключительность данного государства (см. использование частицы только); какие настроения, какие недостатки, главная задача была – победить. Никто не думал о недостатках, никто не думал о себе. Нужно было защищать свою Родину – субъект

речи использует универсальные высказывания (приведённые выше предложения характеризуются обобщённостью, неверифицируемостью и дидактичностью). Подобная форма высказывания коррелирует с спецификой коммуникативного поведения информанта: интервьюируемый перебивает интервьюера. При этом говорящий репрезентирует своё представление не как личный опыт старших родственников, а как некоторую абсолютную истину, которая не требует никаких подтверждений (*– Так тебе то есть говорили твои близкие?... – Это был факт*).

В фрагменте (4) субъект речи при экспликации собственных представлений о людях, живших в Советском Союзе, сначала приписывает им достаточно абстрактные характеристики: *Я думаю, что советские мужчины и советская женщина, они сильные люди. Знают, чего хотят. Знают, ради чего работают...* – репрезентируется идея силы характера, важность знания человеком своих целей (сами эти цели при этом остаются неназванными). Интересно, что интервьюируемый стремится определить общее через частное, конкретное (образ советского человека формируется через представление о старших родственниках): *Наверно, советский мужчина – это все-таки... такие люди, как мой отец. Или мой дед. Так же как и советская женщина – это человек типа моей прабабушки. Люди, которые готовы были работать и осознавать, что работают ради своего государства, ради всего народа.* Идея важности целеполагания концептуализируется уже как признаки, свойственные конкретным людям (отцу, деду, прабабушке). В данном случае обобщение приобретает характер индукции: характеристики, приписываемые старшим родственникам, осмысляются как нечто, свойственное всем людям, жившим в Советском Союзе.

В фрагменте (5) использование лексемы *люди* без уточняющего определения и указание на некоторый период в прошлом с помощью наречия *тогда* (*тогда у людей другие были ценности*) позволяет сформировать оппозицию «тогда ⇔ сейчас» и имплицитно представить информацию ‘у всех людей в советское время были принципиально иные ценностные ориентиры, нежели сейчас’. Иную систему ценностей, существовавшую в прошлом, говорящий связывает с представлением о *патриотическом воспитании*: *сегодня у нас, да, говорят о патриотизме, но, наверно, наверно, такого, именно такого патриотического воспитания, может быть, не хватает.* Используемое отглагольное

существительное *воспитание* позволяет указать на некоторое действие, не называя ни конкретного субъекта-деятеля, ни адресата действия. Представления о ситуации в прошлом оказываются выраженными с помощью абстрактных существительных (*Тогда у людей другие были ценности, всё равно, то есть, это именно общественная жизнь такая и деятельность на благо Родины*), что позволяет не называть ни участников ситуации, ни время действия. Следовательно, представление субъекта речи о данной ситуации является максимально неопределённым.

Фрагмент (6) заслуживает особого рассмотрения: для экспликации своего представления об устройстве государства (Советского Союза) интервьюируемый использует метафору механизма, составной частью которого является человек: *ты знаешь, что если ты не будешь подводить, то... вся система.., грубо говоря, будет идти как отлаженный механизм... Это не говорит о том, что ты ничтожество. Это говорит о том, что ты часть... чего-то... очень большого. Но за счет вот этой маленькой части... работает все. Одна часть вылетела – и полетела вся система.* Ключевым для говорящего становится представление об объединённости людей в систему. Следовательно, с одной стороны, для субъекта речи важна идея коллектива, сплочённости, единства. С другой – значимость приобретает представление о чёткой организации, определённости, иерархии, регламентированности всех действий. Ценность индивидуума при этом утверждается лишь через его деятельность в рамках системы: значимым человека делает только его причастность к чему-то гораздо большему, чем он сам (*Это говорит о том, что ты часть... чего-то... очень большого*). Участие каждого человека в работе механизма позиционируется как обязательное, необходимое: *ты знаешь, что если ты не будешь подводить, то... вся система, грубо говоря, будет идти как отлаженный механизм... Одна часть вылетела – и полетела вся система.* Для номинации субъекта действия интервьюируемый использует «ты-обобщённое» (*Ты знаешь, что если ты не будешь подводить, то..вся система.., грубо говоря, будет идти как отлаженный механизм*), существительное *люди* (*Люди ради этого работали, ради этого жили*) и личное местоимение 3 л. мн. ч. *они* в позиции подлежащего (*Они знали... чего это стоило*). Анализ использования вышеназванных языковых средств позволяет сделать вывод: говорящий мыслит данную ситуацию

как максимально обобщённую, объединявшую всех людей, живших в СССР. При этом система, по мнению субъекта дискурса современного социума, регламентировала не только трудовую деятельность людей, но и их жизнь в целом: *Люди ради этого работали, ради этого жили.*

Утрата системы ценностных ориентиров, существовавшей в прошлом, осмысливается интервьюируемыми как нечто отрицательное (см. фрагменты (7), (8)). В фрагменте (7) отсутствие идеологической составляющей в современном обществе представлено как значимое лично для говорящего (см. согласие с репликой интервьюера): – *То есть ты чувствуешь: отличие от твоих предков в том, что у тебя нет великой цели и нет такого... самопонимания как важной части... – ...Чего-либо. Да. Я работать могу только ради себя... ради семьи, но не больше.* Ключевым для интервьюируемого оказывается отсутствие мотивации, наполняющей смыслом трудовую деятельность (при этом ценность собственной личности и своей семьи как стимул к труду представляются говорящему недостаточными: см. использование противительного союза *но* в сочетании с частицей *не* и наречия в форме сравнительной степени *больше*).

В фрагменте (8) также эксплицируется представление говорящего об отсутствии идеологической составляющей в современном обществе (оппозиция «тогда ↔ сейчас»): *уже сейчас видно, что люди меньше общаются друг с другом в реальной жизни, больше общаются по телефону, через интернет и так далее, и тому подобное, они уже тянутся больше к деньгам, они о душе, собственно говоря... а раньше это немножко по-другому было, у всех была цель и идея, с которой хотели достигнуть, а сейчас уже, увы, увы и ах, эту цель и идею сложно... ммм... представить, задать, чтобы люди... ммм... жили только ради нее*). Два периода оказываются разделёнными чёткой границей – начало девяностых: *И началось это все с девяностых годов, и продолжается по нынешнее время.* В качестве номинаций субъекта действия используются существительное *люди* без квантора и местоимение *все* (следовательно, субъект речи осмысляет ситуацию как максимально обобщённую – и в прошлом, и в настоящем). Говорящий, репрезентируя своё представление о современном социуме, отделяет себя от него: тяга современных людей к материальным ценностям (*они уже тянутся больше к деньгам, они о душе, собственно говоря...*) и

мысли самого интервьюируемого, связанные с идеальными ценностями, обнаруживают имплицитную противопоставленность (*ну, иногда приходят мне в голову такие нематериальные ценности*). Субъект, эксплицируя собственное представление об утрате значимости прежней системы ценностей, с помощью междометий выражает личное сожаление по этому поводу (таким образом, отсутствие идеологии в современном обществе оценивается отрицательно): *а сейчас уже, увы, увы и ах, эту цель и идею сложно... ммм... представить, задать, чтобы люди... ммм... жили только ради нее.*

Эксплицитно выражаемая положительная оценка детерминированной коммунистической идеологией системы ценностей, существовавшей в прошлом, жизни в СССР может сочетаться с отрицательной оценкой, выраженной имплицитно:

А нравятся вот этот кинематограф тридцатых годов... э... вот эти советские комедии, вот именно радужные, веселые. То, что действительно чувствуется то, что вот этот дух, то, что люди ... это веяло все; то, что несмотря на то, что жили плохо, а люди верили, что можно построить. То есть фантастику эту смотрят разных тридцатых годов там действительно. Это, ну да-да, ещё чуть-чуть там... и всё... и коммунизм построится, да? (Бельков).

В приведённом высказывании субъект речи эксплицирует положительную оценку советских фильмов тридцатых годов, где находит своё отражение идеология коммунизма (см. использование лексем, с помощью которых объект характеризуется положительно: *радужные, весёлые*). При этом интервьюируемый прибегает к номинации *фантастика*, однако использует её не для обозначения жанра продуктов киноискусства, а таким способом оценивает возможности достижения целей, поставленных властью в СССР. Иначе говоря, представление о возможности воплощения коммунистических идеалов в жизнь оценивается как лишённое какой бы то ни было реальной основы. Наряду с лексемой *фантастика* субъект речи использует указательное местоимение *эта* и дискурсивное слово *там*, выражающие в данном контексте отчуждающее обобщение. Таким образом, формально положительно оценивая наличие идеологической составляющей в жизни и искусстве советского времени, субъект речи на самом деле имплицитно выражает отрицательную оцен-

ку данного явления, уверенность в невозможности воплощения подобных идей в жизнь.

Особую группу составляют примеры, в которых представления о некоторых идеальных ценностях связаны не с людьми как носителями определённых характеристик, а с государством:

(1) *Это уже принципы. Это уже не вещественное. Я думаю, что если уж из принципов брать, так я бы взяла все. Человечность, ответственность государства за свой народ* (Крупович).

(2) *Советский Союз – это для меня надёжность, забота о людях, уважение, честолюбие, честь* (Шпехт).

(3) *Какие ассоциации ты бы могла связать с понятием Советский Союз?*

– *Надо подумать. Прошлое, коммунизм, что ещё? И надёжность.*

– *Надёжность. Хорошо. А с понятием современная...*

– *Как ни странно, но именно надёжность* (Скворцова Е.).

В приведённых фрагментах интервьюируемые используют номинализации (*человечность, ответственность, надёжность, уважение*), эксплицирующие их представления о существовании некоторой ситуации в прошлом (при этом ситуация мыслится как максимально неопределённая). Особо интересно то, что субъектом-носителем данных признаков для говорящих является государство: (1) *человечность, ответственность государства за свой народ*; (2) *Советский Союз – это для меня надёжность, забота о людях, уважение, честолюбие, честь*; (3) *–Какие ассоциации ты бы могла связать с понятием Советский Союз? – Надо подумать. Прошлое, коммунизм, что ещё? И надёжность.* Если Советскому Союзу (государству) приписывается роль агенса, активного субъекта (государство несёт ответственность, обеспечивает надёжность, заботится), то люди, жители страны, выступают в роли пациенса, пассивного объекта воздействия, за которого несут ответственность, о котором заботятся ((1) *человечность, ответственность государства за свой народ*; (2) *Советский Союз – это для меня надёжность, забота о людях, уважение, честолюбие, честь*). Следовательно, участники дискурса современного социума мыслят в качестве субъекта активного действия не граждан, а некоторую неопределённую выс-

шую институциональную власть, положительно оцениваемые черты которой и обеспечивают благополучие жителей страны, являющихся пассивным объектом, условия жизни которого определяет государство.

Обобщение результатов проведённого анализа предполагает не только выявление и обозначение ключевых особенностей концептуализации представлений о действительности прошлого, но и сопоставление специфики репрезентации указанных феноменов в исследуемых дискурсах.

Если субъекты советского дискурса, эксплицируя представления о коллективизме, стремятся так или иначе подтвердить факт существования данного феномена своим личным опытом, то субъекты дискурса современного социума ввиду отсутствия такового иллюстрируют тезис о коллективизме советских людей трансляцией воспоминаний старших родственников.

Для концептуализации представлений о советском, репрезентируемых в текстах интервью субъектов современного социума, характерна стратегия генерализации: говорящие чаще связывают своё представление не с конкретной, а с неопределённой и обобщённой группой лиц. То есть субъекты обозначенного дискурса концептуализируют описываемые ситуации как результат взаимодействия максимально широкой группы лиц, обобщая личный опыт старших родственников до опыта всех людей, живших в СССР.

Равные условия жизни (при этом представление о равенстве связывается с одинаковой степенью материального неблагополучия), по мнению субъектов дискурса современного социума, определяют нравственные качества людей и отсутствие между ними конфликтов.

Генерализация представления о существовавшем в Советском Союзе равенстве позволяет субъекту дискурса современного социума приписывать некоторые характеристики жизни всем людям, жившим в СССР.

Необходимо отметить, что широко представленная в текстах интервью с субъектами советского дискурса идея трудолюбия, любви к труду и испытываемых в связи с осуществлением деятельности положительных эмоций не находит отражения в интервью субъектов дискурса современного социума. Идея трудолюбия трансформируется в представление о работоспособности и оказывается связанной с идеей возможности выполнения ка-

кой-либо работы, тогда как в интервью субъектов советского социума данное представление концептуализируется именно как личное желание субъекта трудиться. Для субъектов советского дискурса ключевым является представление о высокой степени самоотдачи как некоторой постоянной характеристике процесса труда. Если в текстах субъектов советского дискурса труд связан с получением положительных эмоций, с личным желанием говорящих много работать, то в текстах интервью с субъектами дискурса современного социума высокая степень самоотдачи оказывается детерминирована внешней необходимостью, а идея радости, связанной с трудом, концептуализируется только как представление о существовавших возможностях для самореализации, при этом отсутствуют обязательные для субъекта советского дискурса указания на высокую степень самоотдачи деятеля и получения удовольствия от самого процесса труда.

Если представления об энтузиазме в текстах интервью субъектов советского дискурса связываются прежде всего с определённым родом трудовой деятельности, то субъектами дискурса современного социума энтузиазм осмысливается ещё и как характеристика жизни (некоторый способ существования вообще) людей в Советском Союзе, концептуализируется как вера в светлое будущее. Интервьюируемые связывают понятие энтузиазма с представлением об ощущении радости жизни.

Стремление представить ситуацию как максимально неопределённую и обобщённую свидетельствует о том, что данный феномен существует для субъектов как нечто исключительно дискурсивное, абстрактное. Представление об энтузиазме как оптимистическом отношении к жизни (а не воодушевлении, связанном с трудом, как это следует из анализа концептуализации данного феномена в текстах субъектов советского дискурса) позволяет говорить об определённой дискурсивной «деформации» феномена.

В дискурсе современного социума в качестве особой группы выделяются представления о некоторой ценностной системе, характерной для людей, живших в Советском Союзе. При этом одним из предметов осмысления и оценки в интервью становятся нравственные качества людей в прошлом, иная, детерминированная коммунистической идеологией, система ценностей и ориентиров.

В качестве одного из предполагаемых мотивов деятельности интервьюируемые чаще всего называют *идею*, имея в виду цен-

ности, являющиеся базовыми для коммунистической идеологии. Другим основным мотивом деятельности людей того времени, по мнению субъектов современного дискурса, была любовь к родной стране.

Как следует из проведённого анализа, в качестве основной ценности людей, живших в СССР, позиционируется патриотизм, понимаемый как деятельность, приносящая пользу государству. При этом субъекты речи связывают представление о патриотизме как главном мотиве деятельности только с определённым периодом существования Советского Союза – Великой Отечественной войной.

Иную систему ценностей, существовавшую, по мнению интервьюируемых, в прошлом, они связывают с обязательностью патриотического воспитания в СССР.

Проведенный анализ позволяет утверждать следующее. Любая вербализация представлений о действительности с неизбежностью предполагает подчинение требованиям определённого дискурса, в рамках которого артикулируются те или иные идеи. Миф не может существовать сам по себе: он всегда реализуется, проговаривается в рамках дискурса, который становится пространством репрезентации мифа. Дискурс задаёт рамки концептуализации действительности, субъект лишь подчиняется этим требованиям. Тезис о давлении дискурса того или иного социума на человека проиллюстрирован анализом фактического материала в п.2.2.1 и 2.2.2: в первом случае исследовательский интерес сосредоточен на рассмотрении степени влияния дискурса советского социума на репрезентацию воспоминаний субъекта, имеющего опыт жизни в СССР, во втором – на исследовании воздействия дискурса современного социума на концептуализацию представлений о советском молодыми людьми, родившимися после распада Советского Союза.

Глава 3

ДВОЙСТВЕННОСТЬ КАК РЕЛЕВАНТНЫЙ ПРИЗНАК ДИСКУРСИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО

Двойственность в осмыслении тех или иных дискурсивных феноменов, связываемых субъектами с советским прошлым, уже была нами отмечена выше¹⁷. Именно двойственность, проявляющаяся как обязательная характеристика при концептуализации представлений о советском, обращает на себя особое внимание исследователя, так как демонстрирует степень зависимости способа репрезентации от влияния дискурса, в рамках которого ощущают себя субъекты.

3.1. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ В РАМКАХ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА

Двойственность может быть в той или иной степени отрефлексирована и отмечена самими субъектами дискурса. Так, субъект речи может указывать на некоторую неоднозначность, которая, по мнению интервьюируемых, свойственна тем или иным феноменам в прошлом:

(1) В принципе, потеряли много, с одной стороны, а с другой стороны – и держать вот так вот всё было, как говорится, в железных тисках, нельзя было дальше (Сериков).

(2) Дело в том, что такое ощущение, это вот как раз после студенческих лет... э ... после армии, когда я учился, да, такое ощущение, что вообще. Вот недаром его называли «застой»: такое ощущение было, что ты сидишь по уши в болото, в болоте. Вот ощущение того, что ничего не происходит. Всё, как будто жизнь остановилась, нету движения, нету каких-то... Ну вот иногда просто задумы-

¹⁷ См. анализ специфики концептуализации феномена равенства.

ваешься, почему человеку создали такие условия. Человек рождён, как говорил Горький, как птица для полёта. Ему можно было поехать куда-то, узнать что-то, что-то сделать самому. Ничего. Это вот начало, сре... середина брежневских времён. Я считаю, что правильно обозвали «застой». Может быть, где-то что-то строилось, но Иркутск... в Иркутске такая патриархальная жизнь, она... она прекрасна по-своему, она хороша, когда мало движения. Я просто считаю, что мечтаю вот, ж... мечтал бы жить во времена, когда вообще ничего не происходило, когда есть просто жизнь. Но здесь именно, когда в тебе силы есть, а ты себя реализовать никак не можешь. Вот это вот всегда тяготило, конечно. И Иркутск практически, почти не менялся (Сериков).

В приведенных фрагментах двойственность представляется субъекту дискурса характеристикой жизни человека в советское время вообще. В фрагменте (1) осмысляется распад СССР, при этом говорящий отмечает как масштабность утраты (*потеряли много*), так и невозможность дальнейшего существования государства в прежнем состоянии (*и держат вот так вот, всё было, как говорится, в железных тисках, нельзя было дальше*), идиоматическое выражение *держат в железных тисках* субъект речи использует для репрезентации представления о тоталитарном государстве (ключевой оказывается идея насильственного удержания, подчинения, следовательно, данная ситуация оценивается интервьюируемым негативно). Маркёрами неоднозначного осмысления ситуации становятся вставные конструкции *с одной стороны* и *с другой стороны*, эксплицирующие идею двойственности.

В фрагменте (2) предметом осмысления и оценки становится определённый период существования Советского Союза – *брежневские времена*, период *застоя*. Говорящий репрезентирует представление об отсутствии активной социальной и политической жизни в это время: *Вот ощущение того, что ничего не происходит. Всё, как будто жизнь остановилась, нету движения, нету каких-то*. При этом, с одной стороны, с данной ситуацией субъект речи связывает свои представления об идеальном способе существования (см. предикат, эксплицирующий идею желаяния, – *мечтаю*): *в Иркутске такая патриархальная жизнь, она... она прекрасна по-своему, она хороша, когда мало дви-*

202

жений. **Я просто считаю, что мечтаю вот, ж... мечтал бы жить во времена, когда вообще ничего не происходило, когда есть просто жизнь.** С другой стороны, эта же ситуация оценивается субъектом речи отрицательно: *Вот недаром его называли «застой»: такое ощущение было, что ты сидишь по уши в болото, в болоте... Человек рождён, как говорил Горький, как птица для полёта. Ему можно было поехать куда-то, узнать что-то, что-то сделать самому. Ничего... Но здесь именно, когда в тебе силы есть, а ты себя реализовать никак не можешь. Вот это вот всегда тяготило, конечно* – метафора болота позволяет говорящему выразить представление о губительной для личности статичности, губительность при этом связывается с отсутствием возможностей для самореализации в период, к которому апеллирует в своих воспоминаниях интервьюируемый.

В следующей группе фрагментов текстов интервью неоднозначно осмысливается положение дел в профессиональной сфере деятельности субъектов дискурса:

(3) *Ну и, кстати, потом уже у меня, несколько раз наблюдал такие случаи, аналогичные. Эээ... когда мне пришлось потом работать в администрации, семь лет главным художником города я работал, очень много смешных случаев наблюдал, когда показуха, показуха – это... это считалось, ну, нормой. Главное, чтобы начальство тебя заметило, главное. Это были, кстати, вот эта область человеческой деятельности, вернее, нашего, наших руководителей. Она была, по-моему, она не изменилась ни на йоту. При царе была показуха, при коммунистах была показуха, и сейчас такая показуха, извините. Вот это вот неубиенная часть нашего руководства, руководящих, так сказать, работников, главное – доложить вышестоящему начальству, что всё прекрасно, и сделать всё великолепно... То есть, главное, что вот тут и вот эта вот показушность, она до сих пор настолько явно бросается в глаза. И от этого, по-моему, вот Россия-мать никогда не избавится. Всё для начальства, лишь бы вытянуться и доложить* (Сериков).

(4) *Всё-таки, конечно, как бы мы ни ругали советское время, много было чего нехорошего, но было, наряду и со всем было, очень хорошие были. Вот я как художник могу сказать, что социальные вопросы стариков, пенсионеров,*

художников, творческих людей решались, потому что при советской власти, как бы там чего ни было, ну, в бюджете были заложены, я не помню, два процента или три процента на культуру. И с окончанием советской власти все эти проценты куда-то ушли, а новые власти даже и не думают о культуре. И поэтому вот и у нас ещё ничего не может выстроиться, потому что культура у нас на последнем месте. Если вот ещё год – два назад нам маленько помогали, творческим работникам, то сейчас полностью отказались от всякой помощи и бросили, как говорится, на произвол судьбы. Вот вам, пожалуйста, отличие. Если раньше при советской власти мы год, через год, через два всегда нам строили мастерские, строят дом и где-то за... закладывают какой-то процент мастерских. То есть молодые художники практически все были обеспечены мастерскими. А что такое мастерская для художника? Это, конечно, работа прежде всего. А кто такой художник без мастерской, можете себе представить. Вот. Так что тут заметно, вот в смысле социальных вопросов, отношение к культуре при Советском Союзе наряду с тем, что и продвинутых творческих работников, несогласных с властью, их, конечно, знобили, им не давали ходу, но с другой стороны, для широкого круга людей это было всегда подспорье, помощь, были заказы, были творческие дачи. Всё сейчас кануло в Лету. Вот и сравнивайте. И вообще у нас самое непопулярное слово сейчас у руково... в руководстве нашего государства – это культура (Сериков).

(5) Ну, пришлось мне проучиться долго в Госуниверситете, поскольку на работе было очень сложно. Вот, во-первых... эээ... хоть и при советской власти в законном порядке разрешалось эээ учиться, и оплачивалось это время учебы, отпуска, но начальство не любило студентов на работе. Потому что они уходят на учебу, а работать некому. И поэтому начальство делало препятствия всякие. Эх. Вот так вот (Алексеев).

В фрагментах (3) и (4) субъект дискурса репрезентирует свои воспоминания о работе на должности главного художника Иркутска. С данной сферой деятельности в прошлом (работой в администрации) интервьюируемый связывает представление о

показухе (прост. неодобр. ‘что-л. показное (во 2 знач.); действия, рассчитанные на внешний эффект, на то, чтобы произвести благоприятное впечатление’; показной – 2. ‘Рассчитанный только на внешнее впечатление, на внешний эффект’). Использование лексемы, обозначающей явление, отрицательно оцениваемое социумом, позволяет говорящему эксплицитно выразить негативное отношение к данной ситуации. Ключевым для субъекта дискурса оказывается несоответствие внешнего, демонстрируемого, и существующего в действительности. По мнению говорящего, данная ситуация неизменна, статична, характерна для всех исторических периодов: ***При царе была показуха, при коммунистах была показуха, и сейчас такая показуха, извините. Вот это вот неубиенная часть нашего руководства, руководящих, так сказать, работников... И от этого, по-моему, вот Россия-мать никогда не избавится*** – идея субъективной значимости данной ситуации эксплицитно выражается с помощью существительного *мать* в функции приложения при подлежащем *Россия*, а также с помощью притяжательного местоимения *наше* как маркера личной сферы.

Однако вместе с тем интервьюируемый отмечает положительные черты, присущие в прошлом сфере его профессиональной деятельности: *Всё-таки, конечно, как бы мы ни ругали советское время, много было чего нехорошего, но было, наряду и со всем было, очень хорошие были... Вот вам, пожалуйста, отличие. Если раньше при советской власти мы год, через год, через два всегда нам строили мастерские, строят дом и где-то за...закладывают какой-то процент мастерских. То есть молодые художники практически все были обеспечены мастерскими. А что такое мастерская для художника? Это, конечно, работа прежде всего. Ключевой оказывается идея предоставления государством возможностей для профессиональной самореализации (А что такое мастерская для художника? Это, конечно, работа прежде всего – имплицитно выражается информация ‘предоставленная мастерская давала художнику возможность свободно работать’). Наличие мастерской осмысливается говорящим как необходимое условие работы: в предложении *А кто такой художник без мастерской, можете себе представить* содержится речевая импликация ‘художник не может работать без мастерской’. Интервьюируемый репрезентирует представление о создании государством в прошлом необходимых для работы художника условий, уточняя при этом: *Так что тут заметно, вот в смысле социаль-**

ных вопросов, отношение к культуре при Советском Союзе **наряду с тем, что и продвинутых творческих работников, несогласных с властью, их, конечно, гнобили, им не давали ходу, но с другой стороны, для широкого круга людей это было всегда подспорье, помощь, были заказы, были творческие дачи. Всё сейчас кануло в Лету** – эксплицируется идея невозможности получения художниками, несогласными с существующей властью, поддержки от государства. Более того, субъект речи отмечает создание людьми, обладающими властью, препятствий в профессиональной деятельности вышеназванной группе лиц (*гнобили, им не давали ходу* – использование лексемы *гнобили*, содержащей в своём значении прагматический компонент, позволяет говорящему выразить отрицательное отношение к данной ситуации). Для субъекта речи оказывается более значимой обеспеченность необходимым широкого круга художников (см. вторую часть противопоставления: *но с другой стороны, для широкого круга людей это было всегда подспорье, помощь*). Особую значимость идея поддержки государством людей, работающих в сфере культуры, приобретает для говорящего в связи с представлением об утрате данного явления: **И с окончанием советской власти все эти проценты куда-то ушли, а новые власти даже и не думают о культуре... Всё сейчас кануло в Лету**. Культура при этом осмысливается интервьюируемым как нечто первостепенно важное для государства: **И поэтому вот и у нас ещё ничего не может выстроиться, потому что культура у нас на последнем месте** – имплицитно информация ‘построение государства напрямую зависит от поддержки правительством культуры’.

В фрагменте (5) идея двойственности реализуется через противопоставление формально (официально) существовавшей возможности и реальной ситуации: *Вот, во-первых... эээ... хоть и при советской власти в законном порядке разрешалось эээ учиться, и оплачивалось это время учебы, отпуска, но начальство не любило студентов на работе... И поэтому начальство делало препятствия всякие* – см. использующийся для выражения идеи противопоставления противительный союз *но*. При этом интервьюируемый считает необходимым объяснить причины данного противоречия, подобного поведения руководства: **начальство не любило студентов на работе. Потому что они уходят на учебу, а работать некому**.

Отдельную группу составляют фрагменты, в которых эксплицируется представление о противоречивом отношении к религии:

(6) Нам уже пора браться за общество, за воспитание общества. За то, чтоб у нас всё равно какие-то идеи появлялись в государстве. Сейчас, конечно, все ударились в церковь, да? Я всегда говорю: я всё понимаю, люди верят, там, в Бога, ну пусть верят, ради бога. Я как бы сама не опровергаю, есть Бог, нет Бога, да? Всё равно у человека какая-то внутри должна быть вера во что-то, причём вера во что-то хорошее. Вот. А у нас получается [покашливает], вот коммунистов ругают, да, они опровергли Бога, но у них до такой степени был насыщен коммунизм, что они в тот коммунизм верили, как во что-то святое, да? И стремились к этому. Потом пошла неразбериха, вот теперь церкви поставили. Вы меня извините, я вот когда смотрела на Ельцина, который стоял в церкви, вот у меня внутри всё переворачивалось от этого ханжества! Это человек, который работал в «верхах», который был ярым коммунистом, а потом стал таким ярым божественным человеком. Вот это я понять не могу. Вот. Вот да? Вот меня вот хоть убейте. Что вот они, что, они так скрыто сначала верили? Если человек верит, то он верит, так он верит до конца, а если не верит, то он не верит. А вот это вот очковтирательство, которое у нас везде встречается, вот с этим надо бороться, я считаю [покашливает]. Я не говорю, что все должны верить в Бога, но каждый должен какие-то идеалы иметь, причём идеалы должны быть хорошими, светлыми. А у нас что получается? Одну власть смели – давай поносить их. Пришла другая власть – их возносим, тех с грязью смешиваем (Жукова).

(7) – Всегда ждали праздники. Пасху, Пасху, тогда же была запрещена. Вот эта вот вся вера... но всё равно народ праздники эти – Пасха, Троица – всегда справляли. Всегда. И самый всегда был чистый праздник. Потому что к Пасхе, к Пасхе всегда люди белили дома. Вот у нас в предместье везде белили дома, всё в домах белили. Помню, мать у меня, всегда наичистейшие иторы, постели – все всегда было чисто к Пасхе. И всё это было. Хоть это было и не провозглашено, чтоб это отмечать. Вообще. Даже про него не говорили

никогда. А коммунистам-то вообще нельзя было верить! Хотя все ходили тайно в церковь. Коммунисты и комсомольцы, очень много ходили в церковь. Но идеология была такая, что из комсомола могли исключить

– А мама же с папой в партии не были?

– Нет, мать у меня работала на почте. Почта у нас в Марата. Но не была она у нас. Папка тоже не был. Хотя на работе очень его уважали. Ну, и вот всегда помню: домой как заходишь – такой аромат, такой аромат куличей! Мы же стряпали всё, как по старинке, не то что как сейчас стряпают, а настолько... такой аромат, такой стоял... ммм... яйца крашеные, красили только в этот... бордовый только цвет. И мать всегда напечёт куличей, начиная от большого, кончая маленьким. И сама же всё умела. И взбивать белки, и шапки эти делать, и подписывать ещё что-то. И всегда это был праздник. И всегда, помню, широко этот стол стоял, и всегда вот заставлен всеми яствами такими (Соловьёва).

Интересно, что в фрагменте (6) представление о двойственном отношении к религии оказывается связано для говорящего с определённым прецедентным именем: *Потом пошла неразбериха, вот теперь церкви поставили. Вы меня извините, я вот когда смотрела на Ельцина, который стоял в церкви, вот у меня внутри всё переворачивалось от этого ханжества. Это человек, который работал в «верхах», который был ярым коммунистом, а потом стал таким ярым божественным человеком.* Интервьюируемый эксплицирует отрицательную оценку описываемой ситуации: следует обратить внимание на использование устойчивой метафоры, служащей для экспликации идеи эмоционального дискомфорта (*вот у меня внутри всё переворачивалось*), и указание на причину подобного состояния – *от этого ханжества* ('притворная, показная набожность, добродетельность; лицемерие' [МАС]). Вторая лексема, избираемая субъектом речи для номинации данной ситуации (*очковтирательство* – 'введение в заблуждение, представление чего-л. в лучшем виде, чем есть на самом деле' [МАС]), также позволяет выразить её отрицательную оценку. Негативное отношение говорящего связано прежде всего с представлением о несоответствии между реально существующим и демонстрируемым (в данном случае в ценностных ориентирах; см. важность для говорящего этой же идеи в фрагменте 208

(3)). При этом в качестве участников ситуации субъект речи называет не только Ельцина, но и некоторую неопределённую группу лиц (*Что вот они, что, они так скрыто сначала верили?* – использование манеры говорить на «они»), которой, по всей видимости, также приписываются те же характеристики (*Это человек, который работал в «верхах», который был ярым коммунистом, а потом стал таким ярым божественным человеком* – следовательно, негативно оценивается поведение всех людей, в прошлом бывших коммунистами и обладавших властью, а сегодня ставших истово верующими христианами).

Представления, репрезентируемые в примере (7), напротив, связаны с самим говорящим и его семьёй: *Помню, мать у меня, всегда наичистейшие ишоры, постели – все всегда было чисто к Пасхе... И мать всегда напечёт куличей, начиная от большого, кончая маленьким. И сама же всё умела.* Говорящий эксплицирует воспоминание о праздновании Пасхи (и совершении других религиозных обрядов), несмотря на официальный запрет: *Всегда ждали праздники. Пасху, Пасху, тогда же была запрещена. Вот эта вот вся вера... но всё равно народ праздники эти – Пасха, Троица – всегда справляли... Хоть это было и не провозглашено, чтоб это отмечать. Вообще. Даже про него не говорили никогда* – возможные последствия обуславливают не отказ от самих действий, но запрет на разговоры о них. При этом ключевой для интервьюируемого оказывается идея массового празднования, массовой религиозности. См. языковые средства, используемые для номинации субъекта: существительные *народ* (4. только ед. ч. ‘люди’ [МАС]) и *люди*, местоимение со значением всеобщности *все* (*всё равно народ праздники эти – Пасха, Троица – всегда справляли; потому что к Пасхе, к Пасхе, всегда люди белили дома... хотя все ходили тайно в церковь. Коммунисты и комсомольцы, очень много ходили в церковь*). Важным для субъекта дискурса оказывается принадлежность людей, входящих в церковь, к коммунистической партии, несмотря на возможные последствия: *Но идеология была такая, что из комсомола могли исключить*.

В приведённых выше фрагментах идея двойственности, неоднозначности трактовки некоторой ситуации в прошлом, существовавшего противоречия осознаётся самими интервьюируемыми и если и не становится основным предметом их внимания, то так или иначе сознательно проговаривается.

Более значимыми при изучении советского как дискурсивного феномена оказываются примеры не осознаваемой говорящими двойственности. Обратимся к фрагментам из текстов интервью.

(1) *Как он [Маркс. – авт.] объяснил историю, так он [исторический процесс. – авт.] шел нормально, за исключением вот этого предательского случая, когда СССР предали. Вот, а СССР предало наше КГБ. Потому что в КГБ появилось много людей, врагов советской власти. Они и предали. **Какая страна была... Все улучшалось с каждым годом, лучше и лучше. Какая была армия у нас сильная! Авиация, флот! А сейчас что? Позор! Один позор остался** (Алексеев).*

(2) – *Вы бы хотели что-нибудь из прошлого вернуть?*

– *Из прошлого... [вздыхает] Ты знаешь, из прошлого что-то как-то слишком много бедности, из прошлого. Понимаешь, реальной бедности. Ну, а стиральных машин-то не было. Как, помню, мы мучились, женам помогли после работы постирать все это. Какой компьютер, ты что! Мы летали, сейчас телефон у тебя какой уникальный, а я на самолете летал за тысячу километров – никакой связи из Иркутска получить, какая погода. Это ж ужасная вот эта вот бедность кругом такая! А сейчас даже вот эта вот дремучая утварь – и то кажется по сравнению с тем, что мы жили, да это же ужас, прекрасно как! Вот. Конечно, в ту бедность не хотелось вернуться бы* (Алексеев).

Приведённые выше примеры взяты из одного и того же интервью, при этом в фрагменте (1) субъект речи эксплицирует положительную оценку Советского Союза, отмечая постоянное улучшение всех аспектов жизни в прошлом: *Какая страна была... Все улучшалось с каждым годом, лучше и лучше*. С настоящим он связывает исключительно представление о *позоре* (1. ‘постыдное, унижительное для кого-л. положение, вызывающее презрение; бесчестье’), что свидетельствует о субъективной значимости ситуации для интервьюируемого.

В фрагменте (2) этот же субъект речи приписывает советскому прошлому такую характеристику, как *бедность*: *Ты знаешь, из прошлого что-то как-то слишком много бедности, из прошлого. Понимаешь, реальной бедности*. Данная ситуация оценивается говорящим резко отрицательно, осмысливается как

нежелательная: *Это ж ужасная, вот эта вот бедность кругом такая! Конечно, в ту бедность не хотелось вернуться бы.*

С настоящим же в фрагменте (2) интервьюируемый связывает представления об относительном материальном достатке: *Мы летали, сейчас телефон у тебя какой уникальный, а я на самолете летал за тысячу километров – никакой связи из Иркутска получить, какая погода... А сейчас даже вот эта вот дремучая утварь, и то кажется по сравнению с тем, что мы жили, да это же ужас, прекрасно как!* Таким образом, субъект дискурса эксплицирует противоречивые оценки двух периодов, не замечая при этом подобной двойственности. Интересно, что в примере (1) оценка имеет максимально общий и неопределённый характер, тогда как в примере (2) характеристики приписываются определённому аспекту жизни – материальной обеспеченности.

Анализ и сопоставление следующей пары примеров также обнаруживает явление имплицитно проявляющейся двойственности:

(3) – *А что бы всё-таки, что вот в нашей-то современной жизни нынешней по сравнению с прошлым... всё равно же какие-то, наверное, есть преимущества?*

– *Конечно, есть кое-что, безусловно. Сегодня... ну, вообще-то, лучше не вдаваться в дебри, потому что в образовании сегодня тоже свистопляска хорошая, вот... Все считали, что... Фурсенко, совершенно не на месте находится человек, я всё думала: а он бы, Фурсенко, наш этот министр образования, я хотела бы ему задать вопрос. Вот сейчас ликвидировали малые школы все в районах, вот это всё, малокомплектные школы, всё вот это, да... а он бы послал своего внука за несколько километров, первоклассника, учиться? Ну вот так-то разобратся. Школа была центром образования и культуры на селе. А теперь пьянство и большие ничего нет, ничего. А если бы сохранили колхозы? Миллионеры были колхозы! Дали бы оборудование, дали бы машины, да мы... [нрзб] тем более, если соединит всё сегодня религия... Слава богу, вот это я считаю, что возвращение к этому замечательному, истинно русскому прошлому, именно всё-таки, именно православию наше, оно всегда служило людям. И вот. И если соединить бы это всё, что было – Боже мой! – как было бы хорошо. Я считаю, что... хорошо то, что сегодня обратились к вере. Это хорошо.*

– Да, возрождение...

– Возрождение идет, хоть какое-то очищение идет, людям хочется... **Потом, и смотришь, сколько людей идет в церковь. Как-то радостно от этого. Что люди вот... почувствовали, вот здесь где-то они отдохновение могут найти. Как грустно в жизни нашей... Сегодня уж нечего говорить, что происходит там-то...** (Жмур).

(4) *Помню, как сейчас... эээ... зав.ОБЛОНО, ещё тогда молодой симпатичный мужчина, уговаривал меня...он сказал мне, что для того чтобы в аспирантуру поступить – а мы пошли в ОБЛОНО – что это надо готовиться к этому, и работу, и всё прочее, а я тогда не знала ничего этого. Он говорит: «Поезжай-ка работать в Тихвин, город Тихвин под Ленинградом, вот там. Я тебе буду приезжать, помогать антирелигиозную работу проводить». Там Тихвинская Божья Матерь, вот она сейчас возвратилась, эта икона. Вот видишь, какие чудеса... И я там... приехала, я действительно поехала туда, я проработала семь лет, тоже на второй год была завучем, а потом от завучества отказалась, но работала... ну, в радость! Вообще, в радость мне работалось всегда* (Жмур).

Экспликация положительного отношения интервьюируемого к православию в фрагменте (3) оказывается связанной с представлением об объединяющей силе религиозного мировоззрения: *тем более, если соединит всё сегодня религия... Слава Богу, вот это я считаю, что возвращение к этому замечательному, истинно русскому прошлому, именно всё-таки, именно православию наше, оно всегда служило людям... Я считаю, что... хорошо то, что сегодня обратились к вере. Это хорошо... Возрождение идет, хоть какое-то очищение идет, людям хочется... Потом, и смотришь, сколько людей идет в церковь. Как-то радостно от этого. Что люди вот... почувствовали, вот здесь где-то они отдохновение могут найти.* Православие осмысливается как нечто исконно, органически присущее русским (я считаю, что возвращение к этому замечательному, **истинно русскому прошлому**), как нечто субъективно значимое для самого говорящего (см. использование притяжательного местоимения *наше* как маркёр личной сферы). Именно православию интервьюируемый приписывает ключевую роль в восстановлении

единого государства, определённого социального устройства (см. эксплицированные представления о *возрождении* и *очищении* – следовательно, имплицуется информация ‘что-либо разрушено, погребено’ и ‘что-либо загрязнено’, при этом субъект речи не уточняет, что именно требует восстановления и очищения), никак, однако, не поясняя, с чем именно для него связано *возрождение* и *очищение*.

Интересно и то, что, по мнению говорящего, объединение людей религией могло бы стать поводом для сохранения и восстановления колхозов (т. е. способа организации хозяйственной деятельности, характерного для коммунистического государства): *А если бы сохранили колхозы? Миллионеры были колхозы! Дали бы оборудование, дали бы машины, да мы... [нрзб] тем более, если соединит всё сегодня религия...* Это не единственное не отслеживаемое субъектом речи противоречие в данном интервью: в фрагменте (4) интервьюируемый рассказывает о проводимой им в период существования СССР антирелигиозной работе, а уже в следующем предложении отмечает важность возвращения иконы: *Он говорит: «Поезжай-ка работать в Тихвин, город Тихвин под Ленинградом, вот там. Я тебе буду приезжать, помогать антирелигиозную работу проводить». Там Тихвинская Божья Матерь, вот она сейчас возвратилась, эта икона. Вот, видишь, какие чудеса...* Рассмотренное выше противоречие является одной из иллюстраций неосознаваемого субъектом речи влияния на него различных дискурсов: в данном фрагменте отразилось наложение атеистических представлений из советского дискурса и религиозных идей, активно используемых в дискурсе современного социума.

Следующая группа примеров иллюстрирует представление о единстве людей разных национальностей, живших в Советском Союзе. В данном случае эксплицируемая идея дружеских взаимоотношений между представителями разных народов так или иначе вступает в противоречие с выражаемым имплицитно негативным отношением к жителям других республик бывшего СССР. См. примеры:

(5) – *Местные жители, они начали притеснять, я вот по национальности башкирка, там вот жила моя тётя с семьёй, двое детей у них, её муж очень хороший специалист был, дядя... дядя... а... дядя Саша, он пол-Ташкента... он работал в строительстве, очень хороший сантехник, он же*

поднимал этот Ташкент. И очень долго они там прожили, а потом им пришлось сбежать, так унижительно, вот тётя Соня приехала вся расстроенная...

– Сюда, к нам? В Черемхово?

– Сестра, это мамы моей сестра она родная. И когда они приехали к нам сюда с Ташкента, она приехала к нам в гости, рассказывала, что на таможене даже вот личные вещи досматривали. Это разве дело? Это... она плакала, была в годах, и много осталось. Она успела квартиру продать, а для них же дорогая это была квартира, они двадцать с лишним лет в Ташкенте прожили, им пришлось бросить всё, убежать. Это всё плоды этой перестройки, а до этого же жили дружно, почему вот так вот получилось? А дети выезжали, дочка даже квартиру оставила, всё оставила, всю мебель, всю квартиру, просто с детьми, с мужем приехали сюда. Вот здесь начали зарабатывать, купили себе дом. Как вот назвать эту перестройку? Племянница моя вышла замуж за парня, он по национальности узбек, поехали к его родителям в гости, и доходит до смешного: отправили её в магазин, молодую девушку, ей было восемнадцать лет, сходи, Инна, купи хлеба, хлеб ей не продали в магазине...

– Почему?

– Какая политика? Не знаю, она пришла, плачет, не дали хлеба. Ладно, Игорь оптимист был, он пошёл с ней же, ему тут же дали красивый, свежий хлеб. Как так? Как это назвать? Ни... Это вообще было... началось, а жили же дружно страны, и праздники какие-то были, какие-то, как назвать, допустим, узбеки к нам приезжали со своими там танцами, наши там приезжали. А тут всё это началось, это как-то дико, не знаю, как вот в других там, как вот в Украине, где... У меня там нет родственников, но вот, как я вот сузю по... это же всё плоды перестройки, всё! Зачем он затеял, Горбачёв? Вот я о нём даже не хочу и вспоминать. Он обустроил своих детей: дочерей, внуков, внуков там, сам себя (Нефёдова).

(6) На Украине сколько живёт людей наших русских, и сколько украинцев живёт здесь. Ведь это... Приморский край полностью состоит из ук... украинцев, все они ехали за

длинным рублём, они рубль любят, украинцы, до сих пор, в то время тоже любили. Они ехали на эти все стройки, везде они ехали работать, народ-то трудолюбивый [покашливает]. Вот, ну и что, и все пооставались кто где, и теперь вот эти взять ещё там, как вот Латвия от нас отгородилась, ну ладно, это такие республики, которые, они всегда были на стороне фашистов, [покашливает] но Украина, Белоруссия – это исконно мы ж, русские. У нас веры одни, у нас [покашливает] и церковь одна. Но вот, пытаются там кое-кто переделать, как на Украине там, Западная Украина, они там провозгласили своей верой другую совсем, какую-то юлианскую или как ли она называется [покашливает] (Буримова).

(7) *Ну, потом вот Путин, он что второй и первый срок. Вот немножко стали собирать страну, ну как-то, Россию, а там и остальные страны чего-то стали, какие-то СНГ вот потом образовали, после слома-то СССР. Вот то, что сломали СССР, это, конечно, плохо, я к этому отношусь отрицательно, нельзя было сразу. Люди всё время жили, как-то мы вот, в единении, войну выиграли такую с народом там со всем. Что там грузин, армян, а потом началось, это что такое? Украинцы, грузины, все эти там это... Ну, это правители там между собой воевали, народ-то, он практически, народ всегда толерантный был друг к другу, а русский дак совсем (Белобородова).*

(8) *Нет, конечно, это... это... ну, это зря, чтобы развалить вообще, всю Россию уничтожить, развалить, это к этому и идет, полностью разваливают все. И зачем было? Я был, и... эээ...ездили и в Молдавию, и на Украине был, и в Средней Азии был. И все они когда-то в те времена... никто тебе ничего там, не было такого, чтобы вот, мол, это самое, везде доброжелатели жили, работали, и у нас тут всякие эти национальности работали, и я с ними работал и там, и там, и везде все жили... народ дру...народ дружно жил. Не было этого самого, сейчас вот, ну а вот сейчас что? Развалили, настроили все друг против друга, вот и все (Шевелёв).*

(9) *Но народ рад... там живут карачаи, черкесы, нагайцы, абазинцы... Раньше это было тоже единое целое. Даже*

карачаи, которые вернулись потом, сосланы были когда-то, да, Сталиным, вернулись... и то **какой-то** мир там был. **А теперь** мне рассказали, что деревни, аул, стали один черкесский, другой абазинский, третий... **своё** начальство там уже, всё это... Вот такое идет **разъединение народа**. Это где ж тут что будет! Я с оптимизмом не смотрю в будущее, если честно. Потому что это **разъединение, эта власть денег, это накопительство...** Я считаю, что сегодня **беспредел** (Жмур).

(10) – Я ехала по Кавказу, ехала и видела пустые поля. Я была так потрясена! Потому что раньше еду – или подсолнечник, эти головки их, да, или там пшеница, или ещё что-то...

У национала спрашиваю, который везет меня на такси, я говорю: «Что это такое? Что случилось такое?» А он мне так ехидненько говорит: «Ну так землю – крестьянам». Я говорю: «Что это значит? Ну и что, – говорю, – значит, ну, отдали им, крестьянам?» **Всё разворовали в колхозах, миллионеры были колхозы... Всё разворовали – оборудования нет, машин нет, а теперь те отдают в аренду всё это. И вот такая богатая земля там: Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, вот это... во многом пустуют. Видишь, что. И, конечно, о чем сегодня говорить... Я с перестройкой... я считаю, что перестройка была...** [нрзб]

...И я когда читала их все данные, они все возвращались в свои деревни и видели... с прискорбием сообщают о том, что они видят. Рушатся... рушится всё, устои крестьянские. **Что мы покупаем, почему мы покупаем сегодня продукты, морковь, нет... из Индии везут нам, видите ли, огурцы... Мы что, не способны ни на что стали?! Почему такое унижение нашему народу?! Зачем нам эти консервы, когда нам... мы всё можем делать!**

– Народ-то богатый.

– Народ богатый! Такое богатство! (Жмур)

Интересно, что в фрагменте (6) эксплицируемое субъектом речи представление о дружеских взаимоотношениях с представителями других национальностей, проживавших на территории СССР (это всё плоды этой перестройки, а до этого же жили

*дружно, почему вот так вот получилось?») вступает в противоречие с описываемым им же прецедентом: Племянница моя вышла замуж за парня, он по национальности – узбек, поехали к его родителям в гости, и доходит до смешного, отправили её в магазин, молодую девушку, ей было восемнадцать лет, сходи, Инна, купи хлеба, хлеб ей не продали в магазине... Несоответствие декларируемых дружеских взаимоотношений реально существующим неприязненным интервьюируемый объясняет, используя стратегию катастрофизации (перестройка и распад СССР концептуализируются как катастрофа (**это всё плоды этой перестройки, а до этого же жили дружно, почему вот так вот получилось?... У меня там нет родственников, но, вот, как я вот сужу по... это же всё плоды перестройки, всё**), в качестве виновника, каузировавшего данную ситуацию, названо конкретное лицо (**Зачем он затеял, Горбачёв?**)).*

В фрагменте (7) интервьюируемый, с одной стороны, эксплицирует представление о необходимости единства республик, входивших в состав СССР. Важно, однако, и то, что он называет только восточнославянские страны (*но Украина, Белоруссия – это исконно мы ж, русские. У нас веры одни, у нас [покашливает] и церковь одна*) и выражает негативную оценку Латвии, относя её к некоторой неопределённой группе других советских республик, которые, по его мнению, были на стороне врага: *Латвия от нас отгородилась, ну ладно, это такие республики, которые они всегда были на стороне фашистов*. С другой стороны, интервьюируемый приписывает украинцам такое качество, как алчность, корыстолюбие: *Приморский край полностью состоит из ук... украинцев, все они ехали за длинным рублём, они рубль любят, украинцы, до сих пор, в то время тоже любили*. Однако дискурс подавляет экспликацию субъективного представления и снова возвращает субъекта к идее единства и положительной оценки жителей других республик: *Они ехали на эти все стройки, везде они ехали работать, народ-то трудолюбивый* (корыстолюбие как мотив заменяется трудолюбием). При этом экспликация представления о единстве и последующем его разрушении оказывается крайне невнятной (*Вот, ну и что, и все пооставались кто где, и теперь вот эти взять ещё там, как вот*), что характерно и для других примеров: (8) *Я был и эээ...ездили и в Молдавию, и на Украине был, и в Средней Азии был, и все они когда-то в те времена... никто тебе ничего*

там, не было такого, чтобы вот, мол, это самое...народ дружно жил, не было этого самого, сейчас вот, ну а вот сейчас что? Подобная неопределённость как стратегия осмысления данного феномена (декларируемые представления никак не удаётся конкретизировать, отнести к реальности прошлого) подкрепляется неопределённостью другого рода: максимально неопределённым для говорящих становится и всё то, что исключается из их личной сферы. В данном случае речь идёт о выражении пейоративного отчуждения (отнесения объекта к сфере «чужого», выражения его отрицательной оценки) с помощью неопределённых и указательных местоимений: (7) *Люди всё время жили, как-то мы вот, в единении, войну выиграли такую с народом там со всем. Что там грузин, армян, а потом началось, это что такое? Украинцы, грузины, все эти там это;* (8) *работали, и у нас тут всякие эти национальности работали.* Таким образом, декларируемые идеи дружбы и единства вступают в противоречие с имплицитно выраженным негативным отношением к представителям других национальностей.

В (9) эксплицитно выражена негативная оценка разъединения: *Вот такое идет разъединение народа. Это где ж тут что будет! Я с оптимизмом не смотрю в будущее, если честно. Потому что это разъединение, эта власть денег, это накопительство... Я считаю, что сегодня беспредел.* Этой оценке противоречит выбор лексемы *национал* для номинации лица в (10): *У национала спрашиваю, который везет меня на такси, я говорю: «Что это такое? Что случилось такое?».* Как кажется, выбор такой номинации свидетельствует о том, что значимость национальных различий для субъекта дискурса более важна, чем это следует из его эксплицитных формулировок.

Интересно и другое противоречие, проявляющееся в фрагменте (10): упадок колхозов говорящий связывает с действиями некоторых неопределённых лиц (см. использование неопределённо-личных конструкций): *Всё разворовали в колхозах, миллионеры были колхозы... Всё разворовали – оборудования нет, машин нет, а теперь те отдают в аренду всё это.* Однако предыдущее предложение (*Я говорю: «Что это значит? Ну и что, говорю, значит, ну отдали им, крестьянам?»*) позволяет предположить, что субъект речи связывает негативно оцениваемую им ситуацию именно с действиями тех, для обозначения кого использована лексема *крестьяне* (именно в их распоряжении

оказалась земля). При этом данная группа лиц мыслится как субъект действия. Однако в дальнейшем говорящий концептуализирует ситуацию иначе: *Что мы покупаем, почему мы покупаем сегодня – продукты, морковь, нет... из Индии везут нам, видите ли, огурцы... Мы что, не способны ни на что стали?! Почему такое унижение нашему народу? Зачем нам эти консервы, когда нам ...мы всё можем делать!* Используемая номинализация *унижение* (от глаг. унизить ‘задеть, оскорбить чьел. самолюбие, достоинство, поставить в унизительное положение’ [МАС]) позволяет представить данную ситуацию как негативно оцениваемое говорящим воздействие некоторой максимально неопределённой силы на *народ*, который в данном случае мыслится как пассивный объект. При этом интервьюируемый связывает с данной группой лиц представление о способности к действиям, которые могли бы изменить данную ситуацию (следовательно, подобные действия имплицитно оцениваются говорящим положительно). Но субъект эксплицирует именно представление о **способности** к действиям, а не о их реальном осуществлении (следовательно, имплицитно представлена мысль о бездействии *народа*). Таким образом, интервьюируемый сначала концептуализирует данную ситуацию как каузированную действиями некоторой группы лиц изнутри (*Я говорю: «Что это значит? Ну и что, говорю значит, ну отдали им, крестьянам?»* ***Всё разговорали в колхозах, миллионеры были колхозы...***), а затем репрезентирует представление о внешнем воздействии неопределённой силы на группу лиц, являющуюся лишь пассивным бездействующим объектом, теоретически способным на положительно оцениваемые субъектом речи действия.

Проведенный анализ позволяет констатировать следующее. Декларируемые субъектами речи идеи так или иначе противоречат другим представлениям, имплицитно или эксплицитно выраженным теми же интервьюируемыми. Подобная двойственность является свидетельством дискурсивного осмысления некоторой ситуации: дискурс диктует определённые рамки концептуализации ситуации, однако субъект, стремясь к задаваемой дискурсом однозначности, не ощущает, что его собственное отношение к данному явлению не столь определённо и декларативно.

3.2. КОЛЛИЗИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОВЕТСКОМ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Имплицитно представленная двойственность характерна и для интервью субъектов дискурса современного социума. В данном случае так же, как и при анализе текстов субъектов советского дискурса, нас интересует противоречие между идеями, сознательно декларируемыми говорящими, и представлениями, вербализуемыми неосознанно.

Анализ материала позволяет утверждать, что, с одной стороны, интервьюируемые стремятся эксплицировать представления о ценности коллективизма, о значимости для них идеальных ценностей (нравственность, патриотизм – см. параграф, посвящённый концептуализации феноменов советского в текстах интервью субъектов дискурса современного социума). При этом приверженность материальным благам, приписываемая субъектами речи современному обществу, оценивается ими крайне негативно (формируется оппозиция «тогда ↔ сейчас», прошлое оценивается положительно, настоящее – отрицательно):

(1) И началось это все с девяностых годов, и продолжается по нынешнее время, потому что уже сейчас видно, что люди меньше общаются друг с другом в реальной жизни, больше общаются по телефону, через интернет и так далее, и тому подобное, они уже тянутся больше к деньгам, они о душе, собственно говоря... ну, иногда приходят мне в голову такие нематериальные ценности... а... они тянутся к своей власти, к своей собственной силе... а... а раньше это немножко по-другому было, у всех была цель и идея, с которой хотели достигнуть, а сейчас уже, увы, увы и ах, эту цель и идею сложно... м... представить, задать, чтобы люди... м... жили только ради нее (Глинский).

В приведённом фрагменте эксплицированы представления субъекта речи о системе ценностей, характерных, по его мнению, для людей, живших в Советском Союзе. Предметом осмысления в данном случае становится цель деятельности людей в прошлом: *а раньше это немножко по-другому было, у всех была цель и идея, с которой хотели достигнуть, а сейчас уже, увы, увы и ах, эту цель и идею сложно... м... представить, задать, чтобы люди... м... жили только ради нее.* Указываемая ситуация осмысливается как следствие влияния на людей, живших в

СССР, коммунистической идеологии, причём в качестве деятелей, стремящихся трудиться во имя *идеи*, концептуализируется максимально широкая группа лиц (см. использование местоимения со значением всеобщности *все*). Говорящий противопоставляет два периода – «тогда» и «сейчас», разделённые чёткой границей: *И началось это все с девяностых годов*. Основанием для оппозиции в данном случае становится различие в мотивах деятельности людей (сейчас *люди тянутся к деньгам*, а раньше... *у всех была цель и идея, с которой хотели достигнуть*). При этом субъект дискурса отмежевывается от обозначенной группы людей, мотивом деятельности которых является материальный достаток, утверждая, что для него значимы идеальные ценности: *ну, иногда приходят мне в голову такие нематериальные ценности....* Интересно и то, что интервьюируемый утверждает невозможность существования прежних мотивов деятельности в современном обществе и эксплицирует своё сожаление по этому поводу (см. использование междометий *увы* и *ах*): *сейчас уже, уввы, уввы и ах, эту цель и идею сложно... м... представить, задать, чтобы люди... м... жили только ради нее*.

Подобное приписывание советскому прошлому положительных характеристик, связанных с представлением о том, что для людей, живших в СССР, значимы были прежде всего идеальные ценности, противоречит, однако, имплицитно выраженной в следующем фрагменте (взятом из того же интервью) идее большей ценности материальных благ:

(2) – *Как, на твой взгляд, повлияла на жизнь твоей семьи перестройка и развал СССР?*

– *Мягко говоря, не очень. М... потому что в период жизни... а... врачей очень уважали, родители мои пошли именно поэтому, потому что они, конечно, не тщеславные, они хотели помогать людям и достойно жить <...> И перестройка отобрала у них большую часть финансовых накоплений, которые они могли потратить на что-то хорошее... э... доброе, милое, вечное, собственно, они могли купить еще какую-то квартиру, считай... считай, в Тайшете квартиры-то не очень в те времена были. Ну, они не то... Во-первых, они не очень дорогие были, во-вторых... а... сложности были продать их, ну, в общем... а... перестройка негативно повлияла на этот факт, да и вообще, все девяностые*

годы с зарплатами врачей творилось что-то такое... а... то есть, ничего хорошего, в общем, не было (Глинский).

Интервьюируемый репрезентирует представление о возможности приобретения чего-либо его родителями на имевшиеся у них в прошлом деньги: *перестройка отобрала у них большую часть финансовых накоплений, которые они могли потратить на что-то хорошее...э...доброе, милое, вечное.* Для обозначения возможного предмета покупки субъект речи использует неопределённое местоимение-существительное *что-то* в сочетании с прилагательными *доброе* (2. 'несущий благо, добро, благополучие' или 3. 'хороший, нравственный' [СОШ]), *милое* (1. 'славный, привлекательный, приятный' [СОШ]), *вечное* (1. 'не перестающий существовать, сохраняющийся на многие века' [СОШ]). При этом говорящий считает, что данными свойствами обладает такой артефакт, как *квартира*: *перестройка отобрала у них большую часть финансовых накоплений, которые они могли потратить на что-то хорошее... э... доброе, милое, вечное, собственно, они могли купить еще какую-то квартиру.* Таким образом, представление о чём-либо не перестающем существовать и при этом несущем благо и добро интервьюируемый связывает с недвижимостью, определённым видом имущества (представление о благе и добре оказывается связано с идеей материального благополучия). При этом субъект дискурса продолжает рассуждение, приводит аргументы, подтверждающие выгоды подобного приобретения в то время: *считай... считай, в Тайшете квартиры-то не очень в те времена были. Ну, они не то... Во-первых, они не очень дорогие были, во-вторых... а... сложности были продать их.* Использование наречия *ещё* ('опять, в добавление' [СОШ]) в выражении *купить ещё одну квартиру* позволяет интервьюируемому имплицировать информацию 'у них уже была в собственности квартира'. Следовательно, для интервьюируемого покупка квартиры в данном случае представляется не насущной необходимостью, а выгодным вложением денег, при этом в его сознании подобное вложение связано с чем-то нерушимым и несущим благо, добро.

Не менее интересны для описания имплицитной двойственности и примеры из другого интервью субъекта современного дискурса:

(3) – *Как ты думаешь, в чем принципиальное различие между сегодняшним временем, то есть твоей вот молодого-*

стью, и временем, когда твои родители или бабушка и дедушка были в твоём возрасте?

– У них была возможность быть счастливыми. Они знали, ради чего они работали; у них были принципы, у них были цели.

– А у тебя их нет?

– Вот ради чего раньше работали? **Ради Родины.** В каком смысле ради Родины? Ты знаешь, что если ты не будешь подводить, то... вся система... грубо говоря, будет идти как отлаженный механизм.

– То есть ты винтик?

– Да. Это не говорит о том, что ты ничтожество. **Это говорит о том, что ты часть чего-то очень большого.** Но за счет вот этой маленькой части... работает все. Одна часть вылетела – и **полетела вся система.** Люди ради этого работали, ради этого жили. Это была их цель. Они знали... чего это стоило. Сколько жизней... унесла революция причем... ну, как сказать... сколько жизней она унесла и какой ценой далась... **но цель-то была великая!**

– А сейчас ты чувствуешь, что у тебя...нет...

– [перебивает] Понимаешь, ааа... Создавали почти век. Разрушили... почти за три года [смех].

– То есть ты чувствуешь: отличие от твоих предков в том, что у тебя нет великой цели и нет такого... самопоимания как важной части...

– ...Чего-либо. Да. Я работать могу только ради себя ... ради семьи... но не больше (Крупович).

(4) – А вот почему тебя, ты предпочитаешь именно это творчество, советского времени?

– [перебивает] Они [фильмы, созданные в СССР. – авт.] **о человечности...** Они со смыслом. Они не абы как сделаны. **Они деланы не ради денег. Они деланы ради идеи.** Они сделаны ради людей (Крупович).

В фрагментах (3) и (4) предметом осмысления также становится цель деятельности (труда) людей в прошлом: (3) *Вот ради чего раньше работали? Ради Родины;* (4) *Они [фильмы, созданные в СССР. – авт.] деланы ради идеи.* См. репрезентацию представления о специфике организации труда в СССР: (3) *Ты знаешь, что если ты не будешь подводить, то... вся система...*

*грубо говоря, будет идти как отлаженный механизм... Это не говорит о том, что ты ничтожество. Это говорит о том, что ты часть... чего-то... очень большого. Но за счет вот этой маленькой части... работает все. Одна часть вылетела – и полетела вся система. Люди ради этого работали, ради этого жили. Это была их цель. Субъект дискурса в данном случае использует развёрнутую метафору механизма (страна как механизм и человек как его малая, но необходимая часть). При этом коммунистическая идеология, лежащая в основе подобной концептуализации действительности, по мнению субъекта речи, становится не только мотивом трудовой деятельности, но и мотивом деятельности творческой (см. пример (2): *Они [фильмы, созданные в СССР. – авт.] о человечности... Они со смыслом. Они не абы как сделаны. Они деланы не ради денег. Они деланы ради идеи. Они сделаны ради людей* – идея ориентации создателей фильмов на общечеловеческие ценности).*

Однако и в данном случае возникает та же коллизия: декларируя примат идеальных ценностей над материальными, интервьюируемый имплицитно выражает представление о первостепенной важности (значимости) материальных благ:

(5) – *Ну... тяжело повлияли. У нас тогда денег не было. Мой отец в КГБ служил... изначально. Там пошли перестройки в современное ФСБ. Денег не платили. Да жизни не было! Ммм... Я очень слабо помню то время... помню, отец по командировкам всё время мотался, дома почти не видели. Ммм... Не было денег даже на то, чтоб купить одежду или еду. Вообще. И вообще было неизвестно, что будет дальше... как жить.*

– *То есть, ты хочешь сказать, что это настроение семьи определило... больше, а не какие-то именно события в жизни?*

– *События... Сам развал – это событие. А как ты думаешь, перестройка КГБ в ФСБ что-то означает?*

– *Я думаю, да.*

– *Ну... вот смотри: был Комитет Государственной Безопасности, а стало... ф...мм... ФСБ... ааа... это... это расшифровывается нынче... ааа... Федеральная служба безопасности. Что значит Федеральная Служба Безопасности? эээ... точного определения нет. Из названия комитета определяется его работа. Когда был Комитет Госбезопасности, ааа... под его работой подразу-*

мевалась защита государственных интересов, отслеживание предателей Родины, внутренняя безопасность, вот. А что такое ФСБ, на что оно работает и что оно делает, до конца никому не понятно. Папа после этого оттуда ушёл и изменил работу. Он стал работать в таможне какое-то время. Вот. (Крупович).

В данном фрагменте интерес представляет соседство двух мотивировок одного и того же события – увольнения отца интервьюируемого из КГБ (ФСБ). В начале ответа на вопрос, как повлияли на жизнь его семьи перестройка и распад СССР, говорящий отмечает, что переформирование КГБ в ФСБ повлекло за собой проблемы с заработной платой, которые существенно сказались на качестве жизни семьи (см. выражение отрицательной оценки ситуации с помощью конструкции *Да жизни не было!* – эмоциональное отношение говорящего передаётся посредством интонации, на письме отображаемой с помощью восклицательного знака, и частицы *да* в начале предложения (4. [всегда безударная]. Употр. обычно в начале предложения и при ответе собеседнику для подчеркивания, с некоторым оттенком раздражения, недовольства [СОШ]). Кроме того, для говорящего оказывается важным отметить занятость отца в то время (*отец по командировкам всё время мотался*) и снова сделать акцент на отсутствии денег: *Не было денег даже на то, чтоб купить одежду или еду. Вообще.* Использование частицы *даже* (3. частица. Употр. для выделения той части сообщения, которая его подтверждает, приводя дополнительные аргументы или еще более вескую информацию [СОШ]) и наречия *вообще* (здесь используется для выражения идеи полного отсутствия чего-либо) позволяет субъекту дискурса имплицировать информацию ‘денег не просто не хватало, их не было совсем’. Данный факт оказывается субъективно значимым для интервьюируемого (см. восклицание *Да жизни не было!* и градационное усиление *У нас тогда денег не было... Денег не платили... Не было денег даже на то, чтоб купить одежду или еду. Вообще*). В следующем предложении говорящий также использует наречие *вообще* для экспликации идеи ощущения полного отсутствия перспектив, будущего, которое связывает с отсутствием денег. Затем, однако, субъект речи сам задаёт вопрос интервьюеру (*А как ты думаешь, переформирование КГБ в ФСБ что-то означает?*), создавая тем самым себе предпосылку для дальнейшего рассуждения. Формально те-

мой следующего фрагмента интервью становится разъяснение субъектом речи разницы между КГБ и ФСБ. При этом в тексте названия этих двух организаций противопоставляются говорящим на основании его представления об определённости/неопределённости их функций: *Когда был Комитет госбезопасности... ааа...под его работой подразумевалась защита государственных интересов, отслеживание предателей Родины, внутренняя безопасность, вот. А что такое **ФСБ**, на что оно работает и что оно делает, до конца никому не понятно.*

Интересно, что субъект дискурса связывает увольнение отца именно с неопределённостью функций переформированной организации: *А что такое ФСБ, на что оно работает и что оно делает, до конца никому не понятно. Папа после этого оттуда ушёл и изменил работу.* Таким образом, имплицитно представлена информация ‘ФСБ не занимается защитой государственных интересов и отслеживанием предателей, именно поэтому мой отец оттуда ушёл’. Однако выражения, используемые интервьюируемым для обозначения функций КГБ (*защита государственных интересов, отслеживание предателей Родины, внутренняя безопасность*), являются выражениями с неопределёнными денотатами (основным оказывается прагматический слой значения: нельзя точно определить, какие именно действия/ситуации имеет в виду говорящий, но оценивает он их положительно). Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить, что в первой части данного примера субъект речи называет истинную причину ухода отца из организации (отсутствие денег и в связи с этим неопределённость перспектив). Однако для интервьюируемого оказывается настолько принципиально важным назвать «официальную» причину ухода отца из КГБ – отсутствие возможности *заниматься защитой государственных интересов* – что он сам провоцирует интервьюера на продолжение разговора на эту тему. Следует отметить, что если в первой части фрагмента личное отношение говорящего проявляется в выборе грамматических конструкций (парцелляция, восклицательные предложения), то во второй части говорящий подчёркнуто безэмоционален. Субъект дискурса использует в данном случае тактику оправдания для репрезентации идеи отсутствия у его отца материальной заинтересованности, связанной со службой в КГБ. Следовательно, интервьюируемый стремится представить себя и свою семью как людей, не заинтересованных в

деньгах, людей, готовых работать ради идеи, однако имплицитно всё-таки выражает представление о значимости для него самого и его семьи материальных благ. Другие примеры из данного интервью также иллюстрируют данную коллизию:

(5) *Сколько ни думала... ну, я думаю, всегда прихожу к выводу о том, что люди забыли, какой ценой им удалось то, что они получили, какой ценой было дано это государство* (Крупович).

(6) *Пока были живы наши прапра... прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали... этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой они... отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достаточное образование, медицину, безопасность* (Крупович).

(7) – *Но ведь многие люди в наше время... ааа... занимают важное место именно в социальных сферах: это врачи в поликлиниках, это учителя...*

– [перебивает] *Понимаешь, при каких условиях и сколько им платят за это...*

– *Ну, видишь... денежный вопрос...*

– *Вот и я о том же...*

– *Но ведь человеком правит идея, как ты говоришь.*

– *Человеком правит идея, только эта идея еще должна быть как-то подкреплена. Тогда педагог получал достаточно, чтобы прожить. Сейчас у педагога пять тысяч зарплата в школе, и он... едва выживает* (Крупович).

Интересно, что в фрагменте (6) *победа рабочего класса* связывается прежде всего с приобретением возможностей получения чего-либо: *зарплаты, образования, медицины, безопасности*. В данном случае люди, жившие в СССР, концептуализируются не как субъекты действия, а как пассивные реципиенты, получающие (после того, как это *отвоевали прадеды*) некоторый набор материальных (*зарплата*) и социальных благ (*медицина, образование, безопасность*). Идея получения чего-либо от неопределённого адресанта отражена и в использовании субъектом дискурса пассивной конструкции: *Какой ценой было дано это государство*.

В фрагменте (7) ключевой становится коллизия двух мотивов деятельности – заинтересованность в получении материаль-

ного вознаграждения и вера в идеологию. При этом сам интервьюер отсылает субъекта речи к ранее репрезентированному тем представлению о необходимости идеологической мотивировки человеческой деятельности (см. пример (3)): *Но ведь человеком правит идея, как ты говоришь*. Говорящий парадоксальным образом декларирует большую значимость материальных благ, отрицая ценность идеи без наличия материальных выгод: *Человеком правит идея, только эта идея еще должна быть как-то подкреплена. Тогда педагог получал достаточно, чтобы прожить, сейчас у педагога пять тысяч зарплата в школе, и он... едва выживает*. Таким образом, в данном случае оппозиция «тогда↔сейчас» приобретает характер противопоставления наличия/отсутствия материальной обеспеченности людей, а не наличия/отсутствия у людей принципов и идей (см. экспликацию данного противопоставления в примере (3)). Следовательно, интервьюируемого интересует прежде всего материальная обеспеченность и социальная защищённость, а не наличие идеологической составляющей в жизни, хотя формально он декларирует именно последнее.

Таким образом, субъекты дискурса современного социума стремятся декларировать значимость наличия в обществе идеологической составляющей, обуславливающей существование определённой системы ценностей у людей, живших в СССР. Однако возникает не отслеживаемое самими интервьюируемыми противоречие: имплицитно они утверждают представление о большей значимости материальных благ.

Отдельного рассмотрения заслуживает ещё один характерный для интервью субъектов дискурса современного социума тип двойственности: с одной стороны, говорящие концептуализируют некоторые представления как безусловно истинные, не подлежащие сомнению, с другой – субъекты так или иначе выражают личную неуверенность в истинности репрезентируемой информации, причём делают это, по всей видимости, неосознанно.

Стремление говорящих формулировать свои субъективные представления как единственно верную точку зрения на прошлое отражается прежде всего в выборе (безусловно, неосознанном) субъектом дискурса того или иного способа концептуализации ситуации (в данном случае речь пойдёт об определённых языковых средствах и приёмах построения текста).

Одной из наиболее типичных стратегий осмысления прошлого является стратегия генерализации. Стремление субъектов

дискурса современного социума приписать определённые характеристики всем без исключения людям, жившим в СССР (или всем без исключения ситуациям, имевшим место в то время), является по существу абсолютизацией некоторого субъективного представления, сформировавшегося под влиянием того или иного источника информации. Одно из самых активно используемых для этой цели языковых средств – местоимения всеобщности:

(1) *А... собственно, особых таких затруднений они [родители. – авт.] не помнят, таких серьезных, почему, **потому что все работали, все были счастливы, все учились.** Кому нужно было учиться, учился, кому надо было работать, работал, **всё было здорово, почему, потому что по субботам-воскресеньям они ходили в кино, они гуляли в парке, в общем, хорошее, счастливое детство** (Глинский).*

(2) *Что бы я захотела взять? Ну, наверное, качество. Вообще сильно отличалось качество вот товаров в... ну, как раньше... в СССР и вот сейчас. Сейчас, ну, **все продукты** – это вот химия одна сплошная. Даже **все яблоки**, там, практически не портящиеся, колбаса, там даже мяса никакого нет. Ну, в общем, все это, конечно, ненатуральное. А вот раньше, как мне вот рассказывали родители, да, они стояли, ну, вот, даже не знаю, абрикосы, персики пробовали раньше, они действительно были вкусные, сейчас, ну, мыло да мыло [смеется] на вкус. Ну как бы **все**, конечно, отличается, сейчас этой химией поливают, и **весь этот вкус** и утрачивается (Шелковникова).*

С помощью местоимения со значением всеобщности *все* в фрагменте (1) эксплицируется представление о всеобщем счастье, связанном для говорящего с возможностями осуществлять определённую деятельность (*потому что **все работали, все были счастливы, все учились***).

В фрагменте (2) интервьюируемый использует местоимения всеобщности для выражения отрицательной оценки качества современных продуктов: *сейчас, ну, **все продукты** – это вот химия одна сплошная... Даже **все яблоки**, там, практически не портящиеся, колбаса, там даже мяса никакого нет **все**, конечно, **отличается**, сейчас этой химией поливают, и **весь этот вкус** и утрачивается. В тексте формируется оппозиция «тогда ↔ сейчас» (вообще сильно **отличалось** качество, вот, товаров в... ну, как,*

раньше, в СССР и вот сейчас), прошлое при этом оценивается положительно (*а вот раньше, как мне вот рассказывали родители, да, они стояли, ну, вот, даже не знаю, абрикосы, персики пробовали раньше, они действительно были вкусные*).

Отрицательные местоимения также широко используются интервьюируемыми как средство генерализации:

(1) Им было... им было душевно, они знали, что никто там сверху не вылезит, да, никто ничего кичится, то есть все живут ровно, не было зависти (Рязанцев).

В данном высказывании использование отрицательного местоимения-существительного сочетается с использованием отрицательной частицы при предикате: наряду с отрицанием действий, негативно оцениваемых интервьюируемым (см. наличие прагматического компонента в лексемах *кичиться, вылезать*), отрицается наличие субъектов, совершавших данное действие в прошлом (*никто там сверху не вылезит*).

Для описания специфики реализации в текстах интервью стратегии генерализации чрезвычайно интересен следующий пример, уже рассматривавшийся нами подробно выше (см. специфику концептуализации коллективизма в интервью субъектов современного дискурса). В данном случае обобщение приобретает характер индукции: некоторые характеристики, приписываемые конкретным людям, жившим в СССР, осмысляются как свойственные всем людям, жившим в Советском Союзе:

(4) – Я не знаю, вот как бы, жили когда в Советском Союзе, да? Ну, по рассказам, по крайней мере, жили с соседями, то есть соседи это были не как сейчас. Ты вот, например, знаешь своих соседей?

– Нет.

– Ты с ними здороваешься?

– Да, но я их помню.

– А вот раньше жили с соседями. То есть вот до сих пор вот, у меня бабушка живет... Ну, где-то сохранилось это, где поменялись люди, конечно, этого уже не осталось. Но у меня, например, мама выросла. Получается, у них дом так собрался весь, и там семейные пары с детьми, и, естественно, дети... То ли это специально так подбирали, может быть, ну, заселяли, чтобы вот так получилось. То ли судьба сложилась. Но они, получается, росли всем подъездом, всем домом дети. Ро-

дители дружили всей площадкой. Они, собственно, и работали-то как бы на одном предприятии и все равно там, ну, как бы не пересекались... ещё что-то. Они дружили всем предприятием. Там если радость, то весь дом радуется, если печаль, то весь подъезд печалится и собирается. Ну, то есть это такое время, это теплая обстановка не только в каком-то конкретном городе, а во всей стране (Шпехт).

В данном фрагменте текста интервьюируемый использует местоимение всеобщности *весь* ('полный, без изъятия, целиком' [СОШ]) для выражения идеи объединённости людей в некоторый коллектив, их сплочённости (подобное использование местоимения *весь* позволяет представить совокупность людей как нечто единое: *весь дом, весь подъезд, всем предприятием*). Субъект дискурса перечисляет группы людей, выстраивая их в определённый градационный ряд (от количественно небольшой к наиболее многочисленной): сначала говорит об объединённости людей в рамках лестничной площадки, подъезда, дома (*росли всем подъездом, всем домом дети. Родители дружили всей площадкой*), затем сообщает о дружеских взаимоотношениях, объединявших людей, работавших на одном предприятии (*они дружили всем предприятием*), а завершает градационный ряд утверждением об объединённости всех людей, живших в Советском Союзе (*Ну, то есть это такое время, это теплая обстановка не только в каком-то конкретном городе, а во всей стране*). Таким образом, интервьюируемый обобщает личный опыт старших родственников до опыта всех людей, живших в СССР. Генерализация предстаёт как процесс поэтапный: интервьюируемый приписывает наличие дружеских взаимоотношений всё более многочисленной группе людей, пока не доходит до предельного обобщения.

Другой формой концептуализации представления как абсолютно истинного становится его имплицитное выражение: некоторая информация осмысливается говорящим как уже доказанная, как то, на чём можно строить дальнейшие рассуждения. Подобная концептуализация может осуществляться как с помощью речевых импликатур, так и с помощью представления ассертивной информации в качестве пресуппозиции:

(1) *Сколько ни думала... ну, я думаю, всегда прихожу к выводу о том, что люди забыли, какой ценой им удалось то,*

что они получили. Какой ценой было дано это государство. Пока были живы наши пра-пра... прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали... этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой они ... отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достойное образование, медицину, безопасность. Когда если и были какие-то по-настоящему воры или маньяки... один этот случай гремел... на весь Советский Союз, пока его не отлавливали (Крупович).

(2) – *Не по любви, а по расчету, да. Дети раньше были намного проще, чем сейчас...*

– *Потому что ра...равны все были, наверно...*

– *Ну да (Курбатова).*

В фрагменте (1) (см. предложения ну, я думаю, всегда прихожу к выводу о том, что люди забыли, какой ценой им удалось то, что они получили. Какой ценой было дано это государство) в качестве речевой импликатуры представлена информация ‘людям пришлось заплатить большую цену за то, что им было кем-то дано государство’. При этом в следующих двух предложениях (пока были живы наши прапра... прадеды, то есть те люди, которые еще участвовали в революциях, они держали... этот мир. Ну, в том смысле, что они знали, какой ценой, они... **отвоевали победу этого рабочего класса, возможность им иметь зарплату, возможность иметь достойное образование, медицину, безопасность**) имплицитно представлена информация ‘цена за победу рабочего класса, возможность иметь зарплату, достойное образование, медицину, безопасность – революции’. В предложении *Когда если и были какие-то по-настоящему воры или маньяки... один этот случай гремел... на весь Советский Союз, пока его не отлавливали* содержится импликатура ‘появление вора или маньяка было очень редким событием, преступника обязательно находили’. Следовательно, для субъекта дискурса все вышеозначенные ситуации представляются однозначными, определёнными, не требующими какого-либо рационального осмысления.

В фрагменте (2) в форме речевой импликатуры выражена информация ‘дети сейчас не такие простые, как раньше’. В следующей реплике в качестве пресуппозиции представлена информация ‘раньше все были равны’, а вводное слово *навечно* вы-

ражает неуверенность говорящего только по поводу причинно-следственной связи (*дети раньше были намного проще, потому что все были равны*).

Ещё одним показателем того, что определённое представление осмысливается говорящим как безусловно истинное, становится концептуализация некоторой информации в форме универсального высказывания. Отличительными чертами универсальных высказываний являются дидактичность, обобщённость и неverifiedируемость. Благодаря своему вневременному и всеохватному характеру, отсутствию указания на конкретные место и время, универсальные высказывания позволяют представить информацию как максимально обобщённую, абстрактную. Единичное в данном случае репрезентируется как типичное, происходит генерализация представлений о реальных предметах. Информация репрезентируется не как личное, субъективное мнение, а как нечто объективное, общая жизненная закономерность, непреложная истина. Важно отметить, что универсальные высказывания в рассмотренных ниже примерах являются не средствами осознанной манипуляции, а показателями того, что субъект дискурса определённым образом мыслит описываемую ситуацию:

(1) – *А ведь дедушка этот-то прав, да? Вот они ходят сейчас орут: «Коммунизм – зло!» – а ведь он им жизнь дал, будущее дал, что он у них отнял? Да ничего не отнял, это просто от нечего делать* (Рязанцев).

(2) – *А может быть, есть еще воспоминания вот такие... ммм... ну, были личные, а... ммм... об общем настроении людей в тот период, о каких-то...*

– [перебивает] **Какие настроения, какие недостатки, главная задача была – победить. Никто не думал о недостатках, никто не думал о себе. Нужно было защищать свою Родину.**

– *Так тебе, то есть, говорили твои близкие?...*

– [перебивает] **Это был факт** [пауза].

– *Так они тебе и говорили, что все думали именно о победе?*

– *Да.*

– *Ничего больше не замечалось...?*

– *Да* (Крупович).

В приведённых высказываниях (см. выделенные фрагменты) говорящие репрезентируют некоторую информацию как макси-

мально обобщённую (см., например, использование местоимения 3 л. мн. ч. *они* в примере (1) (*а ведь он им жизнь дал, будущее дал, что он у них отнял?*)), иллюстрирующее манеру говорить на «они» (субъект обозначается, но не называется, оказывается максимально неопределённым), использование местоимения-существительного *никто* в примере (2) (*никто не думал о недостатках, никто не думал о себе*)). При этом анализируемые высказывания обладают неverifiedируемостью (благодаря невозможности отнести их к определённому времени и месту действия, назвать определённых деятелей, они не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты) и дидактичностью.

В фрагменте (1) (*а ведь он им жизнь дал, будущее дал, что он у них отнял?*) универсальное высказывание является максимально неопределённым, неясным остаётся всё: существительные *жизнь* и *будущее* в данном фрагменте являются лексемами с фиктивным денотатом, говорящий использует их здесь в метафорическом значении, остаётся неясным, что именно он имел в виду, возможно множество различных трактовок, при этом не назван адресат, получатель неизвестных благ (для его обозначения используется местоимение-существительное 3 л. мн. ч.). Таким образом, субъект дискурса репрезентирует представление о получении некоторой неопределённой группой лиц неизвестных благ. Именно эта неопределённость делает высказывание максимально оторванным от действительности, говорящий не связывает данное утверждение ни с личным опытом, ни с опытом кого-либо из людей, живших в СССР (упоминающийся во фрагменте *дедушка* выступает только как человек, подтверждающий известную и без него истину: *А ведь дедушка эт-то прав, да?*).

Интересно, что в фрагменте (2) характер универсального высказывания согласуется со спецификой коммуникации: интервьюируемый перебивает интервьюера. При этом говорящий подает информацию не как трансляцию личного опыта старших родственников, а как некоторую абсолютную истину, которая не требует никаких подтверждений: *Это был факт*.

Отдельного рассмотрения заслуживают универсальные высказывания, в которых определённые представления репрезентированы в рамках деонтической модальности. Интерес для нас представляет специфика концептуализации идеи необходимости (долженствования), что может быть проиллюстрировано следующими примерами из одного и того же интервью:

(2)– Но ведь многие люди в наше время... ааа... занимают важное место именно в социальных сферах: это врачи в поликлиниках, это учителя...

– [перебивает] Понимаешь, при каких условиях и сколько им ... ммм... платят за это...

– Ну, видишь... денежный вопрос...

– Вот и я о том же...

– Но ведь человеком правит идея, как ты говоришь.

– Человеком правит идея, только эта идея еще **должна быть** как-то подкреплена. Тогда педагог получал достаточно, чтобы прожить, сейчас у педагога пять тысяч зарплата в школе, и он... едва выживает (Крупович).

(3) Да. Человек **должен быть** в первую очередь не православным, в первую очередь **должен быть** человеком, в первую очередь ему **должны быть** даны дисциплины, ему **должно быть** дано образование, медицина. Ну, все, что нужно было для полноценного развития, все, что нужно, было в том числе в Советском Союзе (Крупович).

В данных фрагментах форма *должен быть* выражает значение необходимости, относимое к модальным. Идея долженствования традиционно выражается с помощью деонтической модальности: «Деонтическая возможность – это возможность действий некоторого агенса, **утверждаемая морально или социально ответственным субъектом** или институцией. Деонтическая возможность связана с долгом, с требованиями к поведению, предъявляемыми системой правил. **В прототипическом случае деонтическая возможность – это разрешение, полученное от авторитета, обычно – говорящего.** Деонтическая необходимость – это обязательство» [Русская корпусная грамматика, <http://rusgram.ru>]. В данном случае идея долженствования связана для субъекта речи с получением определённых благ и возможностей: *Человеком правит идея, только эта идея еще **должна быть** как-то подкреплена. Тогда педагог получал достаточно, чтобы прожить...; в первую очередь ему [человеку. – авт.] **должны быть даны дисциплины, ему должно быть дано образование, медицина.*** При этом использование формы страдательного причастия позволяет, поместив в фокус внимания действие и некоторого абстрактного получателя результата этого действия (см. использование существительного *человек* и место-

имения-существительного *он* в анафорической функции), не называть субъекта, который должен осуществлять данное действие. Интервьюируемый при этом не использует маркёры субъективности, следовательно, личные представления об устройстве мира концептуализируются как некоторая объективная необходимость, непреложная истина, с которой согласны все.

Таким образом, мы можем говорить о неопределённости и обобщённости как основных стратегиях осмысления субъектами современного дискурса советского прошлого. Представления интервьюируемых о советском прошлом концептуализируются ими как некая непреложная истина, которая не может быть подвергнута сомнению и переосмыслению, мы можем констатировать аксиоматичность репрезентируемой информации.

Однако суждения субъектов дискурса современного социума не всегда отличаются категоричностью: часто говорящие так или иначе обозначают собственную неуверенность в полной и однозначной верности репрезентируемой ими информации.

Чаще всего неуверенность интервьюируемых в истинности репрезентируемых представлений выражается с помощью вводных конструкций, маркирующих недостаток информации:

(1) – *А вот если бы тебе предложили что-либо взять из советского времени, что бы ты хотела перенести в нашу сегодняшнюю жизнь?*

– *Ммм... трудный вопрос, потому что, чтобы точно ответить на этот вопрос, мне нужно, **наверно**, было жить в то время, и уже тогда сказать, что именно перенести. **Не знаю, может быть**, песни тогда были более душевные как раз, **может быть**, больше смысла в словах было (Литвяк).*

(2) *Ну, советский мужчина – это одетый такой в темное пальто, скукоженный такой, сгорбленный. Ну, хотя, знаешь, вот плакаты есть же советские-то. Там типа: «Нет, я не буду пить!» Ещё всякие разные. Там мужчина такой круглолицый, улыбается, в кепке такой восьмиклинке, такой, **не знаю**... Ну, интересный. А женщина тоже такая круглолицая, улыбается, розовенькие щёчки, в шапочке такой, в пальто. Я не... Ну, **я не знаю**, это такие люди радужные (Шпехт).*

(3) *Ну, конечно, ну что, **может**, она отличалась, у них не было столько каналов по телевизору [смеется], поэтому у них больше времени занимали какие-то другие развлечения.*

Больше времени пр... проводили, общаясь. Вот. Ну, у нас сейчас не так (Шелковникова).

(4) **Может быть...** эээ... *может быть, чтобы государство больше внимания уделяло людям, что сегодня, если ты сам, то есть ничего не сделаешь, отсюда у нас бомжи и так далее, раньше бы, **допустим**, бомжей, такого понятия «беспризорные дети», «бомжи» вообще не было, а сейчас, то есть, **может быть**, ра... раньше люди, вообще, оставляли дома открытые, да? То есть не замыкали (Литвяк).*

(5) *Люди на... были намного лучше, **мне кажется**, жили веселее (Курбатова).*

(6) *То есть тогда был более... **мне кажется**, такой медленный более, да? Ход жизни, то есть. А сейчас время летит, на самом деле, намного быстрее (Литвяк).*

(7) ***Если бы я там жила**, я бы могла со своей точки зрения сказать, но... ммм... конечно, было, **наверно**, что-то хорошо, что-то плохо, что хорошо, как я уже сказала, да, что бесплатное образование, да, у людей было больше возможностей, да, его получить (Литвяк).*

Метаязыковые маркёры в данных фрагментах становятся, во-первых, способом обозначить отсутствие собственного знания (*я не знаю*), а во-вторых, возможностью придать своему высказыванию статус модализованной пропозиции (*мне кажется, может быть*). Наличие ситуации не утверждается, а лишь предполагается, при этом субъект речи мотивирует подобную форму экспликации представлений дефицитом знания. Последнее подтверждается не только использованием прямого указания на отсутствие знания (*я не знаю*), но и использованием метаязыкового маркёра *мне кажется*, употребляющегося «в ситуации, когда нет достоверных данных, чтобы вынести окончательное суждение... Подразумеваемый говорящий является при слове *кажется* субъектом неуверенного знания» (цит. по: [Русская корпусная грамматика, <http://rusgram.ru>]).

Другим способом имплицитного выражения неуверенности является использование интервьюируемыми местоименного наречия *как-то* в значении ‘в некоторой степени, несколько’ [СОШ].

(1) – *А хуже? Что хуже стало?*

– *Я не очень люблю такую вещь... Как бы объяснить...*

Сплетничество – оно было всегда <...> А раньше были дис-

котехи, и это было хоть **как-то** прилично. Судя по рассказам бабушек опять же.

– Извини, я тебя немножко поправлю. У бабушек были танцы, дискотеки как раз и появились в 80-х, 90-х.

– Нет-нет. Бабушка Лида в её молодости, а ей сейчас 75 исполнилось, рассказывала... Ну да, дискотеки появились, тогда в 80-е, в 90-е. А тогда это называлось вечерами.

– Ну, да вечера, танцы.

– Ну вот танцы, это было еще **как-то** прилично, даже самодеятельность какая-то (Е. Скворцова).

(2) Да-да-да, говорит... говорит, жили тяжело, но **как-то** более весело и дружно (Бельков).

(3) **Не знаю**, сейчас, **по-моему**, каждый хочет много зарабатывать и больше работать **или там, не знаю**, что вот... **какие-то**... развлечений гораздо, то есть гораздо больше сейчас. <...> Раньше были кружки, самодеятельность, **как-то** жизнь была насыщенная. Спортом опять же гораздо больше занимались (Учитель).

(4) Ну, сейчас говорят, что ритм стал намного быстрее по сравнению, например, с прошлым поколением, то есть как они жили и как сейчас, вот. То есть если раньше говорили, что, ну, в молодости, в основном, ну, нужно... То есть некоторые там отдыхали да развлекались всяко-разно, ходили на танцы, то сейчас, ну что... А... **как бы там** уже в более взрослом возрасте, допустим, ближе к старости то есть, человек **как-то** задумываться уже начинает... работу, то сейчас уже именно молодежь настраивается на то, что с молодых лет, не нужно развлекаться, нужно уже с самого начала работать потому, что иначе ты потом просто себя не найдешь в этой жизни. То сейчас, конечно, стала уже другая жизнь (Литвяк).

Ключевой в данном случае становится семантика неопределённости, характерная для данного наречия: степень проявления признака остаётся неизвестной (неизвестно, насколько более весело и дружно жили, насколько жизнь была насыщенной). Таким образом, происходит деинтенсификация оценки: некоторая неопределённая степень никогда не может быть абсолютной, предельной. Подобная неопределённая степень проявления признака, по всей видимости, объясняется некоторой неуверенно-

стью субъектов дискурса: они приписывают прошлому некоторое качество, но не могут определить степень проявления данного свойства в тот период. Имплицируется информация 'я считаю, что это существовало в Советском Союзе, но я не знаю, насколько ярко это проявлялось'.

Ещё одной формой отказа от однозначности и категоричности при осмыслении определённой ситуации становится использование дискурсивного слова *как бы*.

Дискурсивное слово *как бы*, по мнению С. А. Губаревой, может использоваться говорящим для достижения следующих целей:

- возможность выиграть дополнительное время для формирования мысли и создания речевого произведения;
- снятие ответственности с субъекта речи за последствия высказывания;
- отказ от категоричности и обеспечение вероятности вариативной трактовки и т. д. [Губарева, 2006, <http://dspace.univer.kharkov.ua>].

По всей видимости, в рассматриваемых нами примерах реализуется тактика отказа от категоричности и обеспечение вероятности вариативной трактовки. Подобное предположение подтверждается тем, что в анализируемых примерах отказ от категоричности эксплицируется и с помощью других, проанализированных выше средств (маркёры неуверенности/недостаточности знания, местоименное наречие *как-то*):

(1) *Что еще из СССР... Не знаю. Может быть, взаимоотношения людей между собой, то есть я даже не говорю о каких-то там м... сложных вещах, как там воспитание там детей или отношения в семье, а просто вот, ну, на улице, там, в очереди или еще где-то. Как-то так. То есть уважение, например, к милиции, ну, сейчас полиции уже, ну, потому что это на самом деле очень вроде как бы, с одной стороны, простая вещь, а с другой стороны, она очень нужная (Яровой).*

(2) *Я вот все описывала, я описывала, как бы внешний фактор, но по сути-то здесь можно было сказать и о внутреннем факторе. Как бы советские люди – они более добрее, наверно, друг к другу были, более компанейские, может, даже чего-то не боялись. А вот уже постсоветский... там такой разгильдяйство идет, на все как бы без разницы, что будет дальше, что есть сейчас. Главное, что мне хорошо, мне весело как бы, вот так вот (Шпехт).*

Субъекты дискурса, эксплицируя представление о некоторой ситуации в прошлом, отказываются от категоричности и безапелляционности при её концептуализации. Имплицитно представлена идея возможности уточнения, корректировки данного представления.

На основе представленного выше анализа языковых средств можно сделать вывод о стремлении субъектов к отказу от категоричности утверждений. Пропозиции в данном случае чаще оформляются не как декларатив, а как некоторое предположение, требующее уточнения или подтверждения. Подобная неуверенность в определённости и однозначности концептуализации некоторой ситуации объясняется отсутствием личного опыта освоения советского и, как следствие, отсутствием подтверждённого личным опытом знания о Советском Союзе. При этом подобная неуверенность противоречит стремлению субъектов речи к безапелляционности и категоричности при репрезентации представлений о советском, рассмотренным выше. По всей видимости, первая тенденция объясняется влиянием дискурса современного социума, где конструируемый образ советского прошлого концептуализируется как некоторый идеал великого и сильного государства (следовательно, советское как дискурсивный феномен осмысливается максимально однозначно). Вторая тенденция, как уже было сказано выше, позволяет интервьюируемым эксплицировать некоторую неуверенность в определённости и однозначности транслируемых представлений, детерминированную отсутствием личного опыта освоения советского.

Таким образом, анализ различных форм двойственности, характерных для функционирования представлений в дискурсивном пространстве, позволяет сделать вывод о специфике функционирования советского как дискурсивного феномена: и советский дискурс, и дискурс современного социума стремятся к максимально однозначному осмыслению, к определённости ориентиров и оценок (при этом оценки в подавляющем большинстве случаев положительные). Дискурс настолько захватывает говорящего, что личная, субъективная, точка зрения подавляется требуемым дискурсом способом осмысления ситуации. Субъект, подчиняясь требованию дискурсивного конструирования, определённым образом концептуализирует ситуацию, не отслеживая возникающего при этом противоречия. Редкие попытки рационализации и рефлексии подавляются воздействием дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, в рамках одной книги вряд ли возможно дать исчерпывающее и подробное описание всего многообразия способов и форм присутствия советского в дискурсивном пространстве. Исследование данного феномена с точки зрения работы когнитивно-дискурсивного механизма потому и представляет особый интерес: «призрачное присутствующее» советское охватывает чрезвычайно широкую сферу, вместе с тем оно необыкновенно разнородно. Именно это – его масштабность и разнородность – и дает возможность исследователю наблюдать способы работы когнитивно-дискурсивного механизма.

Данное исследование посвящено не верификации представлений интервьюируемых о реально существовавшем на карте мира государстве и жизни людей в нём (равно как и опровержение истинности представлений информантов не было нашей целью). Интерес для изучения представлял именно воображаемый Советский Союз, СССР не как исторический факт, а как реальность сознания человека.

И ностальгия по советскому в этом смысле оказывается более чем условным обозначением для максимально неотрефлексированной экспликации представлений о прошлом, реально освоенном субъектом речи или существующем для него исключительно в дискурсивной форме.

И здесь ещё раз следует остановиться на причинах структурообразующего для данной книги со- и противопоставления текстов интервьюируемых, принадлежащих к разным поколениям: релевантным оказывается факт принадлежности субъекта речи к определённому дискурсу – советскому или современному.

Под дискурсом мы в данном случае понимаем максимально широкое коммуникативное пространство, в рамках которого с помощью использования детерминированных специфической когнитивной организацией языковых средств формируется особое видение действительности. Существенные характеристики когнитивно-дискурсивных структур могут быть реконструированы только через анализ языковых форм и конструкций.

Предметом анализа являлся не столько сам набор феноменов, приписываемых интервьюируемыми советскому прошлому,

сколько специфика концептуализации каждого из них субъектами разных дискурсов, разница в их осмыслении и интерпретации.

Таким образом, мы говорим о конструировании двух образов СССР – в рамках советского дискурса (здесь это эксплицируется как воспоминание) и в дискурсивном пространстве современного социума (он репрезентируется как не подкреплённое личным опытом мнение, рассуждение).

Как показал анализ речевых фактов, структурирование реальности осуществляется в соответствии с рамками, задаваемыми дискурсом: говорящие в репрезентации своих представлений стремятся не только к максимальной однозначности и декларативности, но и к концептуализации ситуации как неопределённой и обобщённой. При этом в случае с субъектами дискурса современного социума, не имеющими опыта непосредственного освоения советского, подобное стремление оказывается выраженным более отчётливо.

Именно дискурсивность советского как феномена становится основной причиной двойственности, проявляющейся при его осмыслении: субъект, стремясь к задаваемой дискурсом однозначности, не осознаёт, что его собственное отношение к данному явлению не столь определённо. Более того, имплицитная в тексте информация позволяет увидеть прямо противоположное эксплицитно выраженной оценке ситуации представление.

Таким образом, именно дискурс не только предопределяет выбор фрагментов советского прошлого, представления о которых эксплицируются субъектом, но и диктует определённый способ концептуализации реальности, настолько подавляющий говорящего, что он оказывается не в состоянии отследить несоответствие между собственными субъективными представлениями и декларируемыми постулатами.

Воссозданное в дискурсивном пространстве СОВЕТСКОЕ оказывается «полем для проекции вполне современных фобий и желаний» [Щербенок, 2012, <http://magazines.russ.ru/nz>]: рассказ о СССР сегодня с неизбежностью оказывается рассказом и о «сейчас», так как данный феномен интерпретируется интервьюируемыми именно с позиций современности.

В этом смысле СОВЕТСКОЕ как дискурсивный феномен оказывается принадлежностью не прошлого, а настоящего.

СПИСОК ИНТЕРВЬЮИРУЕМЫХ

1. *Агеева* – Татьяна Константиновна Агеева, 1949 г. р.
2. *Аевструева* – Татьяна Леонидовна Аевструева, 1943 г. р.
3. *Александренко* – Луиза Антоновна Александренко, 1941 г. р.
4. *Алексеев* – Валентин Николаевич Алексеев, 1935 г. р.
5. *Антипин* – Антипин Владимир Фёдорович, 1934 г. р.
6. *Бахтина* – Нина Васильевна Бахтина, 1939 г. р.
7. *Белобородова* – Елена Владимировна Белобородова, 1952 г. р.
8. *Белова* – Нелли Александровна Белова, 1939 г. р.
9. *Береснева* – Ирина Владимировна Береснева, 1956 г. р.
10. *Бубнова* – Марина Антоновна Бубнова, 1943 г. р.
11. *Буримова* – Ирина Анатольевна Буримова, 1936 г. р.
12. *Бурова* – Вера Иннокентьевна Бурова, 1956 г. р.
13. *Васильева* – Нина Павловна Васильева, 1923 г. р.
14. *Васюхина* – Ольга Васильевна Васюхина, 1923 г. р.
15. *Верхозина* – Вера Гавриловна Верхозина, 1931 г. р.
16. *Ветров* – Михаил Григорьевич Ветров, 1920 г. р.
17. *Вишняков* – Моисей Сергеевич Вишняков, 1918 г. р.
18. *Вишнева* – Галина Михайловна Вишнева, 1935 г. р.
19. *Владимирцева* – Галина Михайловна Владимирцева, 1937 г. р.
20. *Выборова* – Нина Александровна Выборова, 1940 г. р.
21. *Глызина* – Нина Иннокентьевна Глызина, 1922 г. р.
22. *Говорина* – Елена Ивановна Говорина, 1937 г. р.
23. *Горбунова* – Лилия Дмитриевна Горбунова, 1957 г. р.
24. *Жмур* – Людмила Николаевна Жмур, 1943 г. р.
25. *Жукова* – Татьяна Ивановна Жукова, 1957 г. р.
26. *Иванов* – Фёдор Андреевич Иванов, 1929 г. р.
27. *Иванова* – Алевтина Николаевна Иванова, 1939 г. р.
28. *Кавчик* – Борис Константинович Кавчик, 1946 г. р.
29. *Калошин* – Валентин Николаевич Калошин, 1948 г. р.
30. *Костромитинова* – Галина Михайловна Костромитинова, 1933 г. р.
31. *Кочкова* – Капитолина Алексеевна Кочкова, 1955 г. р.
32. *Кузьмина* – Инга Валерьевна Кузьмина, 1967 г. р.
33. *Кузнецова* – Анна Леонидовна Кузнецова, 1924 г. р.
34. *Куцко* – Мария Харитоновна Куцко, 1920 г. р.
35. *Латышева* – Нонна Ильинична Латышева, 1941 г. р.
36. *Москаленко* – Владимир Григорьевич Москаленко, 1938 г. р.

37. *Находнев* – Анатолий Александрович Находнев, 1939 г. р.
38. *Нефёдова* – Фаина Петровна Нефёдова, 1955 г. р.
39. *Орлова* – Галина Владимировна Орлова, 1948 г. р.
40. *Полетаева* – Тамара Андреевна Полетаева, 1935 г. р.
41. *Полякова* – Валентина Иннокентьевна Полякова, 1938 г. р.
42. *Поляничко* – Лидия Пантелеймоновна Поляничко, 1925 г. р.
43. *Портянникова* – Елена Викторовна Портянникова, 1934 г. р.
44. *Попова* – Юлия Александровна Попова, 1932 г. р.
45. *Рютина* – Маргарита Михайловна Рютина, 1927 г. р.
46. *Сергеева* – Галина Осиповна Сергеева, 1939 г. р.
47. *Сериков* – Лев Иванович Сериков, 1945 г. р.
48. *Соловьёва* – Татьяна Михайловна Соловьёва, 1948 г. р.
49. *Суворова* – Александра Ивановна Суворова, 1936 г. р.
50. *Сычёва* – Людмила Михайловна Сычёва, 1956 г. р.
51. *Трегубова* – Трегубова Тамара Петровна, 1941 г. р.
52. *Трошина* – Тамара Николаевна Трошина, 1948 г. р.
53. *Ушакова* – Тамара Африкановна Ушакова, 1939 г. р.
54. *Флоренцева* – Юлия Борисовна Флоренцева, 1931 г. р.
55. *Шарлова* – Наталья Львовна Шарлова, 1942 г. р.
56. *Шевелёв* – Сергей Александрович Шевелёв, 1948 г. р.
57. *Эстрина* – Елена Григорьевна Эстрина, 1937 г. р.

1. *Бельков* – Михаил Сергеевич Бельков, 1991 г. р.
2. *Глинский* – Артём Андреевич Глинский, 1989 г. р.
3. *Крупович* – Евгения Сергеевна Крупович, 1992 г. р.
4. *Курбатова* – Валентина Евгеньевна Курбатова, 1989 г. р.
5. *Литвяк* – Екатерина Фёдоровна Литвяк, 1992 г. р.
6. *Рязанцев* – Рязанцев Станислав Павлович, 1990 г. р.
7. *Скворцова Е.* – Елена Фёдоровна Скворцова, 1992 г. р.
8. *Скворцова О.* – Ольга Фёдоровна Скворцова, 1994 г. р.
9. *Ткаченко* – Екатерина Альбертовна Ткаченко, 1991 г. р.
10. *Учитель* – Михаил Олегович Учитель, 1986 г. р.
11. *Шелковникова* – Татьяна Алексеевна Шелковникова, 1994 г. р.
12. *Шпехт* – Екатерина Олеговна Шпехт, 1992 г. р.
13. *Яровой* – Семён Борисович Яровой, 1991 г. р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С. С.* «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // *Вопр. литературы.* – 1970. – № 3. – С. 113–143.
- Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.
- Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе русского языка / Г. Н. Акимова. – М. : Высшая школа, 1990. – 168 с.
- Аладына А. А.* Позиционно-лексический повтор в системе экспрессивных синтаксических конструкций [Электронный ресурс] / А. А. Аладына, М. Е. Минайдарова // *Русская речь в современном вузе : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. интернет-конф.* / отв. ред. Б. Г. Бобылев. – Орел, 2009. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3328.html> (дата обращения: 27.12.2013).
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
- Арутюнова Н. Д.* Всё про всё // *Логический анализ языка: Семантика начала и конца.* – М., 2002. – С. 363–400.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Байфорд Э.* «Последнее советское поколение» в Великобритании [Электронный ресурс] // *Неприкосновенный запас.* – 2009. – № 2 (64). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/bai6.html> (дата обращения: 27.12.2013).
- Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 360 с.
- Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – 5-е изд., доп. – Киев : NEXТ, 1994. – 509 с.
- Бойм С.* Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова [Электронный ресурс] // *Новое лит. обозрение.* – 1999. – № 39. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym.html> (дата обращения: 27.12.2013).
- Брагинская Н. В.* Календарь // *Мифы народов мира.* – М. : Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 612–615.
- Будаев Э. В.* Лингвистическая советология как научное направление / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // *Полит. лингвистика.* – 2009. – № 27 (1). – С. 25–38.
- Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. Ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Васильев А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. — М., 2008. — С. 19–49.

Вельцер Х. История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html> (дата обращения: 29.12.2013).

Виноградов С. Н. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов // Филология. Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2007. — № 6. — С. 265–269.

Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация [Электронный ресурс] // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Воронеж, 2000. — Вып. 2. Язык и социальная среда. — С. 21–42. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (дата обращения: 29.12.2013).

Губарева С. А. Дискурсивное слово как бы как показатель творческого мышления [Электронный ресурс] // Спочатку було слово : матеріали студентської наукової конференції філологічного факультету. 18 квітня 2006 р., м. Харків. — Харків, 2006. — С. 26–27. — URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/6173/2/Gubareva.pdf> (дата обращения: 27.12.2013).

Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства [Электронный ресурс] // Диалог' 2003 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» : тр. междунар. конф. — URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Daragan.htm> (дата обращения: 27.12.2013).

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17–33.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.

Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. — 282 с.

Каспэ И. М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России: культура – общество – человек : материалы Междунар. симпозиума (25–26 янв. 2008 г.) / под общ. ред. А. М. Никулина. — М., 2008. — Т. 15. — С. 205–218.

Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. — 2008. — № 4. — С. 51–77.

Клемперер В. ЛТГ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер ; пер. с нем. А. Б. Григорьева. — М. : Прогресс-Традиция, 1998. — 384 с.

Кобозева И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) [Электронный ресурс] // Диалог-2003 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные

технологии» : тр. Междунар. конф. – URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Kobozeva.htm> (дата обращения: 27.12.2013).

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.

Кустарев А. Золотые 1970-е: ностальгия и реабилитация [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 2 (52). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ku1.html> (дата обращения: 27.12.2013).

Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 85–109.

Марьямов А. Довженко / А. Марьямов. – М. : Молодая гвардия, 1968. – 384 с. – (ЖЗЛ).

Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

Михалёва О. Л. Манипулятивный потенциал языковых средств репрезентации ностальгии по советскому / О. Л. Михалёва, И. А. Клешнин // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. – Томск, 2011. – С. 247–259.

Николаев А. И. Основы литературоведения [Электронный ресурс] / А. И. Николаев. – Иваново : ЛИСТОС, 2011. – URL: <http://www.listos.biz/филология/николаев-а-и-основы-литературоведения> (дата обращения: 27.12.2013).

Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2009. – 183 с.

Общедоступный сетевой архив фонда «Устная история» [Электронный ресурс]. – URL: <http://oralhistory.ru/about/about> (дата обращения: 27.12.2013).

Пеньковский А. Б. О лексико-синтаксической структуре блоков полного усиленного отрицания в современном русском языке // Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. – М., 2004. – с. 101–120.

Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 111 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3 / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – 549 с.

Притчин А. Н. Миф и реклама / А. Н. Притчин, Б. С. Терemenko // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 149–163.

Пукшанский Б. Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления / Б. Я. Пукшанский. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – 153 с.

Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2000 (6). – № 3. – С. 3–15.

Резанова З. И. Предисловие / З. И. Резанова, И. В. Тубалова // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 9–10.

Репина Л. П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2008. – С. 7–18.

Роганов С. Нужен ли современной России Сталин? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. – 2009. – URL: <http://www.aif.ru/society/article/28625> (дата обращения: 02.12.13).

Романенко А. П. Ностальгия по советскому прошлому: возможный подход к исследованию [Электронный ресурс] / А. П. Романенко, З. С. Санджи-Горяева // Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России : интернет-журн. – URL: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=49> (дата обращения: 15.05.2013).

Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 21.12.2013).

Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. Сарнов. – М. : Эксмо, 2005. – 768 с.

Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ / Ю. С. Степанов [и др.]. – Харьков : Око, 1993. – Т. 1. – С. 83–101.

Советская память / память о советском. От редакции [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2 (64). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1.html> (дата обращения: 02.12.2013).

Фрумкина Р. М. Фрагменты дисциплинарной панорамы. Лингвистика вчера и сегодня // НЛЮ. – 2001 (6). – № 4. – С. 347–360.

Фуко М. Археология знания : пер. с фр. / М. Фуко ; под общ. ред. Бр. Левченко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 27.12.2013).

Хан-Пира Э. И. Язык власти и власть языка // Вестник АН СССР. – 1991. – № 4. – С. 12–24.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. Т. 2. 1952–1962 / Л. Чуковская. – М. : Время, 2007. – 820 с.

Шабурова О. В. Ностальгический дискурс в конструировании коллективной идентичности [Электронный ресурс] / О. В. Шабурова, Н. С. Смолина // Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России : интернет-журн. – URL: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=26> (дата обращения: 15.05.2010).

Шатин Ю. В. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. – 2002. – Вып. 5. – С. 100–108.

Шаховский В. И. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журн. – 2008. – № 10. – С. 8–12. – URL: http://tverlingua.ru/archive/010/2_10.htm (дата обращения: 12.03.2012).

Щербенок А. Г. «Я знаю, но всё равно...»: постсоветское кино и советское прошлое [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. –

2012. – № 1 (81). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/1/s5.html> (дата обращения: 27.12.2013).

Элиаде М. Миф о вечном возвращении [Электронный ресурс] // Библиотека JungLand. – URL: <http://jungland.net/Library/ElMifOVozvr.htm> (дата обращения: 02.12.2013).

Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 2 (52). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ur7.html> (дата обращения: 29.12.2013).

Яшин В. Н. Ностальгия по советскому в публичных выступлениях политических лидеров современной России [Электронный ресурс] // Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России : интернет-журн. – URL: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=51> (дата обращения: 15.05.2010).

Boym S. The Future of Nostalgia / S. Boym. – N. Y. : Basic Books, 2001. – 322 p.

Chafe W. L. The recall and verbalization of past experience // Current Issues in Linguistic Theory / ed. by R. W. Cole. – Bloomington ; L. : Indiana University Press, 1977. – P. 215–246.

Nadkarni M. The Politics of Nostalgia: A case for Comparative Analysis of Postsocialist Practices / M. Nadkarni, O. Shevchenko // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – P. 487–519.

Rhodes R. Cross-linguistic Comparison of Tautological Constructions with Special Focus on English [Электронный ресурс] // Linguistics. Berkeley Linguistics Department. – URL: http://linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qr.pdf (дата обращения: 27.12.2013).

Van Dijk T. A. Ideology and Discourse. Multidisciplinary Introduction. English version. of an Internet course for the Universitat Oberta de Catalunya (UOC) [Электронный ресурс] // Van Dijk T.A. Discourse in Society. – July, 2000. – URL: <http://www.discourses.org/OldBooks/Teun%20A%20van%20Dijk%20-%20Ideology%20and%20Discourse.pdf> (дата обращения: 27.12.2013).

Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation / A. Yurchak. – Princeton : Princeton University Press, 2006. – 331 p.

Zusman V. Totalitarian Language: Reflections Of Power (Russian, German, Italian Case Studies) / V. Zusman, N. Gronskaya, T. Batishcheva // Autorità e crisi dei poteri. – Padua: Casa Editrice Dott Antonio Milani, 2012. – P. 277–289.

Словари

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 41 000 слов / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1992. – 908 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель: АСТ, 2000. – 4 т.

Научное издание

**Советское как дискурсивный феномен:
способы концептуализации прошлого**

Михалёва Ольга Леонидовна,
Рачёва Александра Андреевна,
Ташлыкова Марина Борисовна
[и др.]

ISBN 978-5-9624-0963-4

Печатается в авторской редакции
Дизайн обложки П. О. Ершов

Темплан 2013 г. Поз. 234.
Подписано в печать 9.11.2013. Формат 60х90 1/16.
Усл. печ. л. 15,6. Уч.-изд. л. 13,1. Заказ 241. Тираж 100.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36